Да здравствует Первое Мая!

Весенний день.
Фото Б. Уткина.

На первой и четвертой страницах обложки: рисунок **И. Гринштейна.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 18 (1559) 28 АПРЕЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

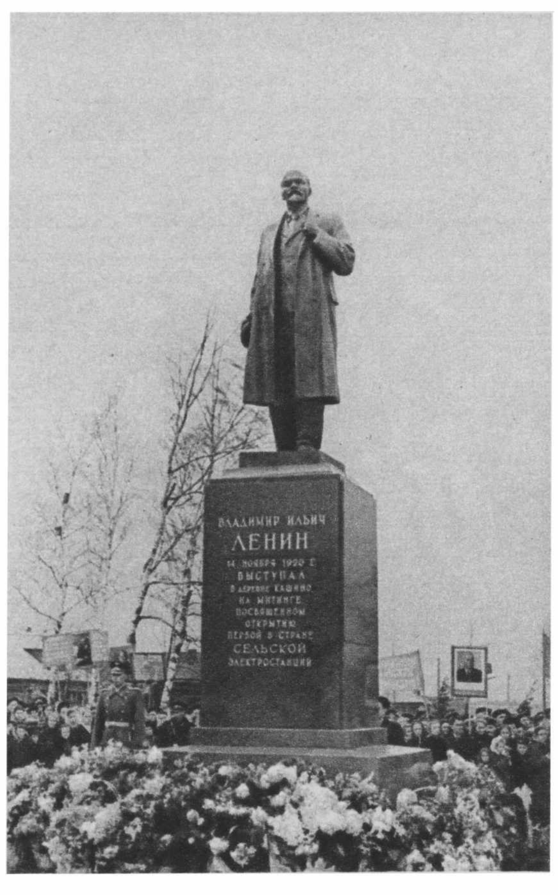
ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ — К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

Все прогрессивное человечество торжественно отметило 87-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина — великого теоретика коммунизма и вождя рабочего класса, основателя нашей Коммунистической партии и Советского государства.

В городах, поселках, селах — всюду состоялись торжественные собрания и вечера, посвященные жизни и деятельности В. И. Ленина.

14 ноября 1920 года Владимир Ильич Ленин приехал в деревню Кашино под Москвой на открытие одной из первых сельских электростанций. Накануне 87-й годовщины со дня рождения Ленина в деревне Кашино состоялось торжественное открытие памятника Владимиру Ильичу. На многолюдном митинге выступил Первый секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

В столице нашей Родины, в Большом театре, 22 апреля состоялось торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций. С докладом о 87-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина выступила секретарь ЦК и МГК КПСС тов. Е. А. Фурцева.

На митинге, посвященном открытию памятника В. И. Ленину в деревне Кашино, Волоколамского района. Выступает Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

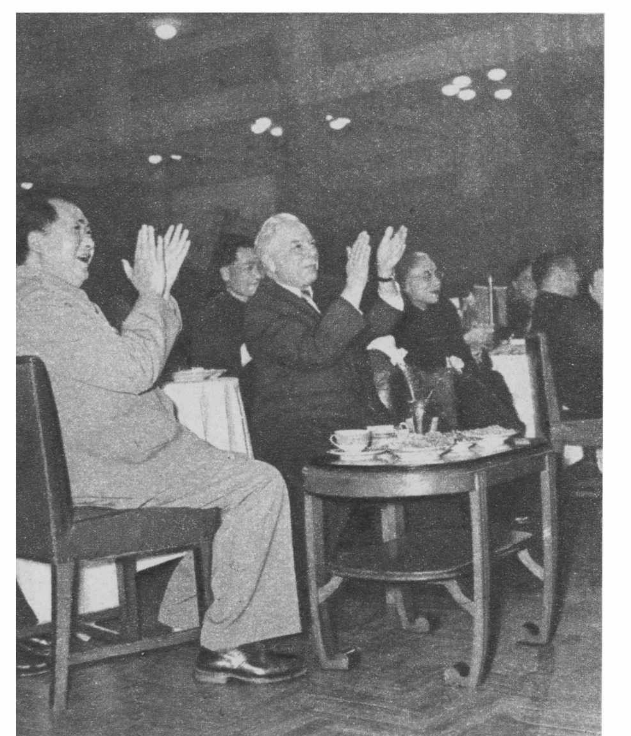
В президиуме торжественного заседания, посвященного 87-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото С. Раскина.

ПРЕБЫВАНИЕ К. Е. ВОРОШИЛОВА В

18 апреля. Массовый митинг на городском стадионе Сяньнунтан в Пекине.

16 апреля вечером премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай устроил в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова большой прием, на котором присутствовало более 1 400 человек. В заключение приема состоялся концерт с участием артистических сил Пекина и Шанхая.
Н а с н и м к е: товарищи Мао Цзэ-дун и К. Е. Ворошилов аплодируют артистам.

Весна Китая

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**
Специальные корреспонденты «Огонька»

Весна всюду хороша. Надо ли говорить о том, насколько хороша она в Китае, где сбываются мечты и надежды миллионов людей, завоевавших свободу!

Да, в Китае сейчас чудесная, благоухающая весна. Нежным желтоватым цветом цветет дерево, которое носит удивительное название: «навстречу весне». Есть какое-то спокойствие и мудрое пророчество во всем: в труде, в речах, в планах на будущее. Здесь видишь и понимаешь, как широко шагает народ Китая.

Товарищ Мао Цзэ-дун, встречая Климента Ефремовича Ворошилова на пороге зала Хуайжэньтан, спросил, как себя чувствует товарищ Ворошилов после осмотра Всекитайской сельскохозяйственной выставки.

— Если бы я даже был очень тяжело болен, я бы немедленно поправился после того, как посмотрел вашу чудесную выставку, — ответил К. Е. Ворошилов.

Товарищ Ворошилов приехал на выставку утром и был горячо встречен тысячами пекинцев. Стенды, на которых выставлены древние крестьянские орудия труда, совершенные сельскохозяйственные орудия, разные сорта риса и тропические плоды, — все было осмотрено в течение трех часов. Когда заканчивался первый час осмотра, К. Е. Ворошилову предложили отдохнуть.

— Нет, нет... Я же ничего не делаю, только смотрю, — ответил он.

Товарищу Ворошилову называют цифру крестьянских хозяйств, охваченных в Китае коллективизацией: это более 96 процентов всего сельского населения.

— Социализм можно строить только при поддержке большинства населения...— замечает К. Е. Ворошилов. — Это верно и для Китая и для Советского Союза.

Возле витрины, где показаны вредители, портящие сады и поля, К. Е. Ворошилов задержался.

— Империалисты всякие — тоже вредители, — шутит он. — Не зря мы сражались со

КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

многими из них. Я убежден, что и оставшиеся будут выведены окончательно. А раз не будет вредителей, народ сделает, да уже и делает такое, что никаким императорам не снилось.

Накануне в парке Цзиншань, остановившись возле дерева, на котором, по преданию, повесился последний император из династии Мин, К. Е. Ворошилов сказал:

— Дереву надо было бы дать медаль: сослужило хорошую службу...

Витрина за витриной, павильон за павильоном раскрывают захватывающую картину расцвета народного Китая. Товарищ Ворошилов увлечен осмотром. Он долго взвешивает на руке огромный грейпфрут. Потом его заинтересовал большой, неуклюжий батат.

Вот он увидел деревянную палочку в руках девушки, стоящей у витрины. В глазах его зажигаются лукавые огоньки:

— Это для того, чтобы бить по рукам тех, кто потянется за фруктами?

— Нет, нет, — возражает девушка, смущенно улыбаясь, — это для того, чтобы показывать.

От витрины к витрине провожают гостя десятки людей, стараясь подойти ближе к советскому маршалу, так сердечно разговаривающему с каждым.

Около стенда с кукурузными початками Климент Ефремович снова задерживается.

— Какой процент посевной площади в Китае занят кукурузой? — спрашивает он.

Кто-то сообщает:

— Процентов семь.

Затем появляется уточнение:

— Четырнадцать.

— Кукуруза — очень ценная культура, — говорит Ворошилов. — Большое количество кукурузы — это много мяса, молока, масла. Канадцы и американцы добились больших успехов в этом деле. Американские капиталисты часто выступают как наши главные противники, но то, что у них хорошо в сельском хозяйстве, мы с удовольствием изучаем. Мы также с удовольствием поделимся с ними опытом в любой отрасли — пусть берут. Так должны жить все народы, по-человечески.

Ворошилов с интересом рассматривает корни земляного ореха — арахиса.

— У нас эти орехи очень любят, — говорит он.

У витрины, где разложен белоснежный хлопок, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Шараф Рашидов говорит:

— Это наш сорт, ферганский, Климент Ефремович.

— Земляка встретил, обрадовался! — улыбается Ворошилов.

Возле макета будущего электрифицированного сельскохозяйственного кооператива Климент Ефремович задерживается, внимательно его рассматривает и, обращаясь к сопровождающему его товарищу Лю Шао-ци, убежденно говорит:

— А в действительности ведь будет еще лучше. Коммунисты — народ хитрый. Они добиваются всего, что задумали, и даже сверх того.

Всекитайская сельскохозяйственная выставка соединяет в себе мечту и действительность. Гигантские естественные богатства и неиссякаемая энергия строителей нового Китая — такова могучая основа, на которой строится завтрашний день великой страны.

Перед тем, как Климент Ефремович покинул выставку, ему и сопровождающим его товарищам были преподнесены подарки.

Взволнованно, совсем по-молодому звучит голос товарища Ворошилова:

— Большое вам спасибо, дорогие товарищи! Спасибо за подарки! Но не только в подарках дело. Спасибо вам за то, что вы сделали для всего человечества! Эта выставка показывает, как много сделал и как много еще сделает ваш замечательный, трудолюбивый, талантливый народ. Это — счастье для всех народов, что мы вместе, что нам светят лучи того прекрасного будущего, ради которого мы живем, — коммунизма!

...У многих молодых людей, встречающих Ворошилова, на синих тужурках мы замечаем ордена и орденские ленты.

— За что они получены? — интересуемся мы.

— Это добровольцы, сражавшиеся с американцами и лисынмановцами в Корее.

В Пекине меня навестил друг, с которым довелось недавно побывать в Индии и Египте, автор книги «Три тысячи рек и гор», писатель Ян Шо. Он тоже был в числе китайских добровольцев, сражавшихся в Корее. Он подарил мне мундштук из слоновой кости.

— Этот мундштук я получил, как и другие солдаты и офицеры в Корее, в дар от наших матерей и отцов,— говорил Ян Шо.— Видите: на мундштуке красные иероглифы. Здесь написано: «Мать моя родина». Хотя я некурящий, я хранил его все время, а теперь эту дорогую для меня память хочу подарить вам в знак нашей дружбы.

Я рассматривал аккуратно выточенный мундштук, не опаленный еще дымком сигареты.

— Я знал одного офицера, который в сражении не выпускал такой мундштук изо рта. При каждой затяжке огонек освещал надпись: «Мать моя родина»,— говорил Ян Шо.

Какие близкие и для нас, советских людей, слова! Любовь и гордость за свою родину мы особенно сильно ощутили в день, когда на пекинском стадионе состоялся грандиозный митинг трудящихся.

Поля стадиона не было видно. Его до краев заполнили пекинцы, пришедшие сюда, чтобы увидеть товарища Ворошилова. Девушки в пестрых шерстяных кофтах, в национальных ярких костюмах, тысячи юношей в фуражках с короткими козырьками. И лозунг, написанный на двух языках золотыми буквами: **«Да здравствует вечная дружба народов Китая и Советского Союза!».**

Все ожидают приезда гостей. Каждую прибывающую машину встречают приветственными криками. Это звучат дружба, гостеприимство, любовь. Ждут Климента Ефремовича Ворошилова, ждут Мао Цзэ-дуна. И вот они уже на стадионе. Поднимаются на трибуну. Гром оваций? Да нет же, гром — тот прокатится и затихнет, а этот, словно горный обвал, перекатывается из края в край.

Улыбаются Мао Цзэ-дун, Ворошилов, Лю Шао-ци. Улыбаются все, кто на трибуне, и все, кто на стадионе. «Цветы китайско-советской дружбы расцветают повсюду на необъятной земле обеих наших стран», — говорит в своем приветственном слове председатель Народного комитета Пекина Пын Чжэнь.

Потом выступает товарищ Ворошилов. Любовь и уважение к братскому китайскому народу в каждом его слове. Сколько уверенности в будущем! Какая убежденность в правоте общего дела!

Снова гремят овации на стадионе. Товарищу Ворошилову подносят Знамя Почета. Климент Ефремович вновь берет слово. Взволнованно звучит его голос.

К микрофону подходит Мао Цзэ-дун.

— Да здравствует великий советский народ! Да здравствует единство Китая и СССР! — говорит он, и слова его тонут в новой буре оваций.

Митинг закончен.

Товарищи Мао Цзэ-дун, К. Е. Ворошилов подходят к крыльям трибуны и приветствуют советских специалистов, помогающих Китаю строить новую жизнь.

Машины с гостями покинули стадион, но народ не расходится. Здесь же, на трибунах, китайские рабочие и инженеры обнимают советских рабочих, инженеров.

Да, прочна и нерушима наша дружба с Китаем!

Пекин. По телефону.

На Всекитайской сельскохозяйственной выставке в Пекине. У рисопосадочной машины.

В парке Цзиншань.

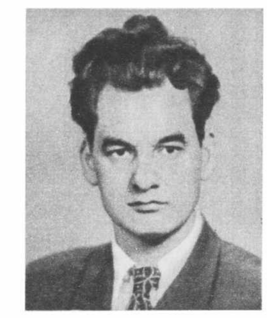

Н. А. ВОЛЧЕК.

С. Н. ВЛАСОВ.

А. П. НИКОЛЬСКИЙ.

В. И. ГОНЧАРОВ.

Я. С. СОЛОВЕЙЧИК.

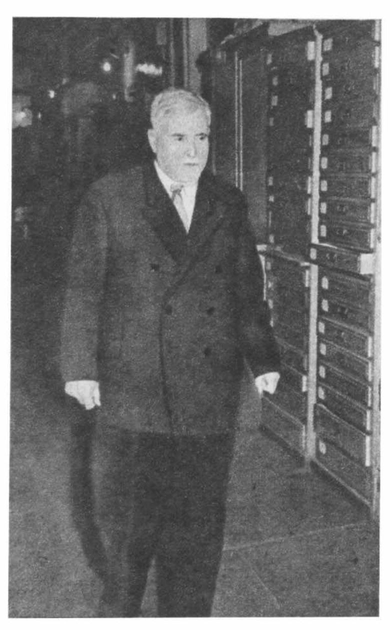

В. П. БОБРОВ.

Премия присуждена за создание комплексного автоматического цеха по производству массовых подшипников на Первом государственном подшипниковом

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

Без белых пятен

Академик Д. В. Наливкин.

На Международном конгрессе геологов в Мексике, проходившем в прошлом году, присутствовало около трех тысяч виднейших ученых мира. Каждый из них провел не одну минуту у новой геологической карты СССР. Это было вызвано не только желанием подробнее узнать о богатствах, таящихся в недрах Советского Союза, но чисто научным интересом к составлению самой карты, на которой не было белых пятен. Эта карта как бы впитала в себя многолетний опыт старейшего русского исследователя недр, академика Дмитрия Васильевича Наливкина, удостоенного ныне Ленинской премии.

Нет такого уголка в Советской стране, где бы не побывал академик. Еще юношей он изучал нефтяной район на Апшеронском полуострове, принимал непосредственное участие в исследовании девонских отложений в Приуралье, предопределившем развитие «второго Баку». В годы Отечественной войны Дмитрий Васильевич был одним из первооткрывателей уральских бокситов, содержащих в себе алюминий. Полвека назад он взялся за составление геологической карты нашей Родины и с тех пор не расстается с увлекательной работой. И вот итог: новая геологическая карта СССР, масштабом 1:2 500 000, по своей детальности и точности не имеет себе равной.

— Эта карта,— рассказывает Дмитрий Васильевич,— плод коллективного труда многих сотен советских геологов. Миллионы километров изъездили и исходили они по нашей стране. Работа велась в течение трех лет. Составляя первичные карты районов, немало открыли геологи богатств, таящихся в недрах советской земли.

Вот она перед нами, эта огромная карта, изборожденная разноцветными полосками и линиями. Каждый оттенок указывает возраст горной породы, а в зависимости от возраста порода содержит и различные ископаемые. Вот черные полосы. Но они имеют тоже свои оттенки. Одни из них указывают наличие залежей углей донецких, другие подмосковных, третьи смоленских... а эти полоски свидетельствуют о наличии фосфоритов. Красные пятнышки, во множестве рассыпанные по карте, говорят о запасах золота, а голубые характеризуют зону пород, в которой содержатся алмазные трубки... Глядя на карту, невозможно думать без волнения о том, какими колоссальными, неисчерпаемыми богатствами располагает наша Родина!

Академик Наливкин успешно сочетает исследовательский труд с большой педагогической деятельностью. Будучи профессором горного института в Ленинграде, он сейчас пишет учебник, в котором обобщает богатый материал, накопленный во время работы над картой. Этот учебник включает полный курс геологии СССР для высших учебных заведений.

К. ЧЕРЕВКОВ

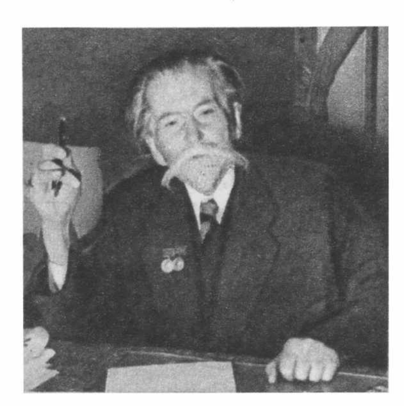
Сотни трудов

Если бы мы не знали, как именуется наука, которой посвятил себя академик Скрябин, то нам сразу бы назвал ее старый шкаф, который стоит в прихожей. Потускневшие от времени золотые буквы на нем составляют латинское слово «гельминтология».

— По древнему обычаю, ученому полагается принимать посетителей в кабинете,— улыбается, встречая нас, Константин Иванович,— но я вынужден пригласить вас в столовую. В кабинете у меня тесно от книг, и чужих, да и собственных...

Да, их много, этих томов. К. И. Скрябин за свою долгую жизнь написал 600 научных трудов, создал советскую научную гельминтологическую школу. Его 12-томный труд «Трематоды животных и человека» удостоен Ленинской премии.

— К сожалению, гельминтам все органы людей, животных и даже растений покорны, хотя «порывы» этих паразитов далеко не благотворны,— говорит академик.— Фауна и флора земного шара попали в очень цепкую гельминтологическую паутину. Бывает, что поражение человека иногда протекает бессимптомно, однако влияет на всю его физиологию, резко понижает работоспособность. Казалось бы, что общего между гельминтологией и психиатрией? Но, исследуя головной мозг, мы частенько обращаемся к психиатрам: смотрите, коллеги, в ваших шизофренических явлениях повинны наши гельминты. А как вредят они сельскому хозяйству! Достаточно сказать, что коровы иногда снижают из-за них удой до сорока процентов. Понимаете теперь, насколько важна для нашей экономики борьба с этими вредителями! Вот почему мы стремимся к девастации — полному искоренению отдельных видов гельминтов, как зоологических единиц. На ближайшие две пятилетки мы наметили девастацию трех видов внутренних паразитов, общих человеку и животному.

Академик К. И. Скрябин.

Как же много надо знать, чтобы вести борьбу с этими опасными «сожителями» человека и животных! Не приходится удивляться, что К. И. Скрябин объединяет в себе три докторские степени. Для того, чтобы поднять гельминтологическую целину, ему пришлось связать биологию с медициной, ветеринарией и агрономией.

Беседуя, Константин Иванович отпивает время от времени глоток чая. Привычный жест, каким он, не глядя, берет стакан, выдает долголетний навык лектора.

— Начинал я дело почти один. А теперь трудится целая школа советских гельминтологов. Знаете, какой я богатый человек? Куда там американскому миллионеру! Одних только докторов наук «выпустил в свет» пятьдесят шесть, да кандидатов около ста пятидесяти.

В столовой много фотографий. Они напоминают о путешествиях исследователя по Союзу и за границей. Сейчас в Туве и Якутии работают триста пятая и триста шестая экспедиции, организованные им.

В последние годы академик двенадцать раз выезжал в страны народной демократии. И вот итоги этих поездок: все больше приверженцев завоевывает советская гельминтология за границей. В Чехословакии создан специальный гельминтологический институт. Теперь их уже два в мире: чешский и наш, советский.

Н. ГОНЧАРЕНКО

Открытие

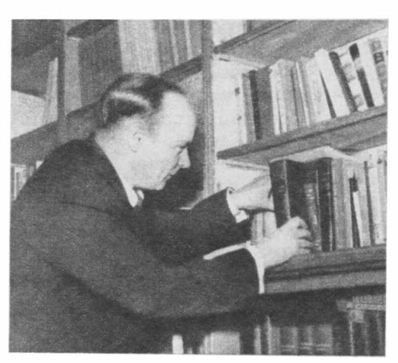
«Парамагнитный резонанс»... Что означают эти два звучных и загадочных слова, которыми названо сложное физическое явление? И кто, как не его первооткрыватель, советский ученый, член-корреспондент Академии наук СССР Евгений Константинович Завойский, ныне удостоенный Ленинской премии, может лучше всего рассказать об этом?

Невысокий плотный человек с выпуклым лбом, строгим выражением глаз и каким-то едва приметным изяществом движений, приобретенным за много лет работы у тонких лабораторных приборов, приглашает нас к столу.

— Вы, вероятно, знаете,— говорит Евгений Константинович,— что струна или камертон отзываются, «резонируют» на звук голоса или музыкального инструмента, если их колебания совпадают. Не трудно также представить себе, что у многих веществ каждый атом — это «маленький магнитик». Физикам известно, кроме того, что многие тела — они называются «парамагнитными» — очень слабо, но все же притягиваются к любому постоянному магниту. И вот оказалось, что атомы парамагнитного вещества, если его намагнитить, поглощают радиоволны определенной длины — резонируют с ними. Это явление и есть «парамагнитный резонанс».

— Каково же его значение?

— Парамагнитный резонанс, как метод исследования, во многом превосходит оптические и рентгеновские способы анализа вещества и уже сейчас находит применение в физике жидких и твердых тел, особенно полупроводников, помогает прослеживать сложный ход химических реакций, начинает проникать в биохимию. Магнитными свойствами обладает не только атом, как целое, но и его ядро. С этим связано явление ядерного «резонанса», важное для изучения структуры атомного ядра.

Член-корреспондент Академии наук СССР Е. К. Завойский.

— Ведь вы сделали свое открытие в конце войны, еще будучи доцентом Казанского университета. С тех пор оно, очевидно, получило широкое развитие?

Ученый подходит к книжным полкам, занимающим всю стену, и берет несколько русских и иностранных журналов.

— В каждом из этих журналов,— говорит он,— вы найдете статьи о «парамагнитном резонансе». У нас им занимаются в Казани, Москве, Харькове, Тбилиси и других городах страны, а за рубежом — в США, Англии, Японии, Индии, Голландии, Италии, Венгрии — почти во всех странах, где сколько-нибудь развиты физические науки.

Нашу беседу неожиданно прерывает восьмилетний Костя, сын профессора. Мальчик пришел к отцу, чтобы получить «авторитетную научную консультацию»: требовалось что-то приладить в электродвигателе, который он собирает из старых деталей.

— Ведь и я собрал свой первый электрический звонок и электрическую машину трения, когда мне было семь лет, еще не научившись читать,— вспоминает Евгений Константинович. А потом началось страстное увлечение радиолюбительством.

— А чем вы увлекаетесь сейчас в часы, свободные от науки?

— Таких часов выпадает, признаться, немного. Но, во всяком случае, я пользуюсь любой возможностью, чтобы совершить дальнюю прогулку за рулем автомобиля...

Л. ВАСИЛЬЕВ

А. А. ГРОМОВ.

Н. Е. КОПАНЕВИЧ.

заводе имени Л. М. Кагановича.

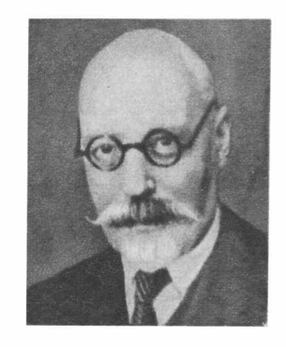
П. С. НОВИКОВ.
Премия присуждена за научный труд «Об алгоритмической неразрешимости проблемы тождества слов в теории групп».

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ.
Премия присуждена за исследования в области древней истории народов Закавказья.

А. Н. БАКУЛЕВ.
Премия присуждена за организацию научного исследования приобретенных и врожденных заболеваний сердца и магистральных сосудов, разработку методов хирургического лечения и внедрение их в практику лечебных учреждений.

В. А. ДОГЕЛЬ.
Премия присуждена за научный труд «Общая протистология».

СКУЛЬПТОР И ЕГО СПУТНИКИ

Мы побывали в мастерской у старейшего советского скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова днем, в те короткие минуты, когда он отдыхает в раздумье среди своих творений.

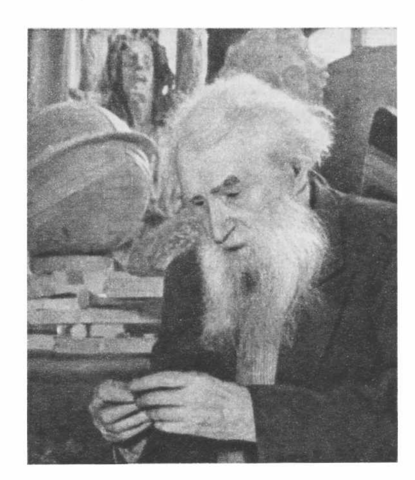
Как много здесь начато! Нельзя не преклониться перед этим упорным трудом, не знающим устали, успокоения, безразличия! И хотя многие из работ С. Т. Коненкова давно перешли в крупнейшие музеи страны, художник творит, окруженный новыми «спутниками», которым отдает жар своей души.

Мы переходим от одной скульптуры к другой. Мир русской сказки. Образы ученых, писателей... Увидев знакомые черты поэта-трибуна, спрашиваем:

— Снова Маяковский?

— «Загад не бывает богат», если о нем говорить прежде сделанного, — настойчиво отводит нас Сергей Тимофеевич к другому портрету. Потом он рассказывает о недавно закончившемся съезде художников: — Таким вниманием окружает партия и народ творчество каждого, что всем нам, старым и молодым, надо поспешать многое еще сделать.

Молодо блестят излучающие доброту глаза этого высокого красивого человека. Благородный труд старого художника согрет любовью к людям, кого бы он ни изображал: всем известного большого ученого, прославленного писателя или колхозника родной своей Смоленщины. В большую галерею портретов деятелей русской культуры входит теперь и автопортрет художника, за который он удостоен Ленинской премии. В этом автопортрете и молодой порыв и всепонимающая мудрость убеленного годами мастера.

С. Т. Коненков в мастерской.

Мы торопимся проститься: время дорого художнику, недаром все чаще поглядывает он на свой рабочий стол. Новых творческих радостей вам, Сергей Тимофеевич!

Е. ВАСИЛЬЕВА

В гостях у Улановой

Известная советская балерина, народная артистка СССР Галина Сергеевна Уланова живет в Москве, в одном из высотных домов.

У Галины Сергеевны хорошая библиотека по теории и истории театра, много книг на разных языках по балету, живописи, музыке, большое собрание русских и иностранных классиков, произведений советских авторов. В нынешнем году появилось пополнение — пачка различных иностранных изданий, перепечатавших интересные записки Г. Улановой под названием «Школа балерины». Артистка рассказывает в них о том, как стала танцовщицей, как создавала свои сценические образы. Эта книга, написанная живо и интересно, напечатана во Франции, Германской Демократической Республике, в Индии, Англии, Японии, Вьетнаме. На полках шкафов появились также новые книги и альбомы на английском и французском языках, подаренные Улановой восторженными поклонниками ее таланта во время гастролей осенью прошлого года в Лондоне.

Народная артистка СССР Г. С. Уланова.

Наша беседа невольно касается прошлогодних гастролей балета Большого театра в Лондоне.

— Что особенно приятно,— говорит балерина,— мы встретились в Лондоне с серьезным зрителем, понимающим, любящим и хорошо чувствующим искусство классической хореографии. Англичане любят балет не меньше, чем у нас в стране!

Уланова показывает платочки и салфеточки с вышитыми инициалами «Г. У.», рисунки и книги с ласковыми надписями и пожеланиями успеха русскому балету, открытки с видами Лондона и его достопримечательностями, присланные рядовыми английскими зрителями и зрительницами.

Я спрашиваю Галину Сергеевну о ее творческих планах и мечтах.

— Планов очень много... Сейчас я работаю над образом Жанны д'Арк — великой дочери французского народа. Музыку балета «Орлеанская дева» написал композитор Николай Пейко, а ставим мы его на сцене Музыкального театра имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко вместе с балетмейстером Владимиром Бурмейстером. Занимает меня еще один балет — «Накануне» по И. Тургеневу ленинградского композитора И. Шварца. Очень привлекает мысль создать на балетной сцене романтический образ чудесной русской тургеневской девушки, самоотверженной, идущей за любимым во имя великих идеалов борьбы за свободу и счастье. Эти два балета наиболее привлекают меня. Но по-прежнему вся балетная труппа Большого театра, как и другие наши многочисленные балетные театры, ждет создания новых хореографических произведений на современную тему.

Галина Сергеевна рассказывает, что этой осенью, вероятно, начнутся съемки фильма-балета «Жизель» композитора А. Адана в постановке балетмейстера Л. Лавровского. Работа в кино ее также увлекает, так как Жизель наряду с Джульеттой — один из ее любимейших образов.

Рабочее время балерины необычайно уплотнено: ежедневно она занимается у станка, участвует в репетициях спектаклей ее репертуара, оттачивая свое непревзойденное мастерство. Балерина находит время и для того, чтобы по просьбе молодых танцовщиц помочь им советами.

Большая творческая жизнь Галины Сергеевны сочетается с кипучей общественной деятельностью.

За выдающиеся достижения в области балетного искусства Г. С. Улановой присуждена Ленинская премия.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

ЮНОШЕСКАЯ СИМФОНИЯ

В узком переулке неподалеку от Художественного театра — старый московский дом. Скоро на нем появится мемориальная доска. Здесь жил последние восемь лет своей жизни Сергей Сергеевич Прокофьев — выдающийся советский композитор, музыку которого исполняют на концертных эстрадах всего мира.

Небольшая рабочая комната. Ничего лишнего, только необходимое для жизни, для творчества. Ему нужно было лишь то, что могло помочь сочинять музыку. В двух больших книжных шкафах нотная библиотека. Пианино. У окна письменный стол. На нем томик «Евгения Онегина», книги по музыке, номер литературного журнала. Маленькие шахматы и шахматная литература (Прокофьев был шахматистом первой категории). Карты для пасьянса.

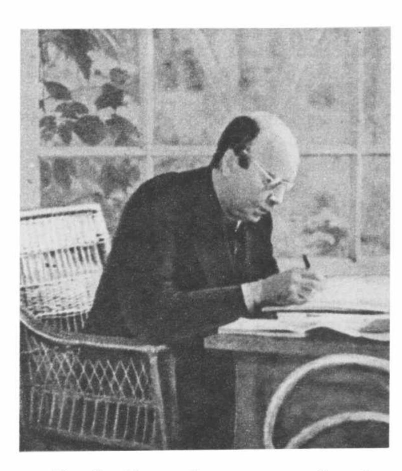
— Сергей Сергеевич очень любил раскладывать пасьянсы «рахманиновский», «чеховский», которым его научили С. Рахманинов, О. Книппер-Чехова,— вспоминает жена и верный его друг Мира Александровна.

Сорок пять лет жизни отдал композитор любимому искусству. Он творил во всех жанрах: восемь опер, семь балетов, семь симфоний, симфонические сюиты, оратории, кантаты, сонаты для разных инструментов, множество романсов, фортепианных пьес, чудесные веселые мелодии для детей, патриотическая музыка к кинофильмам «Александр Невский», «Иван Грозный»...

Многое сочинено было Прокофьевым на даче на Николиной горе и в этом кабинете.

— Здесь ему было очень удобно: близко к консерватории и к Большому театру, — говорит Мира Александровна. — Он всегда поддерживал тесный творческий контакт с исполнителями своих произведений. Часто навещали его друзья — композиторы.

На этом пианино А. Ведерников впервые сыграл свое переложение для фортепиано последней, Седьмой симфонии С. Прокофьева, названной композитором «Юношеской». «Назвал ее так потому, — говорил Прокофьев, — что симфония навеяна мыслями о радостном пути советской молодежи; мне хотелось отразить в ней духовную красоту и силу молодежи нашей страны, жизнерадостность и устремление вперед, в будущее».

С. С. Прокофьев за работой. Снимок 1946 года.

В 1952 году Седьмая симфония, ныне отмеченная Ленинской премией, впервые прозвучала в Колонном зале Дома союзов.

А через день Прокофьев получил исписанный своеобразным почерком Д. Д. Шостаковича небольшой листок:

«...Горячо поздравляю Вас с новой прекрасной симфонией. Прослушал ее вчера с огромным интересом и наслаждением от первой до последней ноты. 7-я симфония получилась произведением высокого совершенства, глубокого чувства, огромного таланта...»

Седьмая симфония — одно из лучших созданий композитора. Лирическая и задушевная, она написана просто, прозрачно-ясно. Творческая фантазия и изобретательность Прокофьева в ней поистине неистощимы.

Седьмую симфонию знают и любят не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

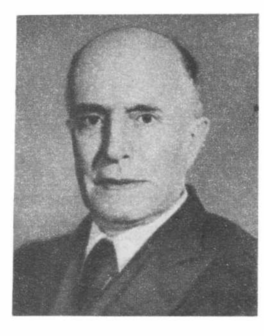
И. Л. ТАЛМУД.

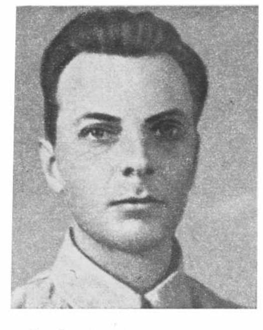
О. Н. ЗАХАРЖЕВСКИЙ.

В. П. ПОЧИВАЛОВ.

Н. И. ВЛОДАВЕЦ.

В. А. КРОЧЕВСКИЙ.

Ф. Н. СТРОКОВ.

Премия присуждена за разработку и промышленное освоение метода комплексной переработки нефелинового сырья на глинозем, содопродукты и цемент.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

«ТАЛАНТЛИВ НА ВСЮ ЖИЗНЬ...»

Когда вы читаете рассказ Ивана Бунина «Антоновские яблоки», то кажется вам, что все вокруг пахнет крепким, ядреным запахом антоновских яблок и что они лежат где-то совсем рядом — круглые, желтые с прозеленью, тяжелые, литые плоды — вдохновенное творение российских садоводов. Когда вы читаете страницы «Русского леса» Леонида Леонова, посвященные описанию чудесной нашей природы, то кажется вам, что не потолок московский над вашей головой, а сплетенные кроны сосен, что сама комната ваша и все окружающие вас вещи пахнут медвяными цветами и смолистой сосной, разогретой солнцем.

Такова сила слова истинного художника. Оно не только убеждает вас, ведет вашу мысль за собой, определяет строй ваших чувствований и ощущений, — оно преображает все окружающее: мир, заключенный в книге, в слове, оттесняет реальность, становясь сам на ее место.

Вспомните, как в «Русском лесе» пробираются деревенские мальчишки Иван Вихров и Демидка Золотухин «на край света», по их понятиям находившийся на границе Облога — лесного массива. Путь ребятам преграждало жилье легендарного Калины — разбойника, — и потому путешествие это было нешуточным.

«Тропка беспокойно заметалась и покинула ребят на просторном лужке, полого спускавшемся в гулкую и темную лощину... Изредка проносились голубые стрекозы, как бы благовествуя близость тихой воды; пчелы с разлету зарывались в пылающие костры кипрея вокруг прошлогодних дровяных поленниц, и, похожие на сановников в бархатных камзолах, неторопливо сновали шмели. Низкая жильная струна пела в загустевшем медовом воздухе, пропитанном сверканием цветочной пыльцы. И словно ведьма на празднике, стояла поодаль зловещая, вся в синих лохмотьях, разбитая громом ель...»

Читая все это, вы испытываете совершенную необходимость вот сейчас же, немедленно убежать в лес с ребятами и вместе с ними переживать их страхи перед Калиной, перед ведьмой в виде разбитой молнией ели, вдыхать густой смолистый дух леса, вслушиваться в его таинственные шорохи и пить воду его чистых ручьев...

Как писатель Леонид Максимович Леонов необычайно своеобразен. Вы его узнаете сразу и ни с кем никогда не спутаете. И в ранних «Барсуках», и в «Соти», и в «Дороге на океан», и в «Русском лесе» он был и остается самим собой, остается Леоновым, голос которого в хоре русской советской литературы раздается с особой звучностью, в своей особой тональности. И происходит это не потому, что он, Леонов, изобрел какие-то ранее никому не известные приемы письма. Нет, этому взыскательному художнику отнюдь не свойственно оригинальничание, поиски ради поисков, работа над словом ради слова. Слово ему нужно прежде всего для освещения мысли, совершенная форма речи необходима для того, чтобы виднее было читателю содержание романа, повести, пьесы, их идейная направленность, их внутреннее богатство. А в умении ярко осветить жизнь, творчеством своим, как светом маяка, пронизать ее просторы и заключается сила и значение писательского таланта.

Хотя на протяжении всей своей писательской деятельности Леонид Леонов остается самим собой, творчество его углубляется, растет, совершенствуется, крепнет, мужает, и процесс этот, будем надеяться, еще не доведен до конца. Последняя крупная работа Леонова, «Русский лес»,— наиболее совершенная работа художника.

Леонид Леонов любит живописно рассказывать о Флобере, который, однажды встав ночью для того, чтобы изменить эпитет в фразе, написанной днем, просидел над ней до утра и кончил тем, что зачеркнул ее всю целиком. Есть писатели, которые пишут легко, — Леонов пишет трудно. Медленно ложатся карандашные строки, написанные мельчайшим почерком, на широкий лист бумаги с непременными полями. Страница, две — таков итог дня. Бывает и так, что уже написанное и, казалось бы, завершенное вдруг покажется неудачным, и тогда вся работа начинается сызнова: иногда шесть, иногда восемь, десять, одиннадцать раз переписываются страницы. Невольно вспомнишь Флобера и его письмо к Луизе Коле: «Дроби камни, как рабочий, со склоненной головой, с бьющимся сердцем, и так все время, без конца!»

Ничего не должно быть лишнего — вот в чем главное. Писать так, чтобы оставлять читателю необходимое «жизненное пространство» для размышления, для творческого осмысливания. Писать так, чтобы каждое слово было вколочено гвоздем в текст, органично с ним слито, впаяно в него. Писать и остро понимать, ясно ощущать людей, которых описываешь,— любить их или ненавидеть, но не быть к ним равнодушным, ибо иначе будет равнодушным и читатель. Писать каждую вещь так, как будто пишешь последнюю работу в своей жизни и больше уже не напишешь ничего. Любить роман, повесть, пьесу, над которой трудишься по ночам или днем, не щадя себя, со всей силой страсти и душевного восторга. Трудиться до изнеможения, беззаветно, не отвлекаясь ничем посторонним, и при этом не торопиться, выждать, дать отстояться и лишь потом нести свой труд на суд читателя.

Вот так работает Леонов.

Тридцать шесть лет писательского труда — шесть томов книг. Но каждая из этих книг весомо, золотым грузом ложилась на весы российской словесности.

— Как-то раз я встретил одного преуспевающего нашего писателя, не буду называть его фамилию,— рассказывал Леонид Леонов.— Шуба в бобрах, на лице отрешенность от бренного мира, а в руках обширные кульки с покупками, и весь он сияет самодовольством. Не так уж он хорошо пишет, но как доволен собой! Я собой никогда не доволен! Мне всегда кажется, что не сказал я того, что хотелось, и это меня всегда терзает. Я завидую самодовольным людям...

Конечно, последняя фраза — всего только литературный прием. Испытывать чувство зависти должен именно тот, в дорогой шубе.

Как сказочный Антей черпал свою силу от соприкосновения с землей, так и Леонид Леонов, глубоко русский, глубоко советский писатель, черпает свою творческую силу в общении с народом, в познании его жизни — жизни трудной, мужественной, героической и прекрасной. «Русский

Леонид Леонов.

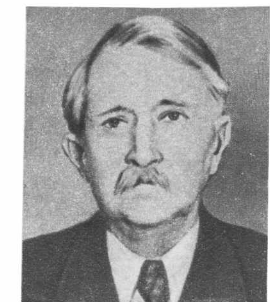
лес» дорог нам не только совершенным описанием поэтических красот родной земли, не только тем, что в нем громко прозвучало слово художника в защиту леса — великого богатства нашей страны, но прежде всего тем, что в нем великолепно выписаны характеры русских советских людей, способных к преодолению любых трудностей, несгибаемых, сильных, душевных, добрых, исполненных горячей любви к Родине, любви молчаливой, внешне сдержанной и вместе с тем глубокой, нежной, прекрасной в своей простоте и естественности. Ивана Вихрова мы полюбили с первых страниц романа: он нам дорог и в виде мальчишки, широко раскрытыми глазами смотревшего на окружавший его мир, и в виде энтузиаста-лесничего, оберегавшего от разорения родной ему лес, и в виде профессора-новатора, передового борца научного лесоводства. Александра Грацианского мы возненавидели со всей страстью, ибо в нем явственно зримо то враждебное, злое, мешающее нашей жизни, что до сих пор еще таится по темным углам и — нет-нет — дает о себе знать. Нам понятны и близки Поля Вихрова и Варя, ее подруга,— русские девушки, чистые и прекрасные в своей готовности к борьбе и жертвам. Простодушная Таиса со своим уютом, преданностью дому, семье, брату, племяннице радует нас родством то ли с пушкинской няней, то ли с горьковской бабушкой Кашириной. Елена Ивановна — характер сложный, временами труднопостижимый — дорога нам силой

А. Н. ТУПОЛЕВ. Премия присуждена за создание скоростного реактивного пассажирского самолета «ТУ-104».

Б. К. ИОАННИСИАНИ. Премия присуждена за разработку конструкции новых астрономических инструментов.

В. Ф. ШИШМАРЕВ. Премия присуждена за исследования в области романской филологии.

своей натуры: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»,— хоть внешне она обыкновенная, слабая даже женщина.

Написанный в начале пятидесятых годов роман «Русский лес» является ярким документом времени, показывающим русских людей в эпоху трудную, героическую, когда решалась судьба отечества. И хотя собственно войне в романе уделено не так уж много места, «Русский лес» наглядно вскрывает глубокие причины неизбежности фашистского поражения, равно как и неизбежности нашей победы. Ибо, прочитав этот роман, закрыв его последнюю страницу, невольно восклицаешь: красив и велик русский, советский человек!

Недаром роман переведен на многие языки мира. А недавно Леонид Максимович получил экземпляр «Русского леса» на исландском языке: народ далекого северного острова проявляет живой интерес к нашим людям.

В годы Великой Отечественной войны слово Леонида Леонова шло на вооружение народа. Вооружение своему народу Леонов поставлял добротное, ибо уж так устроен этот славный мастер писательского цеха, что он равно талантлив и в больших и в малых по объему своих работах. Статьи его, боевая публицистика будили ярость в сердцах солдат, зажигали в них священный огонь ненависти к врагу, вселяли бодрость духа. Когда в 1943 году загремели жестокие бои на Курской дуге, Леонов в знаменитой статье «Слава России» писал: «Ты не один в этой огневой буре, русский человек. С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою. В трудную минутку спроси у них, этих строгих русских людей, что по крохам собирали нашу родину, и они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества».

За десять лет до окончания романа «Русский лес» писались эти вдохновенные строки. Но, тем не менее, сразу же улавливаешь что-то очень родственное, общее и в статье и в романе. Как будто из одной ткани сделаны обе эти вещи, столь различные в объемах и в жанре! Общее в них — любовь к отечеству, к России, к русским людям. Читатель остро ощущает особое тепло писательской речи, когда говорит он о родной природе, о русской земле. Не с холодной рассудительностью и риторичностью, а с жаром сыновнего сердца пишет Леонид Леонов, и этим он люб и дорог нашему читателю.

Леонид Максимович Леонов не только писатель, всеми признанный, уважаемый мастер, яркий и самобытный художник слова, но и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР. Десятки, сотни писем приходят к нему с разных концов страны. Молодые авторы просят совета. Рабочие, инженеры, служащие, колхозники, столкнувшись с трудностями, непорядками на жизненном пути, просят депутата о вмешательстве и помощи. Особенно много писем после опубликования «Русского леса» приходит от работников лесной промышленности, лесников и лесничих, от садоводов и патриотов зеленых насаждений. «Стал я вроде главного лесного ходатая,— смеясь, говорит писатель,— как Иван Вихров». И нередко приходится Леониду Леонову, отложив в сторону дела писательские, браться за дела сугубо житейские: ездить, звонить, хлопотать, устраивать, добиваться решения. Ничего не поделаешь, депутат — это обязывает.

В мае этого года писателю будет 58 лет — возраст хоть и не столь стариковский, но и далеко не юношеский. Однако лет этих Леонову не дашь. Живой блеск глаз, быстрая, торопливая речь, энергичность и деловитость в поступках и действиях, трудоспособность и выдержка в каждодневной, напряженной писательской работе — все это свидетельствует о том, что сил еще много, что еще порадует нас плодами своего творчества Леонид Леонов.

За «Русский лес» писателю присуждена Ленинская премия.

Это большая радость не только для самого художника, достойно награжденного за свой доблестный труд и писательское мастерство, но и для всех, кто любит светлый, чистый наш язык, нашу речь, нашу литературу.

«...Талантлив на всю жизнь и — для больших дел»,— писал еще о молодом Леонове Алексей Максимович Горький.

Как прекрасно подтверждаются пророческие эти слова!

Ник. КРУЖКОВ

Такие люди не забываются

В фашистском застенке тринадцать лет назад погиб чудесный татарский поэт, коммунист Муса Джалиль, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

Незадолго перед казнью поэт вручил маленькие книжки своих тюремных стихов товарищу по камере, участнику движения Сопротивления Андре Тиммермансу. Стихи Мусы Джалиля дошли до нас и известны сейчас в каждом уголке нашей страны. За цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» М. Джалилю присуждена Ленинская премия.

С волнением раскрываем мы первую страницу книжки поэта, самодельной и очень простой. На первой странице—трогательная надпись: «Моему любимому другу Андре Тиммермансу от Мусы Джалиля. 1943—44. Берлин».

В публикуемом здесь впервые письме Андре Тиммерманс делится своими воспоминаниями о поэте. А в последнем, недавно присланном письме А. Тиммерманс скромно пишет о себе: «В нескольких словах хочу сказать, кто я. Я родился в 1917 году во Франции. Мои родители—бельгийцы, а чтобы быть более точным, — фламандцы. Я страховой работник. Это все, что я могу сказать о себе, то есть я обыкновенный человек».

П. ЧУМАК

...Фотография моего покойного друга Мусы Джалиля доставила мне много приятного, и я Вам за нее весьма благодарен.

Такие друзья, как Джалиль, встречаются не часто и не так легко забываются.

Я не писатель, но все же попытаюсь кое-что рассказать Вам о нем. Надо иметь в виду, что дело происходило много лет назад и, следовательно, мне трудно вспомнить все.

Если память не изменяет мне, я познакомился с Мусой Джалилем в 1943 году в берлинской тюрьме, находившейся на Лертерштрассе.

Был он человеком небольшого роста, с густой черной шевелюрой, немного посеребренной сединой. Слегка скошенные глаза придавали его лицу монгольские черты. Руки у него были пухлые, ноги небольшие. Таким я увидел Мусу, когда вошел в его камеру. В первые дни нашего совместного пребывания отношения у нас были скорее холодные.

В камере с нами был также один поляк из Силезии, насильно завербованный в германскую армию. Он бегло говорил по-немецки. Работал он на кухне в центральной тюрьме, уходил туда с утра и возвращался поздно вечером. Таким образом, практически Муса и я были почти всегда вдвоем. Мы воздерживались от разговоров и поглядывали друг на друга без дружелюбия.

Однажды поляк принес из кухни для Мусы кусок хлеба. Муса чистосердечно предложил мне половину, и лед был, таким образом, сломан. Жизнь в камере стала приобретать иной характер. Между Мусой и мною установилось доверие.

Однажды он хотел объяснить мне, по каким причинам его арестовали. К сожалению, я не понял и четверти из того, что он мне рассказывал, но я все же уловил, что доверие его было кем-то обмануто. Этим и объяснялся холодный прием, который Муса оказал мне, когда я впервые появился в камере.

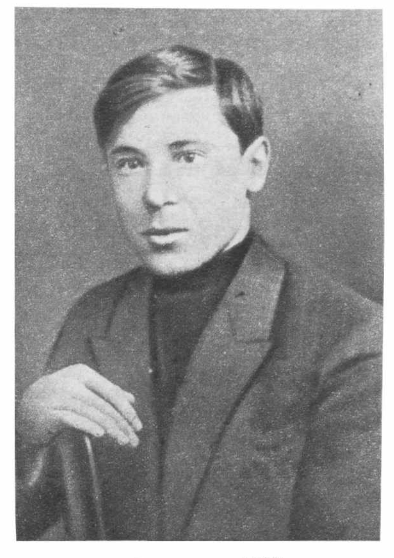
Он всем очень интересовался. Но интерес этот был здоровый, познавательный. Он хотел знать все: мое прошлое, как я жил прежде, мои планы на будущее после того, как меня освободят из тюрьмы. Короче говоря, толковали мы обо всем, что угодно. Если, бывало, он, к сожалению, не понимал моего рассказа, то дожидались возвращения поляка, который служил нам переводчиком. Постепенно я усвоил некоторые русские слова. Мусу я видел всегда в хорошем настроении, склонным к шутке, даже в критической обстановке. Как-то ночью во время сильной бомбежки в тюремном дворе, как раз против нашей камеры, упали две зажигательные бомбы. Джалиль начал кричать. Прибежал тюремный надзиратель. Джалиль тогда с самым серьезным видом спросил его: «Скажите, разве в Германии отменено затемнение?» Можете вообразить, как вскипел тюремщик!

Шутки Мусы бывали иногда очень мрачны, и, мне кажется, в этом трагическом сарказме у него не было равных.

В тот день, когда немцы явились, чтобы отправить его в военный трибунал, он сказал мне:

— Я вернусь, но с головой под мышкой.

О его отношении к врагам, с которыми ему приходилось иметь дело, я не в состоянии многое сказать, так как недостаточно долго знал его. Могу лишь удостоверить, что когда в камере появлялся кто-либо из тюремной администрации, Муса наотрез отказывался встречать его стоя, что нам вменялось в обязанность. Из одного этого можно заключить, что Муса был арестантом не из покладистых.

Муса Джалиль. 1927 год.

Жизнь в камере текла однообразно. В шесть часов утра подъем. Муса вставал первым. Он слегка обтирался холодной водой, умывался и делал свою обычную физзарядку. Приносили еду. Затем около девяти часов прогулка. Возвратившись в камеру, Муса принимался исписывать бумагу листок за листком! Многие он рвал. То, что оставалось, правил, и так работал до полудня. В ожидании обеденного супа мы беседовали о разных вещах. Проглотив похлебку, отдыхали до двух часов. После этого Муса снова принимался за продолжение утренней работы. Листков становилось все больше. Муса их перечитывал, рвал, правил и время от времени списывал их содержание в записную книжечку, которую я впоследствии передал в советское посольство. Мне кажется, что если бы я сохранил все разорванные им листки, материала хватило бы для издания четырех или пяти томов. У него была страсть к писанию.

Могу Вас уверить, что мы жили довольно дружно. Увы, всему бывает конец, даже совместной жизни двух человек, пришедших из совершенно различных миров и встретившихся под небом, столь мало милосердным. Настал день, когда Мусу отправили в Дрезден, где ему должны были объявить приговор военного суда. Меня перевели в тюрьму в Шпандау. Каково же было мое удивление, когда однажды во время прогулки в тюремном дворе я увидел в приоткрытом окне первого этажа голову Мусы Джалиля. Остановившись как бы для того, чтобы завязать шнурок ботинка, я дал понять Джалилю, что встречусь с ним в бане. В условленный день я попросил разрешения пойти искупаться. Разрешение было мне дано. Муса уже был в бане. Он похудел и выглядел бледным. Несколькими словами и жестами он дал мне понять, что ему вынесен смертный приговор и что каждое утро он ждет, что приговор будет приведен в исполнение. Он напомнил мне об обещании, которое я дал ему относительно его рукописей. Я сообщил ему, что рукописи находятся уже в надежных руках в Бельгии. Он был счастлив.

Так я расстался навсегда с одним из самых лучших моих друзей по тюремной камере.

Вот все, что я могу сказать о Джалиле.

Мои близкие

ЗУЛЬФИЯ

Иду я городом родным...

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне знаком.
Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:

Красу грядущего приблизить к нашим будням,
Страницу новую увидеть в книге лет.
— Где близкие мои в потоке многолюдном?
И солнце ласково сказало мне в ответ:

— Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и любви,
Все те, с которыми я для труда проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!

И мне представилось:
там, на подъемном кране,
Туркменка трудится,
и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане,
Как солнцу светлый гимн, что девушка поет!

И мне представилось:
там, на реке Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и шире,
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту родины!
Как ни был бы далек,—
В тайге или в степи, суровый иль пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг, далеких, но родных;
Они живут во мне,
и счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой скромный
стих.

Свет

Уходя, сказала мать седая:
— Дочка, спи! — и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и цвет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: — От века
Не было подобных Ильичу.
Он возвысил званье человека,
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетья,—
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

Признание

Ты отважен, юноша правдивый,
Полюбив, ты втайне не горишь.
Черноглазый мой, красноречивый,
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтила
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы,—
Силы не нашла сильней любви.
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

* * *

Все прекрасное, святое, все,
что вижу я вокруг,
О тебе напоминает, о тебе, мой чистый друг.
Я вести борьбу не в силах,
потому что я слабей,
С блеском глаз, кипеньем сердца, волей
твердою твоей.

Но когда в былые годы,
что мне снятся до сих пор,
Знали мы обиды горечь и вели порою спор,
Знали вспышки и размолвки, о мой друг,
скажи: тогда
Разве были мы несчастны,
в те бессмертные года?

* * *

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли,
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце? Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: — Найди ты друга вновь!

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенней стократ.

О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресли б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

Не пройти войне!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег:
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье: друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их нежней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла, как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
— На мои ты плечи обопрись,—
Говорит он Родине и мне.

Я всегда лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: — Сгинь, война,
Сын мой нужен родине и мне!

Не хочу я, чтобы сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
— Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!

Перевел с узбекского
С. Липкин.

Первое мая 1956 года в Москве. Колонна физкультурников на Красной площади.

Фото Е. Умнова.

Девушки с Памира.

Фото Н. Козловского.

КОЛЛЕГА С СОСЕДНЕЙ СКАМЬИ

Из цикла «Далекие друзья»

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Пабло ПИКАССО. МАДЛЕН РИФФО.

Бывает, когда, увидев совершенно незнакомого человека, вдруг начинаешь думать, что когда-то и где-то ты его, несомненно, встречал. Принимаешься перебирать в памяти случаи, где это могло быть, отвергаешь одно предположение за другим, а уверенность, что ты этого незнакомца все-таки знаешь, растет да растет.

Подобное навязчивое чувство пришлось мне испытать на Третьем Всемирном конгрессе профсоюзов в Вене, когда на скамьях соседствовавшей с нами французской делегации появилась худенькая девушка с необыкновенно большими, очень черными и как-то странно блестящими глазами. Она, должно быть, не была делегатом: на скамьях у нее не было постоянного места. По нескольку раз в день она появлялась в зале, всегда в одной и той же темной вязаной кофточке, обтягивавшей ее тоненькую, складную фигурку, в неизменном белом накрахмаленном воротничке, оттенявшем густую смуглоту кожи. Вид у нее был озабоченный, строгий. И все французы, даже самый старый среди них, знаменитый ветеран рабочего движения с львиной гривой седых волос, с большими пушистыми усами, обычно мирно дремавший на заседаниях, — все при ее появлении начинали улыбаться и двигаться на скамьях, освобождая ей место.

Кто эта девушка? Где и когда видел я это тонкое, красивое лицо?

Дня два безуспешно решал я эту задачу, пока наконец в перерыв, взяв в компанию одного из друзей-делегатов, свободно говорящего по-французски, не отважился подойти к ней, отрекомендоваться и после всяческих приличествующих случаю извинений спросить, где я мог прежде ее видеть. Вопрос был достаточно глупый. Серьезно, без удивления выслушав его, она отрицательно покачала головой:

— Мы с вами никогда не встречались.

— Но почему ваше лицо мне так знакомо?

Не на губах, а где-то в глубине глаз появилась улыбка.

— Вы знаете живопись Пикассо? — спросила она вместо ответа.

И все прояснилось. Ну да, среди немногих реалистических портретов этого удивительного мастера, в которых сила своеобразного, оригинального таланта не маскируется нарочитой причудливостью форм, особенно запомнились три просто снайперские работы: лирически проникновенный портрет матери, портрет Мориса Тореза, написанный с необычайной, можно сказать, философской, глубиной, и живой, хваткий рисунок, изображающий героиню французского Сопротивления, юную девушку, которая однажды, мстя оккупантам за уничтожение жителей села Орадур, днем, в центре столицы, на глазах сотен гуляющих выстрелом из пистолета казнила одного из палачей Парижа. Сколько раз уже раздумывая над работами этого странного художника, я невольно старался понять, каким образом он скупыми, нарочито примитивными штрихами сумел схватить и запечатлеть прелесть сложного образа юной девушки, почти девочки, ставшей народным мстителем сражающейся Франции!

Лицо на рисунке блещет юностью. Не чувствуется на нем ни этой землистой смуглоты, ни темных кругов, как бы еще увеличивающих и без того огромные глаза. И сами глаза не отмечены тем особым беспокойным блеском, что так заметен сейчас на лице оригинала. И все же несомненно...

— Мадлен Риффо?

— Мадлен Риффо... Я тоже, признаться, все хотела подойти и спросить, как поживает ваш друг Алексей Маресьев.

— Вы с ним знакомы?

— Да... Он однажды очень помог мне в трудную минуту.

— Где вы с ним встречались? В Париже?

— Нет. Когда он приезжал в Париж, меня там не было. Я была больна... Мы с ним вообще не знакомы. Но я ему страшно благодарна.

— Но за что?

— О! Это длинная история. Слишком много пришлось бы рассказывать.

— А вы не любите рассказывать?

— Нет, почему же! Я ведь немножко поэтесса. А поэт не может не любить рассказывать.

Еще и поэтесса! Кто же из нас, советских людей, не помнит об этом выстреле, прозвучавшем в дни войны в оккупированном гитлеровцами Париже? Это был клич непокоренной, сражающейся Франции. И он нашел отзвук в сердцах советских людей. Тогда еще не называли фамилии героини. Я сказал обо всем этом собеседнице. Она оживилась.

— Правда? В Советском Союзе слышали об этом маленьком парижском деле? А как у вас отнеслись к нему? Мне очень важно знать. У нас ведь были, да еще и сейчас есть товарищи, и хорошие товарищи, которые осуждают меня: интеллигентская выходка, террор не метод борьбы и так далее...

Большие глаза смотрели вопросительно и требовательно. Я сказал, что и наши партизаны, среди которых у меня много друзей, так же вот казнили особо зверствовавших фашистских палачей, что храбрая советская девушка убила гитлеровского наместника в Белоруссии и что сейчас она Герой Советского Союза и очень уважаемый в нашей стране человек.

— Нет, в самом деле? Спасибо. То, что вы говорите, мне очень важно...

— Может быть, теперь вы все-таки расскажете о себе?

— Хорошо. Теперь расскажу.

И вот мы сидим в кафе, расположенном по соседству с огромным залом, где идет заседание Конгресса. Кафе почти пусто. Лишь какой-то лысый немолодой репортер сидит в дальнем углу и что-то медленно, старательно пишет на узких листках, время от времени прихлебывая из бокала. Из зала доносятся отзвуки чьей-то речи, изредка прерываемой гулом голосов, аплодисментами. Тоненький женский голос звучит неторопливо, и понемногу я узнаю, в сущности, простую и в то же время необыкновенную историю этой маленькой француженки.

Мадлен Риффо родилась в семье сельских учителей в деревеньке, находящейся невдалеке от известного теперь всему миру селения Орадур. Родители ее, провинциальные интеллигенты, социалисты по убеждению, мечтали, что и дочь их со временем станет учительницей и социалисткой. Это были тихие, трудолюбивые люди, и если теперь из девочки Мадлен, что в белых фартучках и нарукавничках, всегда тщательно причесанная, смирная ходила в школу, она выросла такой, какая есть, за это она благодарна своему деду Жану Риффо, пастуху по профессии, поэту по складу характера и садоводу по всем своим устремлениям. Больше всего на свете этот бедный человек, едва зарабатывавший себе на хлеб, любил розы. На клочке земли возле домика он растил много роз, и из десятилетия в десятилетие прививками, перекрестным опылением выводил новые сорта, новые экземпляры самой удивительной расцветки и формы.

— ...У вас в Советском Союзе он, вероятно, стал бы известным мичуринцем. У нас до самой своей гибели он оставался чудаком, и только, — задумчиво звучит голос рассказчицы. — Он научил меня любить цветы, различать звезды и созвездия, привил мне вкус к старым народным песням. И если теперь я хоть немножко поэт, этим я тоже обязана деду.

Школой жизни, суровой политической школой, научившей тихую девушку из провинциальной учительской семьи различать друзей и врагов, быть преданной одним и ненавидеть других, школой, воспитавшей в ней любовь к Франции, сделавшей из нее борца за большую судьбу своей страны, стала война.

Девочкой ходила Мадлен по крестьянским домам, собирала молоко для раненых испанских республиканцев. Уже тогда слово «фашист» было бранным у французского народа. Но оно, это новое еще слово, было лишено для нее конкретного облика. Фашист, «нази», как говорили французы, — это было чем-то мерзким, но далеким, неопределенным, как, скажем, «черт». Только когда гитлеровские бомбы стали сокрушать дома Франции, а по дорогам на север хлынули потоки обезумевших от ужаса, все побросавших, отчаявшихся людей, когда потоки эти смыли и унесли с собой семью сельских учителей, только тогда слово это обрело для совсем еще юной Мадлен свой истинный облик.

В дни этого страшного движения испуганных, отчаявшихся людей умер пастух-поэт Жан Риффо. В ту же зиму в покинутом им палисаднике были убиты морозом выведенные им новые сорта роз, лишенные привычной зимней защиты. И тогда же в душе Мадлен навсегда погасли привитые ей родителями политические иллюзии.

Проданная врагу, поруганная, лежала Франция. По парижским площадям, в самом облике своем хранящим па-

мять о ее величии, гусиным шагом маршировали эсэсовские полки. Гитлер, спустив на нос челку и заложив два пальца за борт кителя, в наполеоновской позе снимался на фоне Эйфелевой башни.

В эти дни провинциальная девушка вдруг поняла, что родина — это не маленький домик, где течет ее жизнь, и не милое сердцу селение, где она выросла, не дюжина прелестных, с детства дорогих пейзажей, которыми она любовалась вместе с дедом, а великая, захваченная врагом земля, боль которой Мадлен начала ощущать, как свою собственную. Видеть гитлеровскую морду на фоне парижских зданий ей было так же омерзительно, как слышать смех и песни чужих солдат в кабачке родной деревни. И, как многие французы в ту тяжелую пору, Мадлен думала: Франция повержена, вражеские солдаты топчут ее — стоит ли жить?

Вследствие ли скитаний по дорогам в потоке беженцев, от холода ли и недоеданий этой первой оккупационной зимы или от постоянного ощущения безысходности, а вероятней, от всего этого вместе взятого впечатлительная девушка слегла в постель, потеряла аппетит, интерес к жизни, стала медленно угасать. Она не идеалистка, нет!.. Но и сейчас ей кажется, что из этого тяжкого состояния вывела ее одна фраза, которую она когда-то слышала от раненого испанского республиканца, одного из тех, для кого она собирала среди односельчан молоко: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Девочкой она запомнила эти семь слов просто потому, что они красиво звучали. Теперь, когда она сама находилась на грани гибели, подавленная всем, что происходило вокруг, она уже по-другому повторяла эти слова и понимала, что это не звонкая фраза, что это жизнь, надежда, приказ. Испанец, от которого она когда-то услышала эти слова, сказал ей, что их произнесла бесстрашная женщина, которую солдаты наделили красивым именем. Имя это девочка запамятовала. Но теперь она будто видела, как светлело измученное лицо раненого, когда он называл это имя. И еще помнила она, что женщина, произнесшая эти слова, была коммунисткой. Так славная испанская коммунистка, сама того не подозревая, спасла жизнь французской девушке, впавшей в безысходность, зажгла в ней огонек надежды, а когда девушка поправилась и поднялась на ноги, заставила ее искать пути борьбы.

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! С этими гордыми мыслями ехала Мадлен из провинции в Париж. В руках ее был маленький чемоданчик, в памяти — адреса нескольких коммунистов - подпольщиков. Родителям она сказала, что едет учиться. На самом же деле ее влекло в столицу решение связаться с теми, кто в эти дни не растерялся, не впал в панику, не искал компромисса с врагом, кто продолжал сражаться за свободу и величие Франции. Ей повезло: она нашла таких людей. Они ей поверили.

— ...Меня направили для работы среди студентов. Ах, какие это были ребята! Романтики, храбрецы... Все хотели и действительно готовы были умереть за свободу Франции, все стремились немедленно в бой, и мне, по возрасту самой младшей среди них, все время приходилось удерживать своих товарищей от героического безрассудства, разъяснять им, что нужно стремиться не к смерти храбреца, а к тому, чтобы выжить и победить...

Рассказчица взволнованно улыбается. По размягчившемуся лицу ее, по загоревшимся глазам видно, что и сейчас не перекипели в ней боевые страсти тех дней. Да, они были романтиками, эти юные парижские подпольщики с медицинского факультета, юноши и девушки разных верований и убеждений, сплоченные общей ненавистью к гитлеровским оккупантам. Все было: и фабрикация подложных документов и медицинских свидетельств, спасавших молодых людей от отправки в Германию; и громкие читки стихов Гюго и Элюара; и маленькие диверсии против вражеских транспортов; и бурные споры о том, кто же поможет освободить Францию: западные союзники или Советская Армия; и печатание листовок и воззваний; и неудачная попытка взорвать военные склады. Была у нее и любовь, да, тайная девичья любовь к молодому врачу-коммунисту, скромному и храброму человеку, погибшему потом во время парижского восстания.

— Детали? Что ж, можно рассказать и детали.

Как, например, француженка Мадлен Риффо вдруг превратилась в немца Райнера, что потом не раз сбивало со следа гестаповских шпиков? А произошло это так. Когда подпольщики пригляделись к девушке, коммунист, организатор боевой группы, сказал ей:

— Выбери себе кличку.

Кличку? Это оказалось почему-то очень трудным. Разговор происходил в библиотеке.

— Я не знаю, какую же мне взять кличку, — смущенно сказала девушка.

— Хорошо, Мадлен. Положи, не глядя, руку на какую-нибудь книгу, — скрывая улыбку, сказал организатор.

Зажмурившись, Мадлен протянула руку к книжной полке и нащупала корешок. Это были стихи немецкого поэта Райнера Мариа Рильке.

— Ну вот, теперь ты будешь Райнер, — стараясь не улыбаться, сказал организатор.

— Как? Я, француженка, приму имя боша?!

Организатор все-таки не выдержал, рассмеялся.

— Гете, Гейне, Райнер — разве это боши? Мы хотим уничтожить оккупантов, Гитлера, а не немецкую культуру и не немецкий народ. Гюго говорил: короли рождаются и умирают, а народ остается, народ вечен...

Так, в библиотеке за этим маленьким политическим уроком родился отважный французский партизан, носящий немецкое имя «Райнер». И парижский филиал всемогущего гестапо, имевший в столице огромную сеть шпионов и осведомителей, так до конца и не дознался, что неуловимый немец Райнер, доставивший ему столько хлопот, — всего-навсего маленькая парижская студентка с тихим мелодичным голоском и черной густой косой за плечами.

— ...Нет, в самом деле эта история с псевдонимом не очень смешно звучит для вас, советских людей, суровых воинов, сломивших хребет фашистскому зверю?.. Нет?.. Тогда я вам расскажу и еще подробности.

Одной из постоянных забот подпольной организации медицинского факультета была добыча оружия. Она не могла, скажем, делать налеты на военные транспорты и таким образом обеспечивать себя необходимым вооружением, как это делали советские партизаны. Приходилось кустарничать. Заманивали фашистских солдат по одному в темные улицы, оглушали ударом, забирали автоматы, патроны и скрывались. В организации была прехорошенькая девушка, с виду прямо-таки ангелок с рождественской открытки. Смелая девушка! В таких операциях она изображала проститутку. Ей не стоило большого труда очаровать на улице солдата или офицера. Она шла с ним в бар, подпаивала его, а потом вела будто бы к себе, в один из тихих переулков, где уже поджидала засада. Несколько раз это сходило с рук.

Но однажды девушка очутилась в жутком положении. Фашисты становились все осторожнее. Был уже комендантский приказ: солдатам с наступлением темноты разрешалось появляться на улице только группами. Об этом приказе подпольщики еще не знали. И вот вместо того, чтобы привести одного пьяного боша, девушка вдруг появилась там в сопровождении трех, да к тому же трезвых. Друзья, караулившие в подворотне, замерли. Как поступить? Как спасти девушку? И тут один из них, обычно славившийся своей рассеянностью, поэт, вечно все везде забывавший, нашелся раньше других. Он выскочил из ворот, бросился к девушке, отвесил ей звонкую пощечину и закричал:

— Ах, негодная, вот ты чем, оказывается, занимаешься по вечерам! Марш домой!.. Отец с тобой поговорит.

И по-немецки пояснил солдатам:

— Извините, господа, это моя сестра.

Так он и спас боевого товарища, этот юный рассеянный поэт, у которого была итальянская кличка «Мартини» и который в оккупированном Париже в сорок третьем году написал поэму «Красные маки».

Это была поэма о белорусских партизанах, о стране, где он никогда не бывал. Но среди друзей стихи пользовались успехом. После поэмы Мартини взялся за пьесу. И пьеса эта была о борьбе партизан Украины, которую он тоже никогда не видел. Он увлекся новой работой и писал уже третий акт, когда в боевой своей деятельности допустил оплошность. Отнимая оружие у оглушенного гитлеровца, он заметил, что тот в сознании и наблюдает за ним. Партизанская заповедь гласила: врага,

видевшего тебя, нельзя оставлять живым. Мартини был романтиком не только в поэзии. Он не решился добить поверженного нази. А некоторое время спустя, когда он шел по переулку, его обогнал грузовик с солдатами. Машина вдруг остановилась. Какой-то солдат выскочил из кузова и бросился к Мартини. Партизана схватили и, избив до полусмерти здесь же, на улице, бросили в машину. Его долго мучили, требовали выдать сообщников.

В партизанской группе Мартини был хранителем оружия. Где был тайный склад, никто не знал. Он мог умереть и унести с собой тайну. А оружие, оно так дорого давалось! И вот Мадлен, объявив себя невестой заключенного, пошла в тюремную больницу, где Мартини умирал от побоев. Это был большой риск, но ей все-таки удалось установить, где находился тайный склад, до того, как поэт умер, так и не дописав своей пьесы о партизанах Украины.

— ...Если бы вы знали, как много для нас значили сражения, которые вела Советская Армия! Вести о ваших победах, даже самых маленьких, были кислородом, который жадно глотала оккупированная Франция. Они возвращали нам жизнь... Теперь есть люди, которые не любят об этом вспоминать. Есть и такие, что и самую память об этом хотят истребить. Глупцы! Разве это забудешь? Бывало, ночью приникнешь к приемнику, шаришь, шаришь в эфире и вот сквозь свист и треск фашистских глушителей слышишь эти позывные, что давались перед салютом. И эта простая музыкальная фраза говорила нам: «Мы с вами, братья! Мы сражаемся, мы побеждаем. Держитесь! Теперь уже недолго. Мы идем к вам на помощь».

Мадлен задумывается и вдруг как-то сразу очень молодеет и хорошеет, вновь становится такой, какой была, когда действовала под именем Райнер.

— ...Вы были всегда с нами... А Сталинград! После этой вашей победы все закоулки Парижа были исписаны призывом: «К оружию, граждане!» Это из «Марсельезы». А на окраинах были лаконичней. Там писали: «Сталинград!»

С этой победой Советской Армии у неуловимого партизана Райнера связано и личное воспоминание. Мадлен везла в один из районов только что отпечатанные листовки. На них был изображен ликующий советский воин и написано одно только слово: «Сталинград». Листовки были связаны пачками, и пачки равномерно размещены под пальто. В метро была давка. Бечевка одной из пачек лопнула, и вдруг девушка, к ужасу своему, почувствовала, что листовки потекли вниз и рассыпаются по полу. Она не знала, что делать. В нескольких шагах от нее, держась за ремешок, стоял французский полицейский. К счастью, он смотрел куда-то поверх голов. Но каждую минуту он мог опустить глаза. Девушка даже зажмурилась. Сейчас он увидит, подымет...

Но что это: сон или бред? Проходит минута, другая. Вагон бежит, отчетливо стучат на стыках колеса, и никто не замечает листовок, на которых изображен советский солдат, никто, даже полицейский, не видит их. Вот полицейский опустил глаза, наклонился, взглянул в окно. Мелькают серые стены тоннеля. Полицейский направляется к Мадлен. Попытаться открыть дверь вагона? Прыгать на ходу? Разбиться?.. Полицейский наклоняется. Что такое он говорит?

— Мадемуазель, не знаете, какая следующая остановка? — И, не дождавшись ответа, начинает торопливо проталкиваться к выходу, бормоча: — Ну, так и есть, моя, чуть не прозевал.

Он действительно сходит на этой остановке. И вместе с ним сходят все, кто был в вагоне. Только россыпь листовок остается белеть на полу, поражая всех, кто садится на этой станции. А партизан Райнер, затерявшийся в толпе, едва тащит ноги: только бы выдержать, только бы не упасть... Добравшись до друзей, сдав груз, девушка падает на диван, плачет, плачет, как маленькая девочка. Ей дают воду, но зубы выбивают дробь о стакан, вода льется на грудь...

Наступление на Восточном фронте продолжает развиваться. Как отклик на эти могучие победы, растет, крепнет французское движение Сопротивления. Каждое утро Париж просыпается, весь исписанный антифашистскими лозунгами. Гестаповцы сбиваются с ног. Эсэсовцы безумствуют. Страну облетает слово «Орадур», которое вдруг сразу из названия мирного селения превращается в страшный символ. Там, в районе этого селения, активно действовали партизаны. В виде репрессий гитлеровцы сровняли село с землей. Мужчины, мальчики, старики были расстреляны. Женщины, дети были согнаны в церковь, заперты и сожжены.

Эта маленькая трагедия, потрясшая всю страну, для Мадлен является и личной трагедией: Орадур для нее не просто крохотная точка на карте Франции. Это родные места. Она помнит эти домики, что снесены теперь с лица земли, сады, что вырублены. Как живая встает в памяти церковь, где сгорели женщины и дети и среди них, может быть, знакомые, родственники. Думая об этом, девушка задыхается от ненависти, она лишается сна. В разных концах оккупированной Франции партизаны мстят за Орадур. Решают мстить и юные подпольщики с медицинского факультета: пусть каждый уничтожит по гитлеровскому палачу.

Легко решить. Но как это осуществить? Гестаповцы не зайцы и не кролики. Сейчас, когда Париж кипит гневом, они особенно осторожны. Офицеры стараются не появляться на улицах без сопровождения. Солдаты ходят командами. Все это так, но кости сгоревших, похороненные под развалинами, вопиют о мщении. Мадлен не знает покоя. Нет, к черту осторожность! Надо рискнуть жизнью, чтобы начать счет. И пусть откроет его девушка. Ведь каждый француз — немножко рыцарь. Казнь гестаповского палача, осуществленная девушкой, вызовет особый отклик во всех уголках Парижа. Да, именно такой был у Мадлен расчет, когда она готовилась к этому своему выстрелу. Ночью не выйдет, можно только днем и не в закоулке, где фашисты уже боятся появляться, а в людном месте, на улице, в праздник, при народе.

В воскресный день, в третьем часу, когда в саду Тюильри бывает людно, девушка кладет револьвер в сумочку и садится на велосипед. Сад в этот час особенно красив. По аллеям, деревья которых пронизаны лучами вечернего солнца, движется пестрый поток гуляющих. Несмотря ни на что, парижане выглядят беспечными, веселыми. Мадлен неторопливо нажимает педали. На ней пестрое платье. За спиной коса, и в косе бант. В этот день она оделась с особой тщательностью. И вот теперь она испытывает не страх, а горечь, горечь от того, что никто из гуляющих не знает, что вот сейчас она будет стрелять в их врага и что еще через сколько-то мгновений, может быть, и она сама упадет мертвой на нагретую солнцем землю, чтобы больше никогда уже не видеть ни этого синего неба, ни этой сочной зелени, ни этих вот незнакомых, но особенно дорогих ей сейчас парижан.

Неторопливо доехала она до моста Сольферино, не увидев ни одной подходящей мишени. Попадались вражеские солдаты. Они ходили обособленными группками. Одна из таких группок даже обратила внимание на хорошенькую велосипедистку. Вслед Мадлен раздавались грубоватые комплименты. Послышался смех. Нет, нет, это все не то! Но вот у моста она вздрогнула и как-то инстинктивно притормозила велосипед. У перил стоял эсэсовский офицер в праздничной форме. Это был высокий и немолодой уже человек с толстым розовым загривком. В руках у него была булка. Опираясь о перила, он бросал с моста куски хлеба и смотрел вниз. Он весь ушел в это занятие, и, если бы не форма, можно было бы подумать, что это благодушный рантье, отец большого семейства, безобидно развлекающийся на досуге. Но на нем была вражеская форма. Это старший офицер СС, один из тех, кто сжигал церковь Орадура. Жандарм оккупированного Парижа — достойная цель.

Как-то вся сразу точно бы окаменев, действуя почти механически, девушка соскочила с велосипеда. Теперь только бы выхватить револьвер из сумочки. Он ведь туда с трудом влез. Нет, кажется, ничего... Ах, черт! Какой-то подросток тоже перегнулся через перила возле эсэсовца. Этак ненароком попадешь в него. Мадлен люто возненавидела этого вихрастого мальчишку и застыла в оцепенении. Так они трое и стояли у перил: эсэсовский офицер с булкой в руках, веснушчатый мальчишка и хорошенькая, совсем юная велосипедистка. Люди медленно шли мимо них. Мадлен оцепенела. Она больше всего боялась, что эсэсовец вдруг услышит, как шумно бьется у нее в висках кровь, совсем как сельский колокол: бум, бум, бум...

Наконец-то проклятый мальчишка засвистел, отошел. Он, вероятно, уже заметил смуглую девушку с толстой косой за спиной. Может быть, она ему понравилась, и потому он тотчас же оглянулся. И, оглянувшись, замер, увидев, что девушка целится в офицера. Раздался выстрел. Офицер быстро оглянулся и вдруг, оторвавшись от перил, медленно, как подпиленное дерево, стал валиться на тротуар. На мясистом лице его было удивленное выражение.

Тут Мадлен услышала страшный крик. Кричал мальчишка. Девушка, которая мгновение назад действовала почти механически, вдруг ощутила во всем теле противную дрожь. С трудом вскочила она на велосипед и, не оглядываясь, быстро поехала через мост, навстречу людям, бежавшим к месту происшествия. Никто не пытался ее задерживать. Так бы она, вероятно, и скрылась, затерявшись в толпе, если бы поблизости не оказался полицейский автомобиль. Машина сейчас же покатила через мост, настигла Мадлен и ударом крыла сбила ее с велосипеда. Девушка упала, выронив револьвер, и, прежде чем успела подняться на ноги, уже щелкнули наручники.

Мадлен сейчас же доставили в известный всему Парижу дом, Гестапо. В воскресенье гестаповцы отдыхали. Французские полицейские, принимавшие девушку, с сожалением поглядывали на арестованную.

— Зачем ты это сделала? — проворчал один из них.

И в голосе его Мадлен послышалось сочувствие.

— Они убили моего жениха... Я обезумела от горя... Я поклялась им отомстить, — твердила она заранее придуманную на этот случай версию.

Это же она повторяла и гестаповцам, когда они приступили к допросу по всем правилам своего окаянного ремесла. Окружив ее живым кольцом, они по очереди били свою жертву кулаками, бросая от одного к другому. В конце концов обессилев, она, окровавленная, падала на пол. Ее отливали водой и спрашивали:

— Кто вас научил? Кто ваши сообщники? Где вы взяли оружие?

Она твердила все те же слова и ничего не сказала. Едва живую ее отнесли в камеру без окон и бросили на цементный пол. Через несколько суток, когда она немножко пришла

в себя, допрос возобновился. Ее привязали к стулу, сорвали с нее одежду и били резиновыми бичами.

Тело постепенно превратилось в сплошной синяк. Девушка перестала чувствовать удары. Спокойный голос не очень громко, но очень настойчиво спрашивал:

— Назовите вашу организацию, назовите ваших сообщников...

В затуманенное сознание едва доносились эти спокойные и потому особенно страшные вопросы. Постепенно Мадлен привыкла к ним. Иногда она вспоминала свою партизанскую кличку. И в уме у нее маячила строка из немецкого поэта Райнера Мария Рильке, имя которого стало ее партизанским псевдонимом:

...Бог, дашь ли ты каждому смерть,
Которая будет достойна жизни...

А распухшие от ударов губы ее еле слышно, автоматически твердили:

— Нет, нет, я ничего не знаю... Я мстила за своего жениха.

Даже оставшись одна в своей камере, в бреду она повторяла эти слова: «Нет, нет, нет...»

Тогда палачи, желавшие, очевидно, во что бы то ни стало до казни выявить, с кем она была связана, прибегли к одной из самых изощреннейших пыток. Гестаповец, работавший над ее делом, оказывается, уже напал на след. По номеру револьвера, из которого она стреляла, стало известно, что оружие было добыто в результате налета на полицейского. В каком-то досье отыскали ее фотографию, тайно сделанную в тюремной больнице, когда она под видом невесты ходила прощаться с умирающим поэтом Мартини. Нити привели к медицинскому факультету. А до этого был схвачен подросток, совсем мальчик, которого иногда их организация привлекала для расклейки листовок. И однажды палачи привели Мадлен в пустую комнату и привязали к стулу. Потом, к ужасу ее, был введен этот подросток.

— Вы знаете его?

— Нет, — твердо ответила девушка.

— А ты ее знаешь?

Мальчик был избит. Багровый синяк закрывал его правый глаз. Он весь дрожал. Но это был храбрый французский мальчик. Единственный его глаз смотрел на Мадлен.

— Нет, не знаю, — был ответ.

Тогда на глазах у Мадлен палачи начали пытать мальчика, выламывать руки, загонять деревяшки под ногти. Он корчился от крика и часто терял сознание. Его приводили в себя с помощью какого-то лекарства, и все начиналось снова.

— Мадемуазель, признайтесь, назовите фамилии сообщников, мы сейчас же отпустим этого щенка домой.

— Нет, нет, я ничего не знаю.

— А ты, мальчик, ты не хочешь к своей маме? Она, наверное, с ума по тебе сходит. Неужели из-за этой девки, которая убила нашего храброго офицера, потому что он мало заплатил ей за ночь, ты хочешь умереть, даже не попрощавшись с мамой?

— Нет, нет, я никогда ее не видел...

И самое страшное было в том, что окно во двор было открыто, что там буйствовала ласковая и хмельная парижская весна. Восковой подсвечник каштана, сияя на солнце, тянулся к окну. Этажом выше кто-то играл на рояле Баха, и торжественные, величественные аккорды беспрепятственно влетали в комнату, где два громадных гитлеровца спокойно, без злобы, методично, словно выполняя обычную работу, терзали мальчика с рыжими веснушками, густо рассыпанными по переносице.

— Мадемуазель, вы не любите детей, — говорил один из гестаповцев.— Такая милая девушка и такая жестокая.

— Нет, нет, нет, я ничего не знаю... Я никого не знаю, — упрямо твердили воспаленные, растрескавшиеся губы.

Так ничего не добившись и на этот раз, Мадлен бросили в камеру смертников, в темную каменную коробку, куда не проникал луч света.

Понемногу она освоилась и с новым убежищем. В сплошной темноте ничего нельзя было разглядеть, но пальцами она нащупала на стенах массу надписей, выцарапанных теми, кто прошел через эту комнату на расстрел. Чтобы убить время, она на ощупь разбирала надписи одну за другой. Чаще всего это были фамилии, адреса и просьбы передать на волю, что такой-то или такая-то погибли как настоящие французы. Были и слова прощания с миром, слова проклятия палачам, слова привета оставшимся в живых, слова веры в победу и во Францию.

Так, исследуя стены сантиметр за сантиметром, Мадлен нащупала в углу выцарапанное в штукатурке слово «Сталинград». И вдруг вспомнилось метро, листовки, полицейский, спрашивающий, какая следующая остановка. Она обрадовалась этому слову, как старому другу. Это было слово надежды. Теперь Мадлен частенько щупала пальцами штукатурку в этом заветном месте.

Вскоре она и сама надумала выцарапать на стене звезду. Пятиконечную.

— ...Звездное небо для меня и сейчас самое волнующее зрелище, — слышится ровный, задумчивый голос рассказчицы. — Я вам говорила, что дед научил меня читать небесную азбуку. Мы часто смотрели с ним на небо, и оно казалось мне огромным садом, а звезды — светящимися цветами... Там, в тюрьме, в ожидании казни я сочинила несколько стихов. Это, наверное, неважные стихи, я их забыла. Но вот одна строчка еще помнится: «С тех пор как я в партии, в груди у меня вместо сердца красная звезда...»

Потом, совершенно для Мадлен неожиданно, из камеры смертников ее перевели в обычную одиночку. Режим питания улучшился. Даже дали писчую бумагу. Француз-тюремщик, приносивший еду, иногда даже заговаривал с ней. Утром он галантно спрашивал:

— Как вам, мадемуазель, спалось?

Мадлен давно уже потеряла всякую связь с жизнью и никак не могла понять, что все это значит. Потом все-таки догадалась, что дела у фашистов плохи. И, по-видимому, ухудшались, ибо тюремщик становился все болтливее. Он шепнул, что Советская Армия уже в Польше, в Чехословакии, в Югославии. Союзники, кажется, наконец всерьез взялись за войну. Похоже, что они скоро двинутся к Парижу. Говорят, что будто в городе появились парашютисты-разведчики из французских дивизий.

— ...Пусть мадемуазель когда-нибудь вспомнит, что я был вполне лоялен. Служба есть служба, но я с вами обращаюсь хорошо, не правда ли?

Эта фраза была для Мадлен самой достоверной информацией о том, что происходило на воле. Свобода пришла для девушки значительно раньше, чем для Парижа. Мадлен Риффо вместе с другим приговоренным к смерти подпольщиком-коммунистом и партизанкой из сторонников генерала де Голля гестаповцы через нейтральных послов выменяли на каких-то захваченных союзниками гитлеровских бонз.

Так, будто в сказке, к девушке пришла свобода. Для человека, вернувшегося из гестаповского ада, свобода означала одно — борьбу. И хотя Мадлен еле держалась на ногах, истощенная всем пережитым, она сейчас же вступила во французскую армию, где ей за заслуги сразу присвоили звание лейтенанта.

Отдыхала и поправлялась она, уже воюя. Она командовала взводом имени Сен-Жюста, и взвод этот до последнего дня войны успешно действовал главным образом в тылах врага. До полного освобождения родины девушка была одной из тех, кто в боях с гитлеровцами завоевывал свободу.

Что же к этому добавить? Шли годы, и странные трагические перемены происходили на глазах Мадлен. Те самые боши, которые еще недавно гусиным шагом маршировали по оккупированному Парижу, снова ходили по нему, уже в качестве почетных гостей. Полицейский, который когда-то в воскресный день свалил Мадлен ударом крыла машины, работал уже на прежнем месте. Растолстел, повышен в чине. Он даже раз вежливо поклонился Мадлен, случайно встретив ее на улице. Немецкие машины лихо подкатывают к подъезду дворца, где помещается командование НАТО. Оттуда выходят с портфелями те самые гитлеровские генералы, которые когда-то свирепствовали во Франции, и раззолоченный швейцар раскрывает перед ними двери. Говорят, что один из гитлеровцев будет командовать и французской армией.

Но Мадлен уже не удивляется. Это не прежняя восторженная девушка с длинной толстой косой и не юный лейтенант французской армии, каким ее изобразил Пикассо. Три книжки стихов, которые она выпустила после войны,— это, конечно, романтические книги. Но в них звучит уже голос опытного борца, серьезно разбирающегося в событиях, борца, знающего законы истории и законы классовой борьбы. И она продолжает оставаться борцом — отважным солдатом газетной армии, из тех, которые сражаются за мир, за честь Франции, за взаимопонимание народов, за мирное сосуществование различных социальных систем. Вот и сюда, на Конгресс, она приехала как боевой корреспондент профсоюзной французской рабочей газеты.

...В зале, где продолжает заседать Конгресс, аплодисменты, шум, крики. Кого-то приветствуют с особым энтузиазмом. Журналист, который в течение всей нашей беседы потел над статьей в опустевшем кафе, бросает свои блокноты, вермут, недокуренную сигарету и кидается в зал. Мадлен Риффо тоже хочет вскочить, но потом, улыбнувшись, машет рукой и остается, задумчиво помешивая ложечкой уже остывший кофе.

— Журналистский рефлекс... Как видите, уже стала настоящей газетчицей... Хотя, собственно, почему бы нам не пойти и не послушать? Я уже все рассказала.

— Ну, а как же вам помог Алексей Маресьев?

Она улыбается.

— Просто. Пребывание в гестапо для меня не прошло бесследно: отбили легкие. Вскоре после войны меня свалил в кровать сильнейший туберкулез... То, что происходило во Франции, как вы понимаете, не могло меня бодрить, — наоборот, порой мне даже начинало казаться, что мы боролись напрасно. Такой ценой выгнали нази, а теперь они возвращаются в Париж, даже не считая нужным переменить мундиры. Болезнь одолевала, а у меня не хватало сил и, скажем прямо, даже желания сосредоточиться для борьбы с ней. Тогда один мой друг рассказал мне об Алексее Маресьеве. Сначала я не поверила ему, но когда узнала, что вся эта история подлинная, я была потрясена. И вдруг мне в голову пришла простая мысль: чем, черт возьми, я, французская девушка, хуже этого советского парня? Он — коммунист, я — коммунистка. Он — солдат, я — солдат. И общий враг еще не сломлен. И борьбы на наш век хватит. Так я сказала себе. Вот и все. И передайте за это спасибо майору Маресьеву от лейтенанта запаса французской армии Мадлен Риффо.

— И от славного партизана Райнера?

— Ну, что ж, и от партизана Райнера.

И тут я увидел, как партизан Райнер достал из сумочки, которую носит на длинном ремне, на манер офицерского планшета, зеркальце, губную помаду и очень привычными, изящными движениями мазнул себя по губам. Он, этот отважный партизан, был француженкой до мозга костей.

Интервью «Огонька»

Три вопроса

Секретарь Свердловского обкома КПСС
А. КИРИЛЕНКО

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к секретарю Свердловского обкома КПСС тов. А. Кириленко с просьбой ответить на некоторые вопросы в связи с всенародным обсуждением задач дальнейшего совершенствования организации управления промышленностью и строительством.

Вопрос. Какие наиболее интересные предложения внесены трудящимися в ходе обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева?

Ответ. Тезисы доклада тов. Хрущева трудящиеся нашей области обсуждают с большой активностью. В своих выступлениях на собраниях и в печати они поднимают важные вопросы дальнейшего совершенствования руководства народным хозяйством.

Серьезного внимания заслуживает, например, предложение осуществить комбинирование металлургических и горнорудных предприятий, а также произвести объединение близлежащих родственных заводов. В этом случае вместо 41 предприятия черной металлургии в области будут 3 комбината и 16 отдельных укрупненных предприятий. Все это позволит ликвидировать существующую раздробленность управления предприятиями черной металлургии, которые подчинены сейчас множеству различных главков, лучше использовать производственные мощности и сырьевые ресурсы и высвободить значительное количество специалистов из управленческого аппарата для работы непосредственно на производстве.

Ценные мысли высказал старший мастер Уралвагонзавода новатор С. Барин. Он считает необходимым устанавливать предприятиям твердые государственные сроки для внедрения оправдавших себя новшеств, а затем сразу повышать план выпуска продукции, уменьшив соответствующие фонды материалов и денежных средств.

Инженер О. Богаевский, приведя разительные примеры ничем не оправданного параллелизма в работе научно-исследовательских институтов, принадлежащих различным ведомствам, рекомендует объединить ряд отраслевых научно-исследовательских учреждений, создать единый направляющий центр, что позволит лучше координировать научно-исследовательскую работу в интересах развития народного хозяйства.

Несомненный интерес представляет также высказанное в ходе обсуждения тезисов мнение иметь специальный орган Госплана, который занимался бы перспективным развитием всех экономических районов Урала.

Трудящиеся нашей области внесли тысячи ценных предложений. Многими рабочими и служащими поднимаются вопросы, которые связаны не только с реорганизацией форм руководства промышленностью и строительством в масштабе страны и области, но и вопросы улучшения управления непосредственно на предприятиях и стройках.

Вопрос. По каким проблемам идут наиболее горячие споры?

Ответ. Споров много. Это хорошо, ибо, как говорят, в споре рождается истина.

Огромное значение для роста промышленности нашей области имеет умелое использование ее богатейших природных ресурсов. Известно, что наша горнодобывающая промышленность отстает от потребностей металлургических предприятий. Заводы испытывают недостаток в руде. Предложение о создании металлургических и медеплавильных комбинатов, в которых должны быть объединены металлургические, горнорудные и обогатительные предприятия, встретило возражения среди ряда работников горнорудной промышленности. Они считают, что передача рудников комбинатам затормозит развитие горной промышленности, и выдвинули предложение объединить всю горнодобывающую промышленность области в горное управление или трест.

Следует отметить, однако, что практика работы известных нам металлургических комбинатов показывает, что рудная база здесь опережает развитие металлургического производства.

Различные мнения высказываются также по вопросу об экономическом районировании. Есть сторонники и противники выделения в самостоятельный экономический административный район Свердловской области. Последние считают, что производственные связи между промышленными предприятиями Урала развиты настолько сильно, что один экономический район должен объединить несколько уральских областей. Следует отметить, что это мнение необоснованно. Свердловская область вполне может явиться самостоятельным экономическим районом, как это и предусмотрено в тезисах доклада тов. Хрущева.

Вопрос. Каким вы себе представляете Свердловский экономический район?

Ответ. Наша область — одна из важнейших индустриальных областей Советского Союза с высокоразвитой металлургической, машиностроительной, горнодобывающей, энергетической, лесной, химической отраслями промышленности, с обширной сетью железных дорог протяженностью почти в 3 тысячи километров. В ней ведется крупное капитальное строительство. Объем промышленной продукции в Свердловской области увеличился против 1913 года почти в 70 раз. Наша область дает сейчас металла больше, чем вся дореволюционная Россия.

В области сейчас насчитывается 1 230 предприятий, на которых занято более 900 тысяч рабочих и служащих, в том числе 44 тысячи инженеров и техников. У нас 43 научно-исследовательских учреждения, 12 вузов, Уральский филиал Академии наук СССР.

Продукция таких предприятий-гигантов, как Уралмашзавод, Уралвагонзавод, Уралэлектроаппарат, нижне-тагильский металлургический комбинат, Уралхиммаш, широко известна не только в СССР, но и за его рубежами.

Однако подчинение предприятий области десяткам союзных и республиканских министерств и главков отрицательно сказалось на дальнейшем развитии экономики области. Создание экономического административного района в пределах Свердловской области позволит наиболее целесообразно использовать местные ресурсы в интересах развития народного хозяйства всей страны.

Основным звеном управления промышленностью и строительством области должен явиться Совет народного хозяйства. Пленум областного комитета партии рассмотрел и вынес на широкое обсуждение структуру Совета народного хозяйства и проект организации управления промышленностью и строительством применительно к Свердловскому экономическому району.

В областном Совете народного хозяйства предполагается иметь небольшой, но гибкий аппарат. Предприятия будут объединены в отраслевые производственные управления и тресты. Это позволит упростить руководство промышленностью, приблизить его к производству, обеспечить дальнейшее развертывание творческой инициативы масс, еще шире привлечет трудящихся к управлению промышленностью и строительством.

Маевка

Константин **ВАНШЕНКИН**

Старая рабочая маевка,
Ты шумишь, волнуя и маня.
Мне порою чуточку неловко,
Что свершалось это без меня.

Вижу я, как, может быть, впервые
Теплым днем весенним налегке
Не спеша идут мастеровые
По тропинке узенькой к реке.

Входят, собираясь понемножку,
В робко зеленеющий лесок.
Голенища собраны в гармошку,
С кисточкой крученый поясок.

На лесных нетоптаных полянах,
В чистой белизне березняка
Имя произносится — Ульянов,
Пусть не всем известное пока.

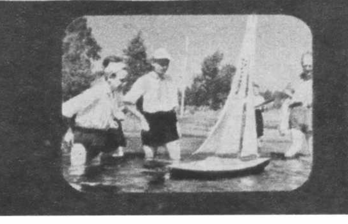
А слова рождаются какие!
Думы о своем и о чужом:
Как движенье ширится в России,
Как дела идут за рубежом...

Поглядишь: как будто бы гулянка,
Даже шпик не сразу разберет.
Ясная весенняя полянка,
Мысли, устремленные вперед.

Пусть еще закрыто небо тучей
И далек и труден этот путь...
...Ты на демонстрации кипучей
О маевке, брат, не позабудь!

Нет, живет в потомках благодарность —
Это, друг, не общие слова:
Пролетариата солидарность
В нашем сердце сызмальства жива.

Помним мы, как партия взрастала,
К Октябрю идя наверняка,
И рвала оковы капитала
Твердая рабочая рука.

Пионеры.

Окрестности Сухуми.

Сахалин.

Хабаровский край.

На льдине.

Кабарда.

За 10 минут вокруг планеты

Евгений КРИГЕР

Фото Я. Рюмкина.

Нам с вами удалось без особого труда приобрести билеты в кинотеатр. Расположились в креслах, сняли шляпы, дожевываем взятую в буфете карамельку. Мы отдыхаем. Погас свет. И когда вспыхнула знакомая эмблема журнала «Новости дня», кинолента помчала нас на встречу с далекими советскими городами и заморскими странами, с людьми многих профессий: оленеводами Заполярья и садоводами Грузии, лоцманами Порт-Саида и инженерами Индии, крестьянами Туниса, ковбоями Уругвая...

Встречи короткие. Расстояния громадные. Секунда — и мы попадаем из Праги на берега Хуанхэ в Китай, а через мгновение разделяем жгучие переживания со зрителями берлинского ринга.

Мы не испытываем при этом никаких неудобств от путешествия, нас не мучает океанская волна, не слепит горячий песок самума, не утомляет в самолете «болтанка», не грозит внезапная встреча с уссурийским тигром, не досаждает скучная церемония в зарубежных таможнях.

Дайте руку, читатель! В темноте я проведу вас к выходу из кинотеатра. Не пожалеем денег, потраченных на билеты, и до конца сеанса покинем наши удобные кресла, чтобы посмотреть, кто и как устраивает нам возможность за десять минут побывать во многих уголках нашей страны и земного шара.

Пока мы идем к дому № 6 по Лихову переулку в Москве, где находится фабрика быстрых путешествий и встреч, я сообщу вам, что во имя нашей любознательности ленинградский кинооператор В. Гулин забрался сейчас на шпиль собора Петропавловской крепости. Для ремонтных работ в столь необычных условиях были приглашены виртуозные мастера-верхолазы. Они работают в облаках, почти у самого острия шпиля. Оператору с его кинокамерой пришлось пристроиться еще выше: иначе ему не снять смельчаков.

А в это время оператор Ф. Леонтович трудится в Москве... под водой. Он испытывает новую камеру своей конструкции для подводных съемок. Правда, испытания проводятся пока в бассейне МГУ. Но в скором времени подводный киноглаз откроет новые тайны мастерства и техники пловцов, водолазов, рыболовов.

Так выглядит труд кинохроникеров, взятый по вертикали: от заоблачных высот до морского дна. А по горизонтали, по широтам и меридианам?

Вот мы и дошли до шумного, беспокойного дома в Лиховом переулке. Пройдем сразу в главный просмотровый зал. Там разбирают очередную почту — сюжеты для «Новостей дня». Почту разбирают не на столе, а прямо на экране. Корреспонденция на Центральную студию документальных фильмов доставляется отовсюду не в конвертах, а в рулонах отснятой пленки.

Новичок, пожалуй, не сразу поймет, что здесь происходит. Тишина. На экране беззвучно мелькают события, люди, машины, реки, заводы, горы, улицы, игрушки, леса, стройки, театры, колхозные мастерские...

Кинооператоры прислали свои наблюдения. Сюжеты, кадры еще не смонтированы. Проекционный аппарат «высыпает» их на экран большим ворохом, как рыболовецкий трал вываливает на палубу очередную добычу вперемешку с морскими звездами и всякой подводной диковиной. Отбор сюжетов длится долго, а киножурнал требует материала всего на 10 минут. Недельные поиски далекого оператора порой завершаются тем, что в Лиховом переулке из его почты отберут 20—25 метров, которые промелькнут перед нами в кино за одну—две минуты.

Задержимся в зале ненадолго. Что это там, на экране? К литовскому порту возвращается с промысла траулер рыболовецкой флотилии. Но почему его встречают с цветами, с оркестром? В этот день капитану Оя исполнилось 60 лет. Его ждут родные, друзья, чествование продолжается в клубе. Примем сюжет оператора П. Калабухова? Примем. Но сократим.

Режиссер Л. Варламов вернулся из Бирмы.

Оператор В. Леншин сообщает о новостях из эвенкийского оленеводческого колхоза. В Порт-Саиде советское судно «Иван Павлов» сгружает доставленную для Египта пшеницу — сюжет операторов А. Зенякина и А. Семина. В Кишиневе оператор Л. Проскуров вводит нас в мастерскую молдавского скульптора Л. Дубиновского, работающего над новыми произведениями к 40-летию Октября. Оператор Н. Старощук прислал репортаж о прокладке трубопровода в Сибири в мороз и вьюгу, а оператор И. Гибалевич сообщает о начале весеннего сева в Узбекистане.

Мы провели на просмотре полчаса, а в голове шумит, словно это нам с вами пришлось мчаться из Порт-Саида в Сибирь, на собачьих упряжках доставлять пленку к самолету, сидеть за праздничным столом капитана-юбиляра.

Режиссеры М. Слуцкий и Л. Дербышева готовят фильм, который расскажет о фестивале.

Кинооператоры А. Савин и Ю. Леонгардт на съемках в Москве.

На полях Албании.

Индия.

Аргентина.

Финляндия.

Вьетнам.

Чемпионат мира.

Чтобы отдохнуть слегка, посидим в вестибюле студии. Отдохнуть? Об этом не может быть и речи. Вестибюль шумит, как вокзал перед отходом многих поездов. Осторожно! Ассистенты тащат к выходу тяжелую кладь своих операторов: стационарные камеры, штативы, чемоданы с набором объективов и прочую амуницию.

Послушаем, о чем толкуют операторы, коротающие время в ожидании срочного вызова на съемку. Большинство из них — люди бывалые, киноволки, размотавшие на своем веку столько пленки, что ею можно опоясать земной шар. Тут часто можно услышать разговор давних друзей, встречавшихся и в огне войны, и в буранах Арктики, на стройках пятилеток, и на пляжах Крыма, где режиссер В. Беляев недавно снимал часть эпизодов для нового фильма «Встречи с солнцем». Привычная всем нам запевка: «А помнишь?..»

— А помнишь, как Борис Шер сбил фашистский самолет?

Это было в 1943 году. Кинооператор Шер вылетел на съемку боевой операции, заняв в самолете-штурмовике место стрелка. Искусство стрельбы с самолета он изучал раньше, на всякий случай. После успешной штурмовки, которую оператор снял с обычной для него обстоятельностью, наша группа подверглась нападению немецких истребителей «Фокке-Вульф». Скромный работник кино перешел к исполнению обязанностей стрелка. С дистанции 150 метров Шер дал очередь. Видимо, привычка кинооператора быстро наводить объектив на фокус пригодилась и в обращении с пулеметом. После посадки пилот Старченко бросился к Шеру, обнял его, кричал товарищам:

— Прямо в землю «фокера» свалил, оператор! Наповал! Спасибо, друг!

— А помнишь?..

Теперь рассказывают о памятном случае с диктором Леонидом Хмара. В 1942 году после разгрома врага под Сталинградом была захвачена немецкая кинохроника о вступлении фашистских войск в Киев. Украинец Хмара запомнил эти горестные кадры. В 1945 году он разыскал в Берлине киностудию, где фабриковалась немецкая кинохроника, и тот самый микрофон, с помощью которого озвучивались фашистские военные фильмы.

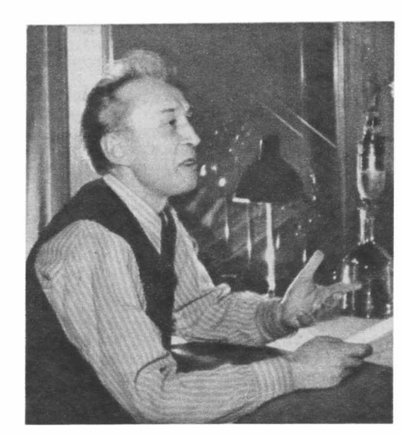
— Я покупаю этот микрофон,— сказал он диктору-немцу.

— Зачем? — изумился немец.

— Вы озвучивали на нем фильм о взятии Гитлером Киева. А я расскажу через тот же микрофон о падении Берлина и Гитлера.

— А помнишь съемку Миши Ошуркова в клетке со львами? Он снимал цирковой номер Ирины Бугримовой — львы на лошади. Занял место на тумбе в центре арены. Но тумба-то — привычное, законное место льва. Как отнесется царь зверей к тому, что его трон занял какой-то самозванец? Обошлось благополучно, но в кадре ясно видно, как выбегающий лев недовольно косится на Мишу. После съемки подходит к Ошуркову старушка-уборщица и спрашивает соболезнующе: «Голубчик, за что это тебя так, в клетку-то со зверями?..»

Вдруг все разговоры на студийном «вокзале» обрываются: операторы получили срочные задания на съемку. Кто-то едет в аэропорт встречать иностранную делегацию. Другие направляются в Кремль снимать вручение верительных грамот иностранным послом. Оператор С. Киселев, побывавший в свое время в Сирии, спешит в подмосковный зверосовхоз — снимать серебристых лисиц, норок и соболей. Едут на заводы, в колхозы, едут в один из театров столицы на съемку спектакля. Погружен в автобусы багаж операторов и осветителей. Рычат моторы автомобилей. Опустела автостоянка у подъезда студии. Тихо стало и на «вокзале». Операторы — на задании.

Человек, которого слышат, но не видят, — диктор Л. Хмара.

После всей этой суматохи мы с вами заметили, как на втором этаже вспыхнули сигналы «тише» с цифрами «1», «2» и «3». Идет звукозапись сразу в трех павильонах. В первом большой симфонический оркестр озвучивает очередной фильм. Во втором павильоне диктор Л. Хмара, сидящий в звуконепроницаемой кабине, откашлявшись, сообщает: «Я готов». Звукооператор В. Котов передает в аппаратную: «Моторы! Запись!» Слышен голос Хмары:

«Самолет над Гималаями. Эти высочайшие в мире горы не разъединяют, а сближают народы Советского Союза и Индии...»

В соседнем павильоне идет запись дикторского текста на испанском языке. А завтра мы услышим здесь английскую, французскую, немецкую, китайскую, чешскую речь, — студия отправляет во все концы мира журналы и фильмы, озвученные на двадцати двух языках.

Лифт поднимет нас на пятый этаж. Вдоль узкого коридора выстроились ряды кабин; там работают режиссеры и ассистентки с монтажницами. Из мовиол — аппаратов для совмещенного воспроизведения изображения и звука — скользят в большие корзины целые водопады пленки. Здесь оглушат вас разорванные, пока еще бессвязные кадры и звуки, составляющие симфонию нашей страны и земного шара. Рев океанских волн... Топот солдатских сапог на улицах Мюнхена... Песня молодых ткачих к фестивалю молодежи в Москве... Разноголосый говор на базаре в Рангуне... Треск сварочных аппаратов на ленинградской верфи, где сооружается первый в мире атомный ледокол... Голоса джунглей... Залпы «катюш» — это для нового фильма о сталинградской битве... Соловьиная трель... Рокот авиационных моторов: самолет доставил в Москву первые цветы из Сухуми...

...Не шарахайтесь в сторону. Действительно, зарычал тигр! Но тигр остался в Индии. А на пятом этаже московской киностудии его леденящий душу рык вместе со звуковой пленкой проваливается в корзину и там умолкает.

Чтобы мы с вами, сидя в кино, побывали во многих странах мира, режиссеры и операторы пускаются в путь на поездах, самолетах, по горным тропам пробираются на конях, снимают отовсюду, даже со спины верблюда. Режиссер Ф. Киселев с его группой закончил фильм о путешествии в Афганистан. На экраны вышел фильм «По дорогам Франции», снятый оператором Д. Каспием. Оператор А. Колошин ведет нас на улицы Вены. В. Трошкин, сын погибшего в годы войны фотокорреспондента «Известий» Павла Трошкина, вернулся из Туниса. А. Кочетков и В. Ешурин прибыли из Антарктики. На ярмарке в Лейпциге побывали Г. Голубов, П. Опрышко, К. Пискарев. В Египет отправились А. Зенякин, А. Семин, М. Трояновский. В Уругвай — И. Бессарабов и Р. Халушаков.

О рождении африканского государства Ганы готовит фильм вернувшийся с Золотого Берега оператор В. Киселев. Он рассказывает:

— Кинематографисты всех стран — большие друзья. Вот один случай. Однажды все мы увлеклись съемкой самой красивой девушки Ганы, негритянки из Тоголенда. Оглянулись — машин нет, все корреспонденты разъехались. Заметив наше замешательство, предложил место в своем автомобиле оператор-американец. Не без юмора этот славный парень говорил нам в пути: «Если бы знали хозяева машины, кого я везу! Это ведь машина американской службы информации. Кажется, мне не поздоровится. Ведь я осмелился оказать услугу советскому оператору!»

Из Бирмы вернулся режиссер Л. Варламов со своей группой — операторами Г. Асатиани, Д. Мамедовым, Б. Макасеевым, В. Микошей, звукооператором И. Гунгером.

— Многое удалось нам снять,— говорит, улыбаясь, Варламов. — Но одна сторона жизни бирманцев ускользнула от нас. Очень хотелось увидеть влюбленных юношу и девушку. Не будет их в фильме. Ни на улицах, ни в садах, ни в кино вы не встретите влюбленных. Молодых обручают родители. И порою обрученные встречаются лишь после свадьбы.

Режиссер И. Кравчуновский, который когда-то был ассистентом С. Эйзенштейна на съемках «Стачки» и «Броненосца Потемкина», работает сейчас над фильмом о первой советской промышленной выставке в Каире. Международные связи студии охватывают весь земной шар: обмен хроникальными сюжетами ведется по договорам с 36 иностранными кино- и телефирмами, начиная от стран народной демократии до Уругвая, США, Швеции, Японии, Аргентины и Перу.

Сейчас множество операторов во всех концах страны снимают эпизоды к фильму И. Сеткиной о первомайском празднике 1957 года — за Полярным кругом и в Узбекистане, на целинных землях Востока и в шахтах Донбасса, в Ленинграде и в Сормове.

Так трудятся режиссеры и операторы студии. Они работают месяцами далеко от Москвы, чтобы дать нам возможность за несколько минут совершать путешествия по нашей стране и вокруг земного шара.

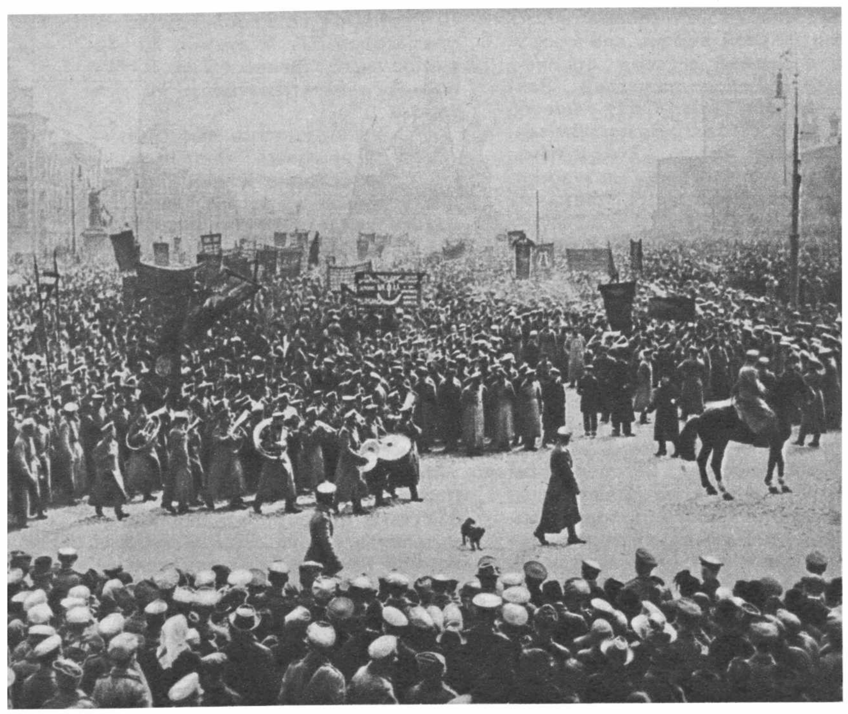
Идет озвучивание фильма.

1 мая 1917 года в Петрограде. Демонстрация рабочих и солдат на Марсовом поле.

Запечатленное фотоаппаратом в году 1917...

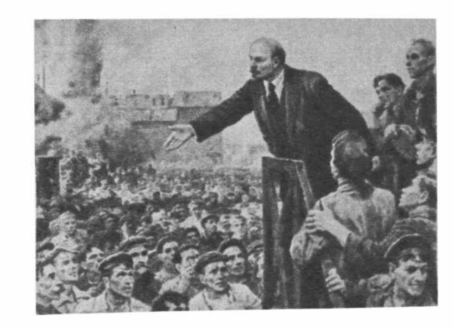
1 мая 1917 года в Москве. На Красной площади.

У Моссовета.

Фото П. Лобанова.

Ленин приехал!

Елена КАТЕРЛИ

Молодым рабочим, поступающим на Кировский завод, обязательно покажет кто-нибудь мемориальную доску, установленную там, где сорок лет назад выступал Владимир Ильич Ленин. Иногда к этому дорогому для кировцев месту приходят вместе с молодежью старики — очевидцы выступления Ленина. Они вспоминают тот запечатленный на всю жизнь день, рассказывают, как появился на трибуне вождь рабочего класса, рассказывают о произнесенных им словах и о собственных мыслях и чувствах.

Присмирев и притихнув, слушают молодые кировцы стариков, веря и не веря, что все это было на самом деле на этой, такой знакомой площади, окруженной потемневшими корпусами цехов. Старики говорят, что площадь тогда выглядела иначе: сейчас она залита асфальтом, озеленена, а тогда под ногами были и грязь, и булыга, и канавы, и рельсы. Иначе выглядели и цехи: разросся за годы Советской власти бывший Путиловский завод! Да и сами они в те времена были другими, молодыми и сильными, похожими на тех, с кем беседуют сегодня.

Сорок лет — срок немалый! Сколько произошло событий, сколько переделано дел, сколько одержано побед!.. Всего не упомнишь: выветривает беспощадное время из памяти многие случаи жизни. Но митинг 12 мая 1917 года не забыть тому, кто принимал в нем участие, кто стоял вот на этой самой площади перед трибуной, с которой весенним ливнем прозвучала речь Ленина.

Митинг был созван по инициативе меньшевиков и эсеров, влияние которых на рабочий класс после приезда Ленина в Петроград неудержимо покатилось вниз. Эсеровские и меньшевистские «вожди» мечтали о том, что на митинге им удастся привлечь на свою сторону путиловских рабочих — могучий, многотысячный коллектив питерского пролетариата. Для выступления были подобраны известные своим красноречием говоруны, среди которых первое место занимали министр земледелия эсер Чернов и один из «лидеров» эсеровской партии, Авксентьев.

Но подготовку вели не только меньшевики и эсеры. Рабочие-активисты — большевики попросили приехать на этот митинг Владимира Ильича Ленина. Большевики были уверены, что слова Ленина сразу же переломят настроение тех, кто до сих пор не мог разобраться в сложной политической обстановке тех дней. Большевики знали: стоит Ленину появиться среди рабочих, как исчезает туман, навеянный речами врагов социалистической революции, исчезает словно от дуновения свежего ветра.

Так и случилось...

К пяти часам вечера площадь на заводском дворе была полна народа. Люди стояли тесно друг к другу, плотным кольцом охватив трибуну. Молодежь забралась на крыши цехов, на низенькое деревянное здание завкома, на вагоны и платформы, застрявшие на путях. Собралось больше двадцати тысяч: после гудка не разошлась по домам утренняя смена, не начинала работу смена вечерняя. Обособленной группкой держались в стороне инженеры, мастера, начальники цехов. Слух о том, что на завод приедет Ленин, дошел до каждого.

Ленина еще не было на заводе, когда с трибуны заговорил министр земледелия Чернов. Он призывал рабочих поддерживать Временное правительство, клялся, что оно отстаивает интересы рабочих, защищал необходимость и неизбежность союза между меньшевиками, эсерами и буржуазией. Говорил он гладко и красноречиво, но речь свою ему не удалось закончить: рабочие прервали его криками: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Когда мужики получат землю?».

Еще трудней было следующему оратору — Авксентьеву: не успел он заговорить, как молодые рабочие хором запели нескончаемую песню:

День пройдет, настанет вечер,
Минет вечер, будет ночь,
Ночь пройдет, настанет утро,
Минет утро, будет день...

Молодежь пела, старшие хохотали, Авксентьев махал руками и пытался что-то сказать. Но вдруг от ворот раздался крик:

— Ленин приехал! Ленин! Ленин!..

Ленин быстро шел по двору среди расступающихся рабочих. Он был без кепки: снял ее и держал в руке. А кругом бушевало море приветствовавших его людей. Смолкло пение, исчез с трибуны эсеровский лидер, и голос Ленина явственно разнесся в наступившей внезапно тишине.

Как жалеют теперь старые путиловцы, что не записали каждое слово, сказанное тогда Лениным! Не восстановишь в памяти через сорок лет речь, произнесенную вождем пролетариата всего мира, не найдешь ее сейчас и в Собрании сочинений Ленина. Только скупой отчет, напечатанный тогда в газете «Солдатская Правда», только пересказ речи, сделанный неизвестным корреспондентом, сохранился в двадцать четвертом томе.

А речь эта тогда потрясла всех. Ленин говорил о самом главном — о взглядах большевиков на войну и мир, о союзе рабочих всех воюющих стран, о путях, которые ведут к этому союзу. Он говорил о земле, о передаче ее в руки крестьян, о хлебе, о продовольственных затруднениях, таких тяжелых для трудящихся, и о том, как могут быть эти затруднения разрешены. Каждое слово Ленина касалось самого главного, отвечало думам рабочих, совпадало с их желаниями и надеждами.

«Неизгладимое впечатление произвела на нас речь товарища Ленина,— вспоминает старый путиловец А. К. Мирошников.— Говорил он просто, понятно каждому».

«Мне, молодому рабочему, многое было неясно в той сложной обстановке, но я инстинктивно чувствовал, что в ленинских словах — настоящая рабочая правда, что он выражает кровные интересы рабочих и крестьян»,— так пишет еще один из тех, кто слышал речь Ленина, рабочий Путиловского завода А. К. Байков.

Двадцать тысяч путиловцев, собравшихся на митинг, хорошо поняли, кто выражает их кровные интересы. Забыты, отодвинуты в сторону организаторы митинга — меньшевики и эсеры. Рабочие приветствовали подлинного вождя революции, а когда митинг закончился, множество рук потянулось к Ленину. Бережно несут его на руках до автомобиля, стоящего у проходной, толпа выливается за ворота, окружает машину, и она медленно движется, сопровождаемая приветствиями, любящими взглядами...

Таким был Путиловский завод сорок лет назад — неприступным бастионом, верным сыном партии большевиков. И пусть изменилось имя завода: был Путиловский, потом «Красный Путиловец», сейчас Кировский, — но славные революционные традиции остались те же. Вернее, углубились и расширились, обогатившись множеством славных дел и славных дат, среди которых памятная дата двенадцатого мая тысяча девятьсот семнадцатого года.

О. М. Зардарян. ВЕСНА.

В. А. Серов,
В. Ф. Подковырин,
Д. В. Беляев.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА
НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ
12 МАЯ 1917 ГОДА.

Ж. К. Медзмариашвили. ЗАВТРА ПРАЗДНИК.

ЧЕЛОМБИТЬКО И ЛИХОДЕД

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

На хутор Бичовый не ходят автобусы, и я, как всегда, отправился за попутным транспортом на «пятачок».

«Пятачком» или еще «тремя богатырями» зовется у нас в городке бойчайшее место рядом с базаром. Тут, у развилки улиц, колхозные председатели, завхозы и экспедиторы оставляют автомобили, и сюда же невесть почему сходится деловая публика. Кооператоры, предвидя обилие клиентуры, поставили на «пятачке» три голубых ларька, похожих на ульи, в ларьках уселись вальяжные мужчины в белых передниках, кто-то окрестил их «тремя богатырями», и «пятачок» стал не то биржей, не то деловым клубом. У «богатырей», за стаканом мутноватого виноградного вина вершатся и полюбовные соглашения, и торг, и мена, и сюда же тянется продувной люд — «аккордники»-мастеровые: авось, мол, удастся сорвать у заезжего председателя выгодный подряд.

Но в послеобеденный тягостный час жаркого августовского дня у «богатырей» стояла лишь одна машина, неказистая до последней крайности. И без того непарадный «газик» — «козел» — был увенчан уродливым кузовом, снятым не то с довоенной «эмки», не то с трофейного лимузина. Ни один знакомый мне председатель не ездил в таком экипаже.

— Чья машина? — спросил я у дремлющего водителя.

Шофер встрепенулся. Был он немолод, сухощав и, видно, истомлен жарой. Обмахнув небритое широконосое лицо, потянулся, выпростал руку.

— Дай закурить, корешок... Чья машина? Дальняя. Челомбитьку слыхал? Его...

— Челомбитьку?! — Я, признаюсь, опешил, услыхав эту фамилию. Челомбитько был знаменитый председатель на юге. Какая нужда усадила его в такой автомобиль? — Того самого Челомбитька? Героя?

— Героя, — кивнул шофер, жадно затягиваясь. — Слухай, выручи, корешок! Сходи на базар за провизией. Хозяин мой преподобный подался коммерсовать, а я за сторожа. Машина полна подшипников, дверки не закрываются, с утра сижу балбес балбесом, не евши, не куривши.

Вид у «сторожа» и впрямь был страдальческий. Я отправился за провизией, и полчаса спустя мы сидели на скамеечке под акацией, обдуваемые палящим ветром. Степан Терентьевич — так звали водителя — ловко сдирал чешуйчатую шкурку с жирной тарани, кривым садовым ножом рассекал на дольки мясистые помидоры, и, по мере того как он насыщался, лицо его принимало спокойное выражение.

— Степан Терентьевич, — спросил я, все еще косясь на «газик», — что у вас за выезд? Колхоз богатейший, председатель — Герой, а ездите черт-те на чем...

— А тебе куда ехать? — в свою очередь, спросил он, прищурясь и словно прикидывая, стоит отвечать или нет. — Ах, в Бичовый? Подкинем! Антон явится, и подкинем! Это на Незамаевском шляху хутор? В балочке? Ну, как раз по дороге...

Я понял: шофер за день одиночества стосковался по разговорам и рад случайному собеседнику. А он смахнул с колен крошки, закурил и сказал:

— Был у нас, друже, выезд. Первейший! На «ЗИМе» катались, аж гай шумел! Кабы не одна бисова душа, думаешь, загорал бы я тут? Челомбитько-то стесняется подъезжать к конторам на этой «мухобойке», вот и бросает меня, а сам пеши ходит по городу. Обезножил нас растреклятый Лиходед!

— Какой Лиходед?

— Эх, корешок! — вздохнул он. — Тут если рассказать, что он над нами выкомаривает, этот распрочертов Трофим Лиходед, не поверишь! — махнул он рукой. — Никто не верит! Челомбитько-то Антон Федорович, он всему свету известный. А Лиходед? Да его за станицей и не знает никто. Подумаешь, фигура — колхозный механик, да еще и доморослый, из ковалей! Правда, есть у него еще должность — секретарь партбюро, но опять-таки для нашего Антона это — невысокое начальство. В большо-ой зараз силе Антон Челомбитько! Не то что в районе либо в крае, а и в Москве добре знают его, и думаю, кабы он на Лиходеда пожаловался, дали бы им развод по несходству характеров, уважили б Антону. А вот, представь, не жалуется. Терпит — и квит...

Степан Терентьевич отхлебнул из фляжки глоток теплой воды, поморщился, вскинул руку, посмотрел на часы.

— Вот-вот Антон явится, поедем... Глянешь на него — бочка... Расщедрилась природа: вогнала в него мяса на пятерых. Два пояса вместе сшивает, аж тогда подпоясывается! Но не квёлый — моторнейший... А Трофим тоже моторный, только на другой фасон: высоченнейший, одни мослы. Сядет, сложится, как плотницкий аршин, коленки до подбородка достают.

Ох, разномастны же, черти! В субботу едем в район, Антон и пытает: «А что, Трофим, кабы революция припоздала, что б с тобой было?!». «Как это припоздала? — не понимает Лиходед. — Не могла она припоздать! Все в свой срок». «Ну, допустим бы, припоздала. Либо она припоздала, либо ты годочков на двадцать раньше на свет явился — кем бы стал?» «Ну, что за пустые балачки! — сердится Лиходед. — Кем бы я стал? Ковал бы себе в кузне». «Э, нет, — говорит Антон. — Я про тебя другое думал: ты же прямой, как палка, у тебя что на уме, то и на языке, — сослали б тебя жандармы на каторгу за пропаганду». «А тебя б не сослали?» «А меня б не сослали, — смеется Челомбитько. — Я бы в купцы махнул». «Ну-ну, в купцы... С какого бы капиталу? Копался бы в земле». «Нет, — уверяет Антон, — не задержался бы я в середняках: не тот характер. Двинул бы в купцы. Хватило б хитрости нажить капитал. Лихой бы купец получился».

...Смекаешь, какие разговоры? Ну, не знаю, как бы там у Антона получилось с купечеством, — может, и доторговался бы до точки: он рисковый, — а вот из кулачества — это уже на моих глазах Трофим Лиходед его, как говорится, тепленьким достал.

Демобилизовались они в двадцать шестом году со срочной службы. Трофим в Батрачком — были тогда такие комитеты, обороняли нашего брата, — а Антон к батьке на хозяйство. А батько у него хотя и не бедствовал, а хозяиновать не умел. Антон и взял руководство. Мотнулся на Волгу, привез семян, глядим, горчицу сеет! Горчицу! У нас и понятия не было, как она растет. А он посеял, выходил, торганул — вот тебе и первые гроши. Ходит по станице, приценивается к маслобойке,

думает двух работников нанимать. А мужик сам собой не вредный, не жадный, но вот-вот из-за этой распроклятой единоличности мог бы из него получиться кулак...

Тут-то его Лиходед и перекантовал! Организовалась коммуна на хуторе, зовет его Трофим завхозом. Поступил Антон в коммуну, еще и батьку привел, захлопотал, старается. Мы не нарадуемся: нашли человеку место! А он год отслужил, сдает ключи: «Увольняйте, непривычен служить под начальством, — вот когда председатель запонадобится, тогда покличьте!» А председателем-то был Трофим на первых порах. Собралась ячейка, задумались: что делать? И Антона жалко терять: хозяинует он лучше Трофима. И кой у кого сомнение: куда он, Антон, заведет коммуну? Сам же сырой, непропеченный, еще и пуп не зарос после единоличности. Да и Трофима жаль обижать: он затевал коммуну. «Нет, — говорит Трофим, — на пользу дела давайте, хлопцы, рискнем! Хозяинует он лучше меня — и книги ему в руки! А завести он нас никуда не заведет: в случае чего, мы-то вот они, коммунисты. Станет выбрыкивать — стреножим!»

Так и сказал: «Стреножим»... И вот сколько лет минуло, а он... — Степан Терентьевич нагнулся, поднял с земли блеклый листок акации, зачем-то разгладил его на ладони, растер жесткими пальцами, вздохнул и, словно бы окончательно отвлекшись от того, что было когда-то, заговорил деловито: — Гляди, как дела разворачиваются... Сядут они посевы планавать. Антон рассуждает хозяйственно, чтоб легче колхозу гроши добыть. «Свеклу, — прикидывает, — урежем: возни с ней много; а бабам дадим другое занятие — веники! Посеем, хлопот с ними немного, а гроши верные! На Севере побывал мой гонец, там по пятерке за штуку платят». «Глупости, — противоречит Лиходед. — Кубанскую плодючую землю под веники?! Да нехай их тот сеет, у кого неудобия, а мы будем сахар гнать. Мало сахару!» «Да веник-то, если его на базаре продать, доходней?!» «Мало ли что?!» «Как это мало ли что?! Я хозяин, мне волю дали, я не одни веники, я еще и конопельку посею». «Еще глупей! — кричит Лиходед. — С Кубани пеньку гнать?! Позорище!». «Никакого позорища! За пеньку гроши дождем льются. Ты газеты читаешь? Под Курском, под Черниговом на чем колхозы богатеют? На этой же пеньке!». «Плохо ты газеты читаешь, — говорит Лиходед. — Там-то колхозы жили бедновато, на чем их можно было поднять? На пеньке! Государство и повысило на нее цену. Для первой поры повысило, чтобы в тех колхозах завязался жирок, — не навеки». «Да я-то могу тем попользоваться? Надо ловить момент!» «Ты свой лови! Сей кукурузу, перегоняй ее в мясо. Мясо — вот твой конек!» «А то мы не даем мяса! Полмиллиона карбованцев получил за свинину. Мало?» «Нет, то горький доход, — не соглашается Лиходед. — Горький!.. Гляди, почем свинина в магазине — разве ж то всем доступная цена? А почему она такая дорогая? Мало ее, свинины! Мало! С тебя, богача кубанского, вдесятеро надо спросить! Вдесятеро, да дешевой свинины, да еще яиц, да сахара. А ты вон на чем, на вытребеньках, на вениках, на ерунде, хочешь строить политику? Абы копейку добыть? Не дадим так плановать!..»

«Здравствуйте! — говорит Антон. — Ты в точности, как тот казак, что наставлял дочку-невесту: иди, мол, доченька, ищи жениха под свой вкус, только за чернявого не ходи, и за белявого не ходи, и за бедного не ходи, и за богатого не ходи, и за лысого не ходи, и за чубатого не ходи, а так иди, за кого душе угодно. Так и ты: проявляй, Антон, инициативу, только свеклу не режь, кукурузу не цепляй, пеньку не заводи, а в общем, полная тебе инициатива. Так?» «А ты хочешь распоясаться?»

Такие расхождения! Чуть Антон замахнется — Лиходед вдыбки! Задумал, допустим, Антон операцию. То-онко задумал, как тот стратег. Узнал, что на Дону жито уродило, снаряжает туда гонца: купи, мол, в колхозах жита, накинь лишний червонец на центнер против казенной цены и сдай то жито в госзакуп. Там сдай и квитанцию привези. А мы той квитанцией отчитаемся перед районом, а свою пшеничку перегоним на крупчатку-муку да отправим на комиссию к Балтийскому морю, там любят белые пироги. Комиссионная цена повыше закупочной, вот он и чистый барыш! Не-ет, далеко до барыша! Узнает Лиходед про ту стратегию и обрушит одним ударом: «Нельзя!» «Да ты пойми, — отбивается Челомбитько, — я-то хозяин?!» «Какой? — не уступает Лиходед. — Ты же не простой хозяин, ты же коммунист-хозяин, чертова голова! Коммунист! Не фермер американский! Тебя поставили народу служить, так служи, не переводи шило на мыло. Гони то, что нужно народу, а не прицеливайся, как бы с народа лишнее содрать!» «А цены? — не сдается Челомбитько. — Цены-то у нас разные! Вон их сколько: заготовительная, закупочная, комиссионная, базарная! Да и то не все! Есть же еще цены по разным местностям: где уродило — дешевка, где не уродило — дороговизна. Страна-то вон какая! Должен я по ней маневрировать продуктом?» «То-то, — сердится Трофим, — и лихо, что у нас пока разноценье, то-то тебя и шатает. Была б ясная цена, ты б, друже, не выбрыкивал, а строил маневр на одном — на земле! Земля — вот твоя позиция, на ней и бейся! Гони с нее больше мяса — на том и богатей!» Так и цапаются! День ездим по степи — день и цапаются. И, понимаешь, пока я Лиходеда слухаю, вроде он правый, а заговорит Антон, и он вроде не виноват...

И чем же оно кончается, корешок? А тем и кончается... Погорюет наш Антон, что не получилась его стратегия, помянет всех Трофимовых родичей, и бога, и черта, и малых чертенят, а потом и скажет: «Ну, что ж, Трофим, мясо так мясо!» И как врежутся в дела! А насчет этого они один в одного: переимчивые, ревнючие. Ночь спокойно не переспят, когда знают, что у другого хозяина какая-то штука устроена лучше, чем у нас. Вычитают в газете, допустим, про самокормушки и в тот же миг заходятся: слесарей — на ноги, плотников — на ноги! Пока в районе резолюцию пишут про те самокормушки, а у нас они готовенькие, — приезжайте опыт снимать!..

И все-таки горе с этим Трофимом! Кабы не он, кто б еще Челомбитьке докучал? Начальство хвалит: самый миллионеристый миллионер в районе, да и в крае вряд ли кто с ним доходом померяется. Колхозники? Что ж, и колхозникам вроде совестно обижаться: никто в районе щедрей нас не платит на трудодни. Нет же, срамит его Трофим на каждом шагу! Только задумает Антон покрасоваться перед начальством, Трофим тут как тут! Затеяли они с Трофимом образцово-показательный лагерь на свиноферме. По дешевке, с расчетцем сделали, но и с шиком! Водопровод подтянули, поставили души, лежат наши свинюшки, нежатся, а вода на них сверху льется. Культура? Звонит Антон в край, докладывает начальству, вызывает фотографов, Лиходеду наказывает: «Ты встретишь гостей, а я буду в лагере вас дожидаться». Дождался! Лиходед вроде бы маршрут попутал — попали гости в самую дальнюю, забытую богом бригаду. А там у нас не табор, а курятник, трактористы по неделям не умываются, а по нужде в подсолнухи командируются: нет отхожего места. Ахнуло начальство и на свинячий душ не захотело глядеть!

Антон чуть не плакал потом. «Да что ж ты, — говорит, — изголяешься надо мной, Трофим Иванович? За что срамишь?» «Не задавайся! Свинячий душ устроили, так ты его начальству показываешь, а то, что в станице бани для людей нет, — про то начальство не должно знать?» «То дело казенное, — отбивается Челомбитько. — Нехай баню строит район!» «Да люди-то наши!» «Так, может, нам и школу строить?» «А почему же нет? Как сгорела школа в войну, так и стоит скелет скелетом, а ребятишки в другую школу в две смены бегают, а хуторские мальцы и вовсе без школы — в станице учатся, а живут по родичам, кормятся всухомятку, нет общежития. А еще называемся «передовой колхоз»!» «Правильно называемся! — доказывает Челомбитько. — Доход высокий, трудодень богатый».

Так разве Трофиму докажешь? Подговорил коммунистов, собрали собрание — и вот тебе Антон, сердяга, строит и школу, и общее житье, и баню, и табор в той самой бригаде, куда Трофим гостей возил... Кривится, сердится, ругается на чем свет, а строит!

Степан Терентьевич примолк, долго сидел, потупившись, потом спросил, усмехнувшись:

— Что, браток, чудные у нас дела? Оно никто не верит... Челомбитько-то, он вовсе не мягкого характера. Высо-окие начальники брались над ним командовать — отшибал в два удара. А с Лиходедом осечка за осечкой... — Он закурил, изогнул папиросу так, как это делают с козьими ножками, и продолжал: — Тут у них, видишь, давняя спайка. Думаю, с нее пошло. Тридцать второй год, помнишь, какой был у нас на Кубани? Недородный, сердитый... Мы-то заготовки выполнили, еще и на трудодни хлеб оставили, а район и край провалились, и вот тебе налетает уполномоченный, дает команду: «Вывозите все, до зерна!» «Ладно, — говорит Антон, — вывезу!» А сам уполномоченного проводил — и к амбарам! Раздал весь хлеб и в закромах велел подмести. Ну, наутречко его, понятная вещь, на бюро, с бюро под арест — суд, приговор... Мы видим: невинно осудили человека. А что попишешь? Обстановочка! Район накален. «А! — скажут. — Саботажника обороняешь?» И тебе же наведут решку. А Трофим, надо правду сказать, не из пугливых. Кинулся в район — там не добился, на поезд — и к Калинину. Выручил Антона! С того случая, полагаю, и пасует Антон перед Лиходедом.

А я бы не пасовал! Мало ли что его Трофим выручил! Да он и меня спасал... В сорок втором году, при отступлении, как настигли нас самолеты да как шарахнули бомбами, — я копырнулся без памяти. Лиходед меня, контуженного, до самой Кубани нес. Кабы не он, была б Степану Кравцу вечная память. Ну, и что же из того следует? Благодарен я ему по гроб жизни, и чарочку я ему всегда, пожалуйста, налью за спасение души. Но чтоб подчиняться?! Да ему подчинись — он тебя и

командирует к коммунизму походным порядком, с полной выкладкой, и перекурить не даст!

Был коммунар, таким и сохраняется, хоть ты его под стекло клади! Когда коммуны на артельный устав переходили, знаешь, как он расстроился! В Москву ездил, добивался: «Оставьте хоть десяток коммун для пробы». А вернулся — усадьбы не взял. Жинка-то у него под пару, из делегаток. Волосы седые, а она, знай, их в кружок стрижет и красным платком повязывается. Так и прожили без усадьбы. Из принципа! И на людей так смотрят. Это им нож острый, если коммунист насчет своего хозяйства нажимает. Лишнюю свинку купишь либо яблоки двинешь на дальний рынок — уже Лиходед косится: как, мол, Степан, не заплывешь салом? Устаревшие люди!

Этой весной поехал я в Ростов за резиной. И он пристроился — вроде бы по своим делам. Ну, думаю, веселей будет: компания есть. Повеселился! Начисто он мне расстроил свадьбу. Только я пристроюсь до клиента с резиной, а Лиходед к нему приступается: где взял покрышки? У кого украл? Распугал мою клиентуру, а одного нашего знакомца в милицию отвел. «Погоди, — говорю, — Трофим Иванович, я же функцию свою не исполню». «А ты, — пытает, — Ленина читал?» «Та при чем тут чтение? То ж, как бы сказать, теория, а нам же практически надо достать резину: машины стоят». «Нет, все-таки читал?» «Не читал, — говорю, — Трофим Иванович, а изучал. Пять лет в кружок ходил, учили про «друзей народа». «Оно, — говорит, — и видно, что на «друзьях» пошабашили». Всю дорогу он мне мораль читал, а дома Челомбитько добавил: не заплатил суточных! «Знай, — говорит, — «друг народа», кого в попутчики брать!..»

Но то пустое — суточные... Сам-то Челомбитько тыщами пострадал — вот кого жаль!

«ЗИМ» приглянулся нам прошлым летом, и загорелась у Антона душа! Бывает же: мужик самостоятельный, хозяин, а дай ему цацку! Но почему же и не дать, скажи, пожалуйста? Что для нас, миллионеров, сорок тысяч? Или он не заслужил? Да ты б поглядел, как он служит! Сам Лиходед — да-да, Лиходед — знаешь, как его перед районом расписывал? Случилось тут у нас поветрие — ставить председателями одних дипломных агрономов. Антона и хотели потеснить. Как тут Лиходед взвился! Ишь, мол, что задумали: такими людьми бросаться! Райкомовцы ушам и глазам не верят: «Да ты ли это говоришь, товарищ Лиходед? Ты же Челомбитьку напропалую ругал». «А то наше внутреннее дело!» «Да он же загибает!» «А вы хотели, чтоб в колхозах одни чистые ангелы служили? Чтоб ангелы, да еще одной масти, с одной колодки? Да у всякого-то человека свой нрав! На то мы и живем в станицах, на то и поставлены, чтобы этих разнонравных да разномастных по одной дорожке вести, не давать им в сторону уклоняться. А ка-ак же! Загибает? На его загибы у нас глаза и руки есть. Научим! Поправим! А вы к нему в середку загляньте: чего там больше — загибов либо чего другого, хорошего...»

Вот так Лиходед высказался! Ве-ерно насчет Антоновой середки... Я б советовал еще и докторам туда заглянуть: что там у Антона за дизель? Центнер же весу в человеке, и годы не маленькие, и водку пьет, и в смысле женского пола не монах, и, считай, почти тридцать лет под боем, под выговорами, и без отпусков, без выходных, без праздников — а ни черта пощады не просит! Спровадили мы его на курорт. Со скандалом отправили в Сочи, а две недели минуло времени — он из Архангельска телеграмму бьет: переводите деньги за двадцать вагонов леса! Мы бумаге не доверяем: как он в Архангельске очутился? Моря с пьяных глаз перепутал: вместо Черного на Белое попал? Нет, оказывается, не перепутал! Один раз в Черном море выкупался, трое суток в санатории перестрадал и махнул своей волей на лесозаготовки, провел коммерцию!

Так же и в праздники. Гуляет вместе со всеми и пьет — никому не уступает, в третьем часу ночи домой отправится, а в шестом часу, как огурчик, выбритый, свежий, веселый, уже стучится ко мне: «Полетели, Степан!» Летим... По холодку, по росе. Где-то бригадира догоним, Антон погрозит ему: «Поспешай, Роман, поспешай... У Марфушки зоревал? У Феклушки? Я т-тебя!» Где-то на таборе кухарочку побудим, Антон за ее подбородок подержится: «Я тебе, Христя, петуха привезу!» «Та лучше курочку, Антон Федорович! Курочка слаще». «Нет, пивня, — пообещает Антон, — горластого! Чтоб будил!» «Та за вами же и пивень не управится! Это ж немыслимо: когда вы спите?» Немыслимо! В девятом часу другой председатель еще только в степь собирается, а мы уже вертаемся: все облетели, все команды подали, еще и людей подвеселили. Так что ж, скажи, за такую моторность не стоит он благодарности? Слабинку его нельзя уважить?

Нет, насчет слабинки Лиходед ни в какую! «Еще, — шумит, — князья выискались! Колхозники пешой ходят в степь, а вам «ЗИМ»? Что, у вас от «мухобойки» мозоли на благородном месте? С чего роскошествуете?» Дурацкий разговор! Всем колхозникам по «ЗИМу» не купишь, а голове-то можно! Я не стерпел. Год мы кончали хорошо, люди руководством довольны, подготовил я дружков, крикнули на собрании: «Купить «ЗИМ» Антону Федоровичу!» Голоснули на «ура», Трофим с носом остался, а я в Москву. Пригнал раскрасавицу! Думаешь, долго поездили? Эге! Лиходед такое отколол, что Антон Федорович, бедолага, не то что без «ЗИМа», а без малого в одних подштанниках не остался.

Как раз он хату ставил тем летом. То-оже Трофим не советовал. «Зря, — говорит, — Антон, затеваешь постройку. Что тебе, жить негде? Есть справный домок — и достаточно. К чему от людей отделяться?» Оно и верно, был у Антона приличный домок, да и семейство-то у него: он, баба и старуха — хватало площади. Но надо ж Антона знать! Ему питьесть не давай — дозволь королем пройтись перед народом. И пострадал же за то: красовался перед дивчатами, объезжал неука-жеребца, да зазевался, а жеребец не промах — враз обезручил его! Отхватил кисть под самое запястье, так и ходит Антон с деревяшкой на левой руке, без войны инвалид; только и утешение — стучать по столу способней.

А тут возвысился, в славу вошел — дай ему особую хату! Съездил куда-то, погостевал у знакомца председателя, говорит мне: «Ну, Степа, думаю я всех председателей перешибить. Какими хозяйствами командуют, а живут, скупердяги, без всякой культуры. Надо научить». Я не против, пожалуйста, ты своим грошам господин! А грошей, скажу, было у него порядочно. Хоть и не жадюга, но своего не упускал. Еще до укрупнения назначили ему премии за всякий сверхплановый процент, ну, а как укрупнились, продуктов-то побо́лело — и премиальный процент, знаешь, как подскочил! За все брал премии. Бадылку подсолнечную на золу пережгут — и за то ему награда! Долго его Трофим отговаривал. «Подумай, — говорит, — что станица скажет. Вдовы-то еще кой-какие по трое в одной хате живут, теснота, яслей хороших нет в станице, не рано тебе дворец заводить?» Но тут и Челомбитько не уступал. «Мои гроши — что хочу, то и строю! Мне их тысячи в могилу не уносить». Но Лиходеда разве переговоришь? «Гроши тебе мешают? Много их? Так облегчись! Попроси собрание — уважат, скостят тебе жалованье...»

Не послухал Антон, затеял постройку. Чертеж выписал. Дом фасонистый: восемь комнат, службы при нем, котел паровой, ограда каменная. Дворец не дворец, ну и похожего я в станицах не видал. Картинка! Привез из города мастеров, машины нанял, назначает на Октябрьскую новоселье.

А под покров... ну да, под покров, помню, в субботу, и вышло это происшествие. Привез Лиходед гостей. Мы-то и раньше их дожидали. Гости дальние, из Китая, а стажировались по соседству, в совхозе, и Антон все собирался за ними, да шла уборка, было не до того. А Лиходед мотнулся, привез. Двое их было. По обличью вроде студенты: моложавенькие, стрункие, в парусиновых кителях, в кепочках, — но оказалось, не студенты, а такие же председатели, как Антон, и не молодые совсем, а просто от рождения подбористые. Переводчика с ними не было, сами объяснялись, хотя и спотыкались, по правде сказать. Приезжаем на ток, они и пытают: «Ток?» «Ток, — говорю, — дружки. Верно сказано». «А там? — на провода показывают. — И там ток?» «И там, — объясняю, — ток. И еще есть ток, где стрепета весной бьются». «О!» — качают головами: много, мол, у вас токов... Не легко им доставался язык.

Антон их по хозяйству водил. Заворожил! Блеснул достижениями! Ну, оно и было чем блеснуть! И обедать к себе позвал. Водочку выставил, красное вино, но китайцы, видно, не охотники насчет питья: пригубили — и конечно, и нам волей-неволей пришлось той же нормой причащаться. Разговоры пошли. То они распытывали, а тут Лиходед завладел беседой.

Я сперва не разобрал, куда он гнет. Беседуем обыкновенно, про жизнь, китайцы поясняют, что дела у них только распочинаются, машин еще недохватка, того, сего, а Трофим кидает и кидает вопросы. Да как, мол, у вас с тем, с другим, с продовольствием, с житьем, да как вы сами, председатели, руководящая часть?.. «А что ж, — старший говорит, — и мы, как все! Раз народу трудненько, и нам той же мерой! Мы-то коммунисты! С людьми живем!» И рассказывает, были они в Москве, бачили в Кремле квартиру Владимира Ильича, — вот так, мол, надо себя содержать...

Потом я его спрашивал, Трофима: чи оно было подстроено, чи само собой сошлось? Клянется и божится: само собой. Но я-таки думаю, он подстроил! Ты ж глянь: только они поговорили про Ильичеву квартиру, вот тебе Трофим поднимается и зовет гостей в клуб. И ведет их прямесенько мимо новой Антоновой хаты, а она же фасонистая, так свежей краской и горит! Остановились китайцы, да тут и любой бы остановился: кругом хаты как хаты, кубанские, под камышом, а она, раскрасавица, заморского образца, еще и крыша крутая, острая. Остановились, переглянулись, спрашивают: «Что это?»

Ох, подвел, сатанячий Трофим! Челомбитько стоит на виду у всех, пот с него ручьем льется, а кругом же народ! Соседи подошли, бабы, ребятишки сбежались... Что сказать? «А это, — говорит, — товарищи гости, как бы вам понятнее объяснить... Это в общем и целом...» Тут и ввязывается, ему на беду, Наташка Зинченкова, веселая такая вдовушка, язык, как помело. Ввязывается и от всей своей веселой души хочет пособить Челомбитьке: «Твоя же хата, Антон Федорович! Твоя! Так и скажи гостям, пусть полюбуются, как ты у нас забогател». Что тут с Антоном делается! Как вызверился, как заходился бабу чертить: «Ах, чертова цокотуха, тебя пытают?.. Извините, товарищи гости, не воспитали мы бабу... А это в общем и целом строение...» «Ясли», — тихонько подсказывает Лиходед. «Ну, ясная вещь, ясли! Я же так и хотел сказать... Жара клятая разморила... Ясли для ребятишек!»

В один миг распрощался с домом. Уже потом мы подсчитали: в шестьдесят тысяч ему обошлась Наташкина подмога. Не будь этой чертячей бабы, может, и выкрутился б Антон... Почему в шестьдесят тысяч? Да он же грошей не взял с колхоза! Форсун отчаянный. Как закусил, так и понесся! Видно, рассчитывал: хоть хаты лишусь, зато слава по краю прокатится...

— А при чем тут «ЗИМ»? — спросил я.

— Все одной веревочкой связано. Как китайцы уехали, разонравился «ЗИМ» Челомбитьке: и что это, мол, за карета — по стерне на ней не поедешь, грязи боится, едем с поля — нельзя баб подвезти, ковер запачкают. Давай ее, Степа, продадим! Отбили мы объявление в газете, наехали купцы — председатели, — ходят вокруг «ЗИМа», облизываются, а брать не берут! Подозрительно им: почему это сам Челомбитько — известнейший человек, богатей и задавака, — почему это он такую нарядную машину продает? Антон их всячески оплетал: и доктора, видишь, ему запретили ездить на мягком, и пятое, и десятое... Боятся! Походят, походят и прощаются: нет, мол, извини, Антон Федорович, раз уж ты продаешь, — значит, какой-то вред от этой машины, ну ее к бисовому батьке... Антон и цену сбавлял и купцов подпаивал и аж тогда продал, когда спустился к нам с гор какой-то смельчак, молча отсчитал гроши и угнал «ЗИМ». А Антон на радостях выпил добре и пересел на «мухобойку». Заметь, и «Победу» не стал покупать! Тоже форс особого рода. Все председатели на «Победах», а он один на «мухобойке». Демократ, глядите на него! Ему краса, а мне мучение... И Лиходед за меня не вступится. «Ничего, ничего, — говорит, — пока мяса вдесятеро не дадим и школу с интернатом не построим, вот это самая разлюбезная под вас машина!»

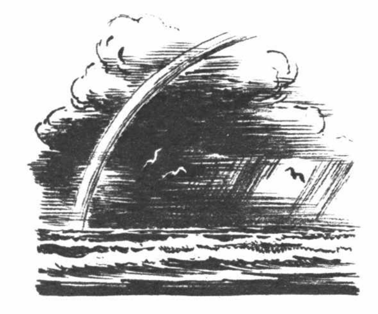
Степан Терентьевич осуждающе глянул на «мухобойку», сплюнул и добавил, вздохнув:

— Вот такое, браток, вытворяет этот Трофим, так он Челомбитька воспитывает... Что Антон? Да когда указ объявили насчет Героя, ему б, Антону, радоваться, а он в райком полетел. Выходит оттуда краснее красного, злой, распаленный. Я понять ничего не могу, а он: «Знаешь, Степа, Лиходеда-то не наградили!» «Ну, что ж, — говорю, — Антон Федорович, значит, не заслужил он. Сверху видней». «Дурак ты, — говорит, — Степа, и уши твои холодные. «Сверху видней»! Да сверху-то как раз одного меня и заметно! Откуда ж наверху будут знать, кто тут надо мной руководствует да мозги мне вправляет? То райком должен был представить, а в райкоме, видишь, новые люди — им дай показатели! А какие у Трофима показатели? Он не доярка, его литрами не взвесишь. А я, кабы это дозволялось, ей-богу, свою б награду переполовинил. Звезду, так уж тому и быть, себе б оставил, а орден Ленина ему, Трофиму, отдал...»

Степан Терентьевич покачал головой, не то удивляясь нежданной щедрости Челомбитька, не то осуждая его. Потом долго смотрел в разлет улицы. Там, цепляя за полыхающие провода, медленно катилось на покой пыльное солнце...

— Нет, видно, не дождемся Антона, — сказал он наконец. — Извини, браток, придется тебе шукать других попутчиков.

Мы простились, а через полчаса к «пятачку» подкатил попутный грузовичок и, громыхая, увез меня на хутор Бичовый...

СТИХИ С. МАРШАКА

РАДУГА-ДУГА

Солнце вешнее с дождем
Строят радугу вдвоем —
Семицветный полукруг
Из семи широких дуг.

Радужная арка
Запылала ярко,
Разукрасила траву,
Расцветила синеву.

Блещет радуга-дуга.
Сквозь нее видны луга.
А за самым дальним лугом —
Поле, вспаханное плугом.

А за полем сквозь туман —
Только море-океан,
Только море голубое
С белой пеною прибоя.

Вот из радужных ворот
К нам выходит хоровод,
Выбегает из-под арки,
Всей земле несет подарки.

И чего-чего здесь нет!
Первый лист и первый цвет,
Первый гриб и первый гром,
Дождь, блеснувший серебром,
Дни растущие, а ночи —
Что ни сутки, то короче.

Эй, ребята, поскорей
Выходите из дверей
На поля, в леса и парки
Получать свои подарки!

Поскорей, поскорей
Выбегай из дверей
По траве босиком,
Прямо в небо пешком.
Ладушки!
Ладушки!
По радуге,
По радужке,
По цветной
Дуге
На одной
Ноге,
Вниз по радуге верхом —
И на землю кувырком!

ЛЕДОХОД

Лед идет, лед идет!
Вереницей длинной
Третьи сутки напролет
Проплывают льдины.

Льдины движутся гурьбой
В страхе и в тревоге,
Будто стадо на убой
Гонят по дороге.

Синий лед, зеленый лед,
Серый, желтоватый,
К верной гибели идет —
Нет ему возврата!

Кое-где на льду навоз
И следы полозьев.
Чьи-то санки лед унес,
Крепко приморозив.

Льдина льдину гонит в путь,
Ударяет в спину.
Не давая отдохнуть,
Льдина вертит льдину.

А ведь этой глыбой льда,
Толстой, неуклюжей,
Стала вольная вода,
Скованная стужей.

Пусть же тает старый лед,
Грязный и холодный,
Пусть умрет и оживет
В шири полноводной.

«Пекин», «Украина» и другие

Подсчитано, что на площадь трех вокзалов — Комсомольскую — ежедневно прибывает сто тысяч пассажиров дальних и пригородных поездов. А ведь в Москве девять железнодорожных вокзалов, два вокзала речных и несколько аэропортов!

Много людей, приезжающих в столицу, направляется в гостиницы. Но получить там номер не так просто. И хотя за последние годы в городе появилось несколько новых комфортабельных гостиниц, а в районе ВСХВ создан целый гостиничный городок, потребности всех приезжающих удовлетворить очень трудно. Надо еще строить и строить!

...Площадь Маяковского. У подъезда семиэтажного здания, которое до последнего времени было занято ведомственным общежитием и учреждениями, после реконструкции появилась вывеска: «Гостиница «Пекин». Уютны и приветливы ее комнаты, салоны, холлы.

Скоро здесь откроется ресторан в китайском стиле. В главном зале два ряда красных колонн, голубоватый потолок. За эстрадой видна чудесная панорама китайской столицы. Материалы, послужившие для оформления ресторана, в том числе особо стойкие лаки и краски, доставлены из Китая; работами руководят искусные китайские мастера. Кафе, занимающее верхние этажи угловой части дома, представляет собой двухъярусный стеклянный фонарь. К нему примыкают летние террасы, откуда открывается красивый вид на центральные магистрали.

359 номеров «Пекина» уже обжиты постояльцами, в том числе командированными и туристами из Китая.

В мае закончатся работы в 1 026 номерах гостиницы «Украина», неподалеку от Киевского вокзала. Идут отделочные работы на всех двадцати восьми этажах.

Здесь расположены различные номера. Но все они, будь то скромная комната или устланный коврами трехкомнатный «люкс», состоящий из гостиной, кабинета и спальни, одинаково удобны. В каждом маленьком номере есть прихожая, туалетная, ванная, телефон.

При гостинице ресторан, кафетерий, два кафе, шестнадцать буфетов.

«Украина» имеет свою телефонную станцию и радиостудию, во многих номерах установлены телевизоры. Кроме того, есть собственные пошивочные и ремонтные мастерские, парикмахерские. Белье из номеров будет поступать в прачечную по специальному бельепроводу.

«Украина» вступит в эксплуатацию накануне VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Чуть позже будет готова гостиница на Петровских линиях, некогда именовавшаяся «Элит». В течение многих лет после Октябрьской революции ее занимали постоянные жильцы. Теперь они переселены в благоустроенные дома юго-западного района, а здание перестраивается под гостиницу. Но название у нее теперь будет иное — «Аврора». Затем наступит очередь «Ново-Московской», также в свое время превращенной в обычный жилой дом.

По количеству номеров «Украина» вдвое больше широко известной гостиницы «Москва». Она самая вместительная в столице. Однако это ее преимущество временно: в Зарядье будет построена гостиница на 2 700 номеров. Проект гостиничного комплекса включает и ресторан на 600 мест, и кафе на 300 мест, и двухзальный кинотеатр, и театр с залом на 3 тысячи зрителей. Главным своим фасадом гостиница будет обращена к Москворецкой набережной.

В конце текущего года начнутся строительные работы.

Б. ВЛАДИМИРОВ

Проект гостиницы в Зарядье.

У колыбели «Искры»...

Дитрих ШМИДТ, немецкий журналист

Открытие музея «Искры» 5 мая 1956 года. На торжестве присутствовало около десяти тысяч жителей Лейпцига.

Мы едем на окраину Лейпцига. Миновав павильоны промышленной ярмарки и памятник Битвы народов, сразу попадаем в атмосферу почти сельского покоя. Среди садов прячутся низенькие, старенькие домики; все здесь сохранилось таким, как в те времена, когда Пропстхейда была еще не частью Лейпцига, а лишь пригородной деревушкой...

На одной из уличных табличек читаем надпись: «Руссенштрассе» («Русская улица»), а над ней указатель: «К ленинским памятным местам».

Домик, выбеленный известкой, с плоской крышей. Он невзрачен. Но сколько он будит волнующих чувств и воспоминаний!

За этими скромными окнами впервые увидели свет печатные листы ленинской «Искры». Укромное место, тщательно скрытое от глаз шпиков, оно было известно только немногим русским и немецким товарищам...

В наши дни здание первой типографии «Искры» пришлось разыскивать долго и упорно. Известно было одно: оно находилось в Лейпциге. Первый след обнаружился после того, как один ветеран рабочего движения, 82-летний старик, вспомнил, что когда-то в небольшой типографии, владельцами которой были два социал-демократа, Рау и Поле, печаталась нелегальная газета русских социал-демократов.

От старика следы повели к еще здравствующей дочери Германа Рау и ее мужу, который в ту отдаленную пору был учеником в этой типографии. Они помогли установить, что нелегальной газетой была «Искра», которую в период между сентябрем 1900 года и маем 1901 года набирали и печатали в типографии Рау и Поле.

Трудно вообразить себе радость товарищей, когда столько лет спустя они нашли помещение типографии почти в полной сохранности!

Воспоминания очевидцев и мебель, частично обнаруженная у наследников Германа Рау, помогли в точности восстановить всю обстановку типографии «Искры».

5 мая 1956 года она была открыта для посетителей. С тех пор здесь побывали тысячи немцев. В книге записей музея можно найти также имена греков, норвежцев, поляков, болгар, китайцев, корейцев, алжирцев и представителей других народов.

В специально построенном светлом выставочном зале посетитель может по фотографиям, диаграммам и документам проследить героический путь, пройденный «Искрой» с того времени, когда она только создавалась Лениным, и до II съезда РСДРП.

Ленин, из Мюнхена руководивший созданием газеты, настаивал на том, чтобы типография находилась в другом городе: он рассчитывал сбить со следа кайзеровскую полицию, работавшую в тесном контакте с царской охранкой. Кроме того, Лейпциг был особенно подходящим городом для издания «Искры»: там печаталась на русском языке библия и относительно легко было раздобыть русские шрифты. Расчеты эти оправдались. Полицейским ищейкам ни разу не пришло в голову, что в незаметной, маленькой типографии в Пропстхейде совершаются «крамольные дела».

С портретов смотрят на нас два товарища, которых связала требовавшая много мужества нелегальная работа,— активный деятель германской социал-демократии Герман Рау и русский социал-демократ Иосиф Блюменфельд, наборщик «Искры». Мы узнаем из экспонатов музея, с какой изобретательностью русские и немецкие товарищи наладили сеть связей для транспортировки нелегальной печати. Статья из «Лейпцигер Фольксцейтунг», относящаяся к 1904 году, напоминает об известном кенигсбергском процессе, на котором обвинялся в государственной измене ряд немецких социалистов, организовавших провоз в Россию нелегальной литературы.

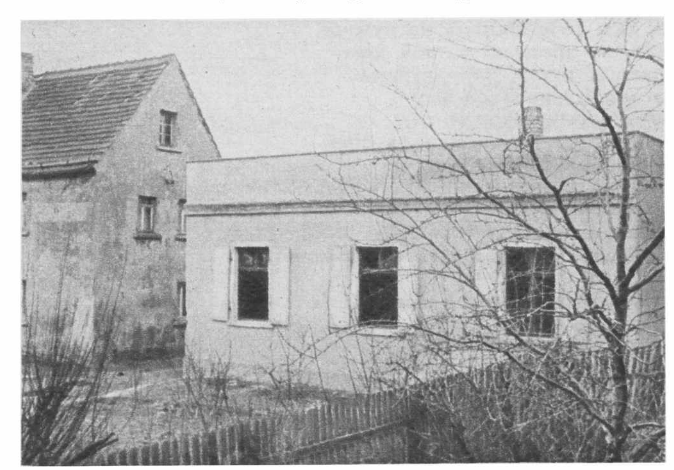
Через узкую дверь проходим в типографию. На стенах — портреты Бебеля, Вильгельма Либкнехта. Три наборных реала с немецким и русским шрифтами, пресс для оттисков, старомодный письменный стол. Две керосиновые лампы когда-то давали работавшим здесь свой скудный свет. На столе и реалах — оттиск страницы «Искры», революционные листовки. Сквозь застекленное окно мы видим за перегородкой плоскопечатную машину. Это не та типографская машина, с которой Блюменфельд и Рау снимали сырые от краски листы «Искры», но она точно того же типа.

Издание «Искры» было делом бесконечно утомительным. Русского шрифта хватало лишь на то, чтобы набрать две страницы газеты. Требовались недели кропотливого труда, чтобы номер «Искры» мог быть изготовлен и двинулся в свой сложный путь за пределы Германии в чемоданах с двойным дном, окольными путями.

В декабре 1900 года Ленин лично приехал в Лейпциг, чтобы окончательно отредактировать первый номер «Искры» и придать ему надлежащее оформление...

Выходим из музея и еще раз бросаем взгляд на мемориальную доску с барельефом Ленина, укрепленную перед домом.

«Из искры возгорится пламя»... Пять с лишним десятков лет назад эти полные революционного оптимизма слова маленькая типография в Пропстхейде перенесла на нелегально доставленную в нее бумагу. Сейчас идеи Ленина воплощены в могучей мировой системе социализма, шествующей от победы к победе.

Наружный вид домика, в котором находилась типография Рау и Поле.

Лирика

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

НА ДОНУ

От облаков, от солнца стала
Волна реки чуть-чуть светлей.
Еще в ней есть и блеск металла
И хмурость предвесенних дней.

Последний лед ушел в низовье.
На берег высыпал народ...
И бредят девушки любовью,
Той, что нечаянно придет.

Нет парусника в отдаленье,
Рыбачьих шхун и грузных барж.
Но я своим воображеньем
Дорисовал донской пейзаж.

Шумят на побережье клены,
В привычный рейс идут суда,
И стала сказочно зеленой
На редкость чистая вода.

Любуюсь выдуманным видом.
Мигают бакенов огни...
Ведь мы и будущее видим
Через сегодняшние дни.

АПРЕЛЬ

Память вычеркнуть не хочет
Тот единственный апрель,
Синеву короткой ночи,
Лепестковую метель;
Ту тропинку, по которой
До конца мы не дошли,
Но всю жизнь для встречи скорой
Наши чувства берегли;
Ту ограду, где стояли,
Обо всем забыв, с тобой;
Те светлеющие дали,
Перемешанные с тьмой...

Видно, прелесть тех мгновений,
Тех часов была для нас
В полуверности сомнений,
В неразгаданности глаз,
В грустной песне соловьиной,
Что замолкла за рекой,
Что была наполовину
Лишь пропета ночью той,
В недосказанности слова,
В нерастраченности ласк...
Волшебства потом такого
Больше не было у нас.

Ростов-на-Дону.

Донецкие горы

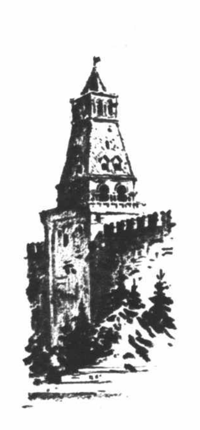
Александр КРАВЦОВ

Совсем незаметны донецкие горы,
Но каждой горы я запомнил названье:
Бесстрашная,
Грозная,
Красные зори,
Гора Незабудка,
Гора Партизанья.

И я в географии рыться не буду:
Там гор этих маленьких нет и в помине.
Им дали названье железные люди,
Когда оглашались сраженьем долины.

С Памиром, с Кавказом я вовсе не в ссоре,
Люблю высоте удивляться их птичьей.
Но кажутся ниже великие горы
Пред этим, почти человечьим величьем.

Харьков.

Дороги

Алексей МАРКОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

МОСКВА

Когда от сутолоки шумной,
От мелких ссор, обид, тоски
Вдруг, поступивши очень умно,
Ты уезжаешь из Москвы,
Взгляни, как радугой Блаженный
Переливается в лучах,
Взгляни на зубчатые стены,
Хранящие священный прах,
Взгляни на улочки кривые,
Старинные особняки,—
В них дремлет прошлое России...
Взгляни на блеск Москвы-реки,
На опрокинутое небо,
Высотных зданий острия...
Коль промолчит душа твоя,
Так, значит, ты и русским не был.

* * *

Я ведь тоже, как ты, сибиряк.
Ко всему на земле я приучен.
Лютой стужей лужён я не зря,
Я — живучего корня, живучий...
Нам души неоглядная ширь
По наследству досталась навеки.
Неизбывная силой Сибирь
В каждом русском живет человеке.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Нас никто не неволил,
Выбирали мы сами
Беспокойную долю
И горячее знамя.
Мы Владимирским шляхом
В рудники уходили...
И бинты из рубахи
После боя кроили.
Мы делились осьмушкой
И окурком по кругу.
Мы в холодных теплушках
Согревали друг друга.
Гибли в топках и штольнях,
Становились под пули,
Но к дорогам окольным
Мы с прямых не свернули.
Нас никто не принудил
Заслонять амбразуру.
Уж такие мы люди —
Не трясемся за шкуру.
Если надо, так надо,—
В пламя ринемся смело,
Примем смерть, как награду
За рабочее дело.

ШОЛОХОВ

Я помню, в Вене русских, нас,
В солдатских сапогах тяжелых
Вдруг окружили в ранний час
Австрийки стайкою веселой.
Не знаю, в пансион какой
Шли девушки. В руках портфели...
И вот они наперебой
Заговорили, как запели:
— Где Шолохо́в? Он жив? Здоров?
(И ударение сместили.)
Когда же не хватило слов,
В ход жесты, мимику пустили.
Мол, силу, красоту земли,
Судьбу нелегкую России,
Пути, которыми вы шли,
Узнали от него впервые.

А я, друзья, ведь с ним знаком,
С его отцовскими глазами.
Не раз сердитым табаком
Дымил он, сидя рядом с нами.
Как не гордиться тем, что я
Рожден одною с ним Отчизной
И что случилось — жизнь моя
С его соприкоснулась жизнью!

КУМА-РЕКА

— Кума-река, родная, здравствуй!
Ты все такая ж, как была!
Тебя я вспоминаю часто,
Куда б судьба ни занесла.

Видал я реки покрупнее,
Ты перед ними так мала!
Но нету той реки роднее,
Что колыбелью нам была...

Здесь детство по песку ступало,
Легко печатая следы.
Звенели мускулы металлом,
Но... много утекло воды.

И под ветлою рыболовом
На зорьке съежился не я —
Другой малыш белоголовый,
Похожий чем-то на меня.

* * *

Полежу у тропинки я малость
Да на тучи вдали погляжу.
Что-то нынче такая усталость,
А откуда она, не скажу.
Словно дед мой и прадед далекий
Передать мне усталость могли.

Я лежу... Слышу, силы, как токи,
Прибывают ко мне из земли.

БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Помнишь кровь, что пролил твой отец
На расстрелянных баррикадах?
Помнишь Зимний надменный дворец,
Потрясенный с Невы канонадой?
Схваткам яростным нету конца,
Если Правда тобой не забыта!
Что ты сделал, чтоб дело отца
Не поблекло в сумятице быта?
Разве ты рассчитался с врагом
И ни с кем тебе спорить не нужно?
Погляди, он вползает в твой дом
Холодящим, сухим равнодушьем.
Он погасит души твоей жар
И живую мечту похоронит,
В тридцать лет ты окажешься стар,
Лишь его прикоснутся ладони.
То крадется неверием враг,
Веру трудную ржавчиной точит,
Замедляет нацеленный шаг.
«Нет, не верю! Не выйдет!» — бормочет.

Продолжаются насмерть бои.
И не жди, не бывает покоя!
Справедливые руки твои
Не устанут пусть в пламени боя.
Схваткам яростным нету конца,
Если Правда тобой не забыта.
Что ты сделал, чтоб дело отца
Не поблекло в сумятице быта?

РАССТРЕЛ

Привели сынишку коммуниста.
Стал он рядом с матерью у рва...
А стрижи резвились в небе чистом,
И росла зеленая трава.

Дал команду офицер немецкий,
Автоматы глянули в упор.
Вот взметнутся огненные всплески,
И окончен будет разговор.

Но иначе думает курносый,
И улыбка на его лице:
Не докурит старший папиросы,
Все не так получится в конце.

Из-за леса вылетит тачанка,
И враги рванутся наутек,
Пулеметом прострочит их Анка...
Слышишь, конский топот недалек!

Или красных партизан засада
Пленников избавит все равно,
Или Павка налетит с отрядом...
Словом, так, как видел он в кино.

И упал мальчишка навзничь с верой,
С ожиданьем радостным в глазах,
Что покончат с этим офицером
Красные, примчавшись на рысях.

ИМЕНА

Душевное имя — Наташа,
Простое, как в поле цветы.
В нем чудится родина наша,
Родные до боли черты.

Былинное имя — Любава.
Но, может, впервые, как знать,
Оно подарило нам право
Любимых в уста целовать.

А разве «Аленушка, Лена»
Не многое скажет тебе,
Хоть, может быть, горькой изменой
Прошло оно в чьей-то судьбе?

Храните же, девушки, с детства
Свои имена, да верней.
Они вам достались в наследство
От чистых душой матерей.

ПЛАТОК

По моде быть одетой —
Совсем не легкий труд!
То шляпки, то береты,
То капоры пойдут.

Но, за сезон состарясь,
Свой отживают срок,
И лишь всему на зависть
Не старится платок.

Живет, цветет веками,
И не перешибешь!
Он с русскими лугами
Зимой и летом схож...

Вот они, чжуцзийские ребятишки! На заднем плане виден новый книжный магазин.

В МАЛЕНЬКОМ КИТАЙСКОМ ГОРОДКЕ

Генрих БОРОВИК

Фото Дм. Бальтерманца.

Когда поздно ночью мы, торопясь, вышли из вагона на темный перрон вокзала Чжуцзи, где скорый поезд Шанхай—Кантон стоит две минуты, у проводника был огорченный вид. Он словно хотел сказать: «Дорогие товарищи, зачем вам сходить в этом захолустном уездном городишке, где и гостиницы-то, наверное, нет? Лучше оставайтесь в поезде до Кантона». Но паровоз резко свистнул, продавцы фруктов в белых халатах, похожие в темноте на привидения, вытянулись возле своих лотков, и поезд с огорченным проводником укатил.

Большой неуклюжий автобус, фыркая и ворчливо тарахтя на поздних пассажиров, доставил нас в здание уездного правительства. Переводчица Чэнь Шу-и сказала:

— Откровенно говоря, я тоже не очень хорошо понимаю, зачем нам нужно было ехать в Чжуцзи. Разве здесь идет какое-нибудь крупное строительство? Или вообще этот город чем-нибудь замечателен? Ведь таких захолустных городков сотни и сотни в Китае!

Под напором всех этих вопросов мы тоже начали сомневаться, правильно ли сделали, приехав в Чжуцзи. Но сомневаться уже было поздно.

На улице

Восходящее солнце взглянуло на себя сразу в пять маленьких озер, разбрызганных по Чжуцзи. Оставшись довольным собою, оно смело вышло из-за облаков и принялось освещать городок. Светилу потребовалось затратить на это совсем незначительную долю своей энергии, потому что городок-то был крохотным, его главная улица — Освобождения — тянется всего на один километр. Другие улицы—Половинная, Кольцевая, Закатная, Поперечная, улица Долголетия, улица Снятия оскорбления, улица Молодежи — еще короче.

Самая шумная, многолюдная и многомагазинная часть городка — улица Освобождения. Все, что продается в крохотных магазинчиках и лавочках, стоит, висит или лежит перед дверями, бросаясь в глаза прохожим, хватая их за руки. А продавцы спокойно, с достоинством сидят внутри, скрытые от палящего щедрого солнца.

Во многих магазинах на стенах висят лозунги: «Если покупатель задаст продавцу сто вопросов, он получит сто десять ответов!», «Если покупатель захочет посмотреть сто товаров, продавец покажет ему сто десять!».

С мыслью о том, что неплохо бы такой лозунг повесить и в наших магазинах, мы двигаемся дальше.

Нам объясняют, что все эти магазинчики уже преобразованы в государственно-частные торговые предприятия. Между ними идет соревнование за лучшее обслуживание потребителя. Пока что впереди — государственный универмаг, туда покупатели идут охотнее всего.

Сегодня будний день. На улице не увидишь ни одного праздношатающегося, кроме совсем древних стариков, греющихся на солнце, и ребятишек. Ребятишек — толстых, краснощеких, со смешными косичками и разрезиками на штанишках сзади — такое невероятное число, что приходится буквально поднимать повыше ноги, чтобы не наступить на малыша. Они безраздельные хозяева всех улиц.

Среди маленьких, старых домишек на улице Освобождения высится новый двухэтажный дом с четырьмя красными иероглифами над входом. Это книжный магазин. Вдоль стен — стеллажи, полные книг. Посреди зала — столы, на которых тоже разложены книги. Никаких загородок, никаких барьеров. Каждый покупатель сам роется на полках, на столах, выбирая нужные книги. Потом подходит к маленькому прилавку, за которым сидят два продавца, и платит деньги. Многие ничего не покупают, а примостившись тут же у стеллажей или у стола, забыв обо всем на свете, читают, читают, читают...

Окруженные плотной толпой ребятишек, мы завязываем разговор с продавцом.

— О, у нас много постоянных посетителей! Одни постоянно покупают, другие постоянно читают здесь.

— А не пропадают книжки?— спрашиваем мы.

— Случается,— улыбается продавец,— но очень редко. Чаще всего это ребятишки: увлекутся книгой, заплатить нечем, вот и относят домой. Но возвращают, как прочтут. Пользы от такой пропажи больше, чем вреда, правда?!

— Много ли продаем?— переспрашивает второй продавец.— Когда два года назад строили этот магазин, казалось, что слишком он велик, не хватит любителей чтения. А теперь ясно: надо еще строить. Самый большой спрос на художественную литературу, затем на техническую и сельскохозяйственную.

— Когда в магазин впервые приходит кто-нибудь из горожан,

недавно научившихся читать,— подхватывает первый продавец,— мы устраиваем маленький «праздник первой книжки». Знакомим нового клиента со всеми продавцами, показываем, где какие книги лежат. Обычно первой книжкой бывает рассказ в картинках.

Выходя из магазина, мы увидели, как заметно поредела толпа мальчишек: добрая половина их осталась в магазине, примостившись у стеллажей и уткнувшись в книжки.

Двое грустных

В одной из длинных комнат двухэтажного дома, который стоит на берегу озера Ан, за столом в плетеных креслах сидят три человека: грустная молодая женщина с грудным ребенком на руках, грустный молодой мужчина и напротив них еще один мужчина, но не грустный — подтянутый. Перед каждым — фаянсовая белая кружка с чаем, а посреди стола—термос в плетеном бамбуковом футляре с надписью: «Народный комитет». Еще один человек бегает вокруг стола, а иногда и под ним.

Говорит подтянутый, держа в руках записную книжку:

— Конечно, мы можем вам только советовать, а уж счастье зависит от вас самих. Если супруги часто ссорятся, это плохо не только для них, но и для строительства государства. Поэтому давайте вместе думать, как укрепить вашу любовь...

При этих словах все трое берут в руки чашки и долго, сосредоточенно прихлебывают чай.

— Значит, мы выяснили,— продолжает представитель Народного комитета,— что очень многие ссоры происходили из-за провокационных действий свекрови. Так?

— Да, так,— отвечает жена.

Муж тяжело вздыхает.

— Но ведь не только из-за нее? Сами вы тоже, кажется, не всегда проявляли сознательность? Давайте займемся честной самокритикой. Мы сразу выясним многое...

Наступает тишина, которую нарушает только четырехлетний сынишка супругов, не учитывающий ответственности момента.

— Вы должны это сделать не только для себя, но и для него.— Владелец записной книжки указывает на нарушителя тишины.

Первым начинает муж. Все это время он сидел, подперев щеку рукой, и сейчас левая сторона лица у него красная.

— Мы оба, конечно, совершали ошибки,— осторожно говорит он.— Жена не обращала на меня достаточно внимания, а я неактивно критиковал ее за это и проявил к ней ошибочное отношение. Это оказало отрицательное влияние на взаимную любовь...

Муж, видимо, очень волнуется, и простые человеческие слова не идут ему на ум. Но то, что он выражается несколько официально, не смущает ни жену, ни представителя власти.

— Кроме того, есть экономические причины. Я не очень охотно помогаю ее семье. Это ошибка.

— Он не говорит еще, что однажды угрожал уйти из дому по этим экономическим причинам!—запальчиво вставляет жена.

— Э, давайте по порядку!

Когда муж наконец кончает объяснения и снова подпирает голову рукой, начинает жена:

— Я, наверное, тоже ошибалась. Я недостаточно критиковала себя. Но я не всегда умею найти свою ошибку, а он не помогает. Моя ошибка, наверное, в том, что я очень твердая. Но пренебрежения у меня к мужу нет. Он же должен понимать, что, кроме него, у меня дети и родители есть. И потом — свекровь!..

— Постойте, насчет свекрови мы уже выяснили! Итак, подведем итоги...

Больше мы не стали мешать деликатному разговору и поспешили к председателю Народного комитета Чжуцзи, с которым была назначена беседа в соседней комнате. Мы спросили у него, что же, собственно, происходит там, за столом, на котором стоят три чашки и термос.

— Они пришли мириться,— отвечает председатель Ян Цзи-сун.

— Мириться?!

— Да. Они женаты не первый год. Двое детей. Любят друг друга. Но последнее время что-то у них не ладится. Все время ссорятся. И оба решили прийти в Народный комитет, чтобы мы им помогли наладить отношения. О, к нам часто за советами ходят! — заметил председатель.

— Даже по таким вот сугубо личным вопросам?

— Теперь — да.

— А почему «теперь»?

— Потому что до освобождения в этом же самом здании помещалось гоминдановское городское правительство. Его возглавлял один из самых богатых людей в городе, Сун Юан-хэн. У входа стоял часовой. Простые горожане предпочитали обходить этот дом. Если простой человек попадал сюда, то это означало либо арест, либо штраф, либо еще что-нибудь подобное. «Личные вопросы» тогда, правда, тоже разбирались, но несколько иным способом, чем теперь. Был такой случай. Батрак Чен Цзы-яо, работавший на помещика, влюбился в девушку-батрачку. Помещик узнал об этом и заявил в правительство, так как сам имел виды на девушку. Глава правительства распорядился послать к дому помещика полицейского. Тот вытащил батрака на улицу, при всех жестоко избил и приказал отправиться в лавку, купить хлопушек, чтобы изгнать из дома помещика «злого духа неприличия». Кроме того, по приказу главы правительства батрак должен был купить мяса и устроить угощение «оскорбленному» помещику. На другой день батрак повесился...

Так что,— продолжал председатель,— первое время после освобождения многие еще сторонились этого дома: привыкли, что от властей ничего хорошего ждать нельзя. Ну, а теперь кто бы ни проходил мимо, почти обязательно зайдет сюда. Есть дело— хорошо. Нет дела — просто посидит, чаю выпьет, новости узнает.

Это уже другая крайность,— смеется председатель.— Но ничего, хорошая крайность! Люди знают, что это их дом, что они здесь хозяева, что они власть.

— Скажите, а как сформировано ваше городское правительство? — спросил я.

— Высшая власть — Собрание народных представителей из сорока девяти человек. На собрании избирается бюро из семнадцати человек. В этом бюро — представители всех слоев населения: рабочие, ремесленники, крестьяне, торговцы, служащие... К нам приходят даже такие люди, которых уж никак не ожидаешь встретить в здании народного правительства.

— Например?

— Например, недавно к нам пришел гадальщик.

— Предсказать вашу судьбу?

— Нет, изменить свою...

Судьба предсказателей судеб

В недалеком прошлом, как только наступал вечер, улицы городка наполнялись характерными звуками: «тинг-тинг-танг, тинг-тинг-танг». Это возвращались из окрестных сел слепые гадальщики и возвещали о себе звоном металлических пластинок, привешенных к поясу. Гадальщики жили довольно богато, их сыновья открывали лавки, покупали землю на деньги, собранные у легковерных крестьян.

Тот, кто хотел узнать свою судьбу, брал из рук слепца деревянный стаканчик, полный тонких палочек, и начинал его встряхивать. Одна из палочек постепенно выдвигалась и падала на коврик, возле которого сидел гадальщик. Он брал палочку и по вырезанным на ней значкам рассказывал о будущем. Чем труднее было жить людям, тем больше посетителей было у гадальщиков.

Но с некоторого времени доходы слепых предсказателей стали медленно, но верно падать. Все меньше и меньше людей подходило к ним, чтобы потрясти деревянный стаканчик. Гадальщики начали выдумывать новые способы привлечь клиентов. Некоторые стали громко рекламировать свое искусство на улицах, били в колотушки, не надеясь больше на вкрадчивый, мелодичный звук металлических пластинок. Но ничего не помогало. В мире, который окружал слепых, произошли удивительные изменения.

Однажды гадальщики устроили собрание. Собралось человек двести. Разговор шел долгий и невеселый. Надо менять профессию— это было ясно всем. Но никто из них ничего не умел делать, только предсказывать судьбы. Если бы они умели предсказывать свою собственную судьбу, то каждый давно уже запасся бы каким-нибудь ремеслом. Кто-то предложил организовать обучение игре на музыкальных инструментах, другие толковали, что сравнительно быстро можно освоить упаковку спичек на спичечной фабрике. Было много и других проектов. Но самый смелый проект, который с радостью поддержали все собравшиеся, выдвинул старый гадальщик Ли Шао-гын.

На другой день специально избранная делегация слепцов прибыла в Народный комитет. Предложение Ли Шао-гына заключалось в том, что поскольку у гадальщиков хорошо подвязан язык, то самая лучшая работа для них — стать... пропагандистами. «Мы можем пропагандировать книги,— говорил Ли,— санитарию и гигиену, рассказывать о вредности предрассудков, суеверий...»

Вот какие неожиданные предложения приходится иногда слышать членам городского правительства!

Народный комитет еще не принял никакого решения по этому вопросу. Но так или иначе будет сделано все, чтобы гадальщиков, которых «подвела профессия», постепенно устроить на работу.

Пятнадцать успехов радиодиктора

На улице Освобождения всегда людно. Но особенно много народу собирается в самом ее центре и в конце, где она выходит на недавно построенный мост через реку Пуян. В этих двух местах установлены громкоговорители.

Радио в городке появилось всего полтора года назад, и чжуцзийцы его очень любят. Поэтому около подпрыгивающих от собственной мощи репродукторов всегда много народу: здесь останавливаются лоточники, отдыхают грузчики, здесь стоит молодой милиционер в бело-синей форме — кумир всех городских девушек — и, конечно, масса ребятишек.

Первую передачу в городе услышали во время весеннего праздника.

— С новым годом! С новым годом! — прогремел репродуктор нежным девичьим голосом.— Начинается первая передача первой радиостанции Чжуцзи. Сегодня мы впервые встречаемся с вами, дорогие радиослушатели...

И хотя диктор дважды поперхнулась от волнения, все узнали голос Хан Шу-чжен — продавщицы универмага, которая была активисткой в городской художественной самодеятельности.

С тех пор радиодиктор — самая популярная девушка в городке. И разве только неприступный бело-синий милиционер не провожает ее глазами, когда она идет к себе в студию или возвращается домой.

— Ой, как я волновалась в первый раз! — рассказывала нам Хан Шу-чжен, высокая девушка с белой ленточкой в черных волосах.— Даже дрожала. А дрожать нельзя, потому что колебания!.. Ведь меня не только городок слушал, но весь уезд: в городе сто точек и в каждой деревне по одному — два репродуктора. Всего семьсот! Все подруги меня узнали, только мама не узнала...

Но это еще что! — продолжала взахлеб рассказывать диктор.— Больше всего мы на студии волновались, когда в сентябре передавали вступительную речь председателя Мао на Восьмом съезде

В Народном комитете Чжуцзи. Фото Г. Боровика.

В уездном городке Чжуцзи. Грузчик Юй Чжан-хо.

Фото Дм. Бальтерманца.

«Начинается передача»,— говорит диктор местного радио Хан Шу-чжен

Малыш помогает своей матери.

←
По реке Пуян, которая протекает через городок Чжуцзи, транспортируют рис, бамбук, кирпич, песок, керамические изделия.

Коммунистической партии. Мы записали ее на пленку и передавали первый раз вечером, в двадцать один пятнадцать... Обычно в это время у нас уже ложатся спать, но тут никто не спал, и все, кто мог, пришли к репродукторам. Был сильный ветер, и репродукторы не особенно отчетливо работали. Поэтому все, кто слушал радио, пришли к студии и попросили передать еще раз.

И тут несчастье! — Девушка сделала страшные глаза и шумно перевела дыхание.— Испортился наш магнитофон. Что-то в нем заело. Наши техники просидели всю ночь, а люди не расходились и все спрашивали: «Ну, скоро?» Даже милиционер наш пришел... Тоже волновался...

Девушка запнулась, приложила руки к щекам, вспыхнувшим румянцем, и замолкла: видно, она снова переживала события той волнующей ночи...

— И еще одна очень ответственная передача была у меня. Первого октября, в день седьмой годовщины Китайской Народной Республики, я передавала по радио «Четырнадцать успехов нашего уезда».

— Что же это такое? — спросили мы.

— Это основные достижения уезда Чжуцзи — не городка, а всего уезда — за последний год.

Девушка вытащила из стола аккуратную папку с надписью: «Передачи радиостанции Чжуцзи», нашла нужную страницу и начала медленно, как перед микрофоном, читать:

— Первое: почти все крестьянские дворы уезда вошли в кооперативы высшего типа.

Второе: урожай риса на двадцать процентов выше, чем в прошлом году...

Хан Шу-чжен увлеченно продолжала читать дальше...

Сельскохозяйственных вредителей теперь в уезде уничтожают при помощи химических веществ; в кооперативе Ампин установлена электропомпа для орошения одной тысячи му земли; построена гидроэлектростанция.

Мы узнали, что медицинские работники совсем ликвидировали страшную болезнь—шистозомоз, что в каждом районе открыта средняя школа. Были отмечены и радио и три кинопередвижки, которые сейчас действуют в уезде, так что каждый крестьянин смотрит кино не меньше одного раза в месяц, и многое другое — всего четырнадцать пунктов.

— Вот! — с гордостью сказала девушка, закончив читать длинный список.— Наш городок и уезд маленькие, но и у маленькой птички есть крылья! Я тогда читала и чувствовала, будто это мои личные четырнадцать успехов...

Когда мы шли по улице вместе с Хан Шу-чжен и проходили мимо молодого милиционера, он почему-то покраснел и стал слишком старательно разгонять окружавших его ребятишек. Не было ли это пятнадцатым личным успехом миловидного диктора с лентой в черных, как смоль, волосах?

...Через несколько дней мы садились в вагон скорого поезда Кантон—Шанхай. Проводник удивленно посмотрел на нас, будто хотел спросить: «Как это вас занесло в такой захолустный городишко, где и гостиницы-то, наверное, нет?».

«Спартак» — «Динамо»

Ни одного места на трибунах, ни одной минуты передышки на поле. Играют два традиционных соперника: «Динамо» — «Спартак».

Фото Алексея ХОМИЧА, заслуженного мастера спорта.

Кому из любителей футбола не известна фамилия Алексея Хомича! Много лет успешно защищал он ворота команды московского «Динамо». Уступив свое место другому вратарю, Льву Яшину, закончив свой спортивный путь в команде минского «Спартака», Хомич остался у футбольных ворот, но уже в качестве фоторепортера. В том, что он умеет ловить не только мячи, но и кадры, можно убедиться, познакомившись с его снимками.

Совершенно естественно, что Хомич с особым интересом фиксирует на пленке действия вратарей, но в его фотоархиве можно найти снимки и нападающих и защитников... И в первую очередь из двух команд — московского «Динамо» и «Спартака».

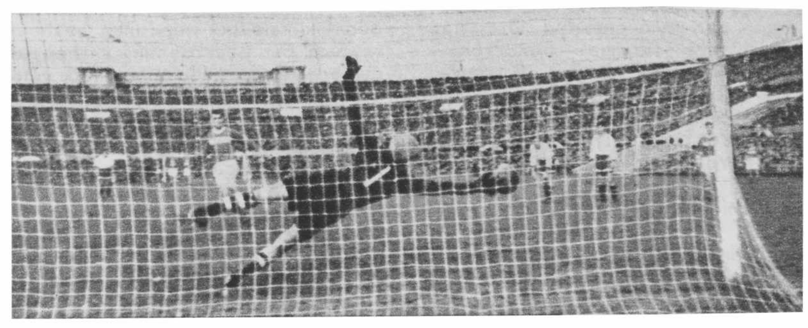
Двадцать лет идет соревнование двух футбольных коллективов, и почти половину этого большого срока Хомич занимал свое место на поле. Вот почему, когда было решено отметить новую встречу «Динамо» и «Спартака», с которой по традиции 2 мая открывается в Москве футбольный сезон, мы и решили воспользоваться снимками Алексея Хомича.

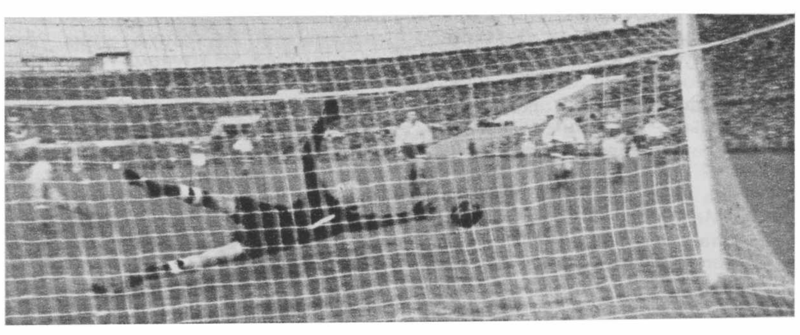
Знакомая картина: звучат первые такты футбольного марша, и два капитана — Игорь Нетто и Константин Крижевский — выводят свои команды на поле.

Редкий снимок удался Алексею Хомичу: мяч — в штангу!

Пенальти. Яшину как будто бы удалось отбить мяч...

но нет, мяч идет в ворота.

А. Хомич (слева) у футбольных ворот.

Владимир Ильич Дегтярев.

АЛЛО, ВАРШАВА! ВЫЗЫВАЕТ

Зинаида ШАТАЛОВА

Звонок прозвучал на этот раз особенно настойчиво.

Плотный мужчина в кожаной куртке, галифе и резиновых сапогах поднял телефонную трубку. Его широкое лицо, освещенное неярким светом настольной лампы, кажется таким красным, будто человек только что вошел в дом после долгого пребывания на морозном ветру. Из трубки послышалось:

— Варшаву заказывали? Не отходите!

Мужчина улыбнулся и замер в ожидании.

В трубке забулькало, захрипело, потом, словно пробившись через невидимые преграды, окреп, вырос, отчетливо зазвучал голос далекой телефонистки:

— Варшава, алло, Варшава! Вас вызывает Цимлянский...

Человек в куртке придвинул аппарат к себе и теперь уже широко и сердечно, как дорогому другу, улыбнулся трубке, ясно проговорившей по-русски:

— Варшава слушает. Неверли у телефона...

Человек в куртке заговорил. Лицо его стало совсем молодым, глаза лукаво сощурились. Громкий, взволнованный голос трубки прервал его неторопливый, по-южному мягкий говорок:

— Что? Дегтярев?! Не может быть! Невероятно! Немыслимо! Да ты ли это, Владимир Ильич? Ушам своим не верю! Что за чудо, что за чудо! Друг ты мой дорогой, товарищ незабвенный!..

Товарищ незабвенный...

«Русский доктор», «Доктор Вова»... Под этими именами в Майданеке знали узника номер 3569, в Освенциме так называли невысокого светловолосого человека с номером 182948, крупно вытатуированным пониже левого локтя.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как польский писатель Игорь Неверли и советский врач Владимир Дегтярев из Освенцима были переведены в разные лагери. Тринадцать лет писатель считал погибшим своего друга, о котором опубликовал после освобождения большую и тепло написанную книгу.

«Есть люди, которых ждешь с давних пор. Есть дружба, внезапная, нежданная, которую никогда не забудешь», — так начинает польский писатель Игорь Неверли свою повесть «Парень из Сальских степей».

Десять лет живет книга, и по сей день текут читательские письма к автору со всех концов Польши. Да и только Польши: книга была переведена на многие языки.

В адрес писателя Игоря Неверли приходят письма от молодых людей, полюбивших героя книги, от бывших партизан, сражавшихся под началом Владимира Дегтярева против гитлеровцев, от многих исцеленных, вырванных Дегтяревым из лап смерти, бывших узников фашистских концлагерей. Всех их волнует судьба мужественного борца и замечательного человека Владимира Ильича Дегтярева.

...Мне довелось переводить книгу И. Неверли на русский язык. Невольно задумалась: а вдруг ее герой жив? Никаких сведений о судьбе его не было. Чем дольше работала над книгой, тем меньше верилось, что «Русский доктор» погиб. Мало ли есть советских людей, которые совершили в годы войны подвиги, а вернувшись в родные места, продолжают скромно трудиться, не торопясь с рассказом о своих героических делах! Родилось решение: искать!

И вот после долгих розысков, рассказа о которых хватило бы не на один очерк, я в поселке Цимлянском, в семье Дегтяревых. Жив «Русский доктор»!

Владимир Ильич Дегтярев до войны работал старшим врачом конного завода на Северном Кавказе, потом стал научным сотрудником Пятигорской ветеринарно-опытной станции. Война застала его в городе Ломже, где он проходил срочную службу. Отступая по шоссе Ломжа — Белосток — Минск, дивизия попала во вражеское кольцо и во время упорных боев понесла невосполнимые потери. Немногочисленные группы уцелевших бойцов разошлись по окрестным селам и лесам, на свой риск и страх искали выхода из окружения, в одиночку или небольшими отрядами пробивались на восток. Но фронт уже был далеко. Вокруг хозяйничал враг.

Однажды Дегтярева и нескольких его товарищей немцы захватили врасплох, сонных...

В детстве Владимиру Дегтяреву не раз случалось слышать печальные воспоминания побывавших в плену односельчан. Но разве можно было по этим рассказам представить себе, что такое фашистский плен?

Лагерь военнопленных под Острувом-Мазовецким, куда Дегтярев попал к концу июля, не был еще тогда настоящим лагерем: это было обычное поле, наскоро обнесенное колючей проволокой. Три недели заключенные спали на земле, под открытым небом. Днем их заставляли работать: рыть ямы для уборных, крепить столбы, натягивать проволоку. Ночью они лежали. Вставать не разрешалось. Кто встанет или даже сядет, расстреливали на месте.

А потом пошли эпидемии тифа и дизентерии. Больных сгруппировали в отдельном месте, «лагере Д». Изоляцией все и закончилось. К «лагерю Д» было прикреплено несколько немецких санитаров, которые должны были препятствовать распространению заразы за пределы лагеря. И только. Лечить больных могли по собственному усмотрению врачи из числа военнопленных. Дегтярев, ветеринарный врач по образованию, вообще горячо увлекавшийся медициной, одним из первых вызвался служить в тифозном лагере.

Пользуясь тем, что санитары-немцы старались пореже заходить на территорию лагеря-лазарета, Дегтярев начал наводить в нем свои порядки. Прежде всего он подобрал надежный персонал. Врачи из Минска Борис Канторович и Ефим Хургель, ленинградец Борис Сапегин, бывший начальник медсанбата майор Николай Кврев, фельдшеры Михаил Юсупов, Петр Родионов, Алексей Машинистов, Алексей Парамонов и другие — все они были и остались настоящими коммунистами, думавшими только об одном: как в этих тяжких, нечеловеческих условиях помочь своим соотечественникам. Постепенно в «лагере Д», который остроумазовецкие узники прозвали «лагерем Дегтярева», были организованы санпропускник и баня — примитивные, но заметно облегчившие жизнь узников. По утрам неизменно происходил обход врача, наладилась регистрация больных, велся учет умерших. Узнай немцы о такой регистрации, не только Дегтярев, но и весь обслуживающий персонал лазарета был бы расстрелян: гитлеровцы всемерно заботились об уничтожении всяких следов своих преступлений.

Среди прикрепленных к лазарету немцев-санитаров оказалось два коммуниста. Один из них — Вилли — не только доставлял из немецкого лазарета медикаменты и инструментарий для Дегтярева, но помог ему соорудить баню и санпропускник.

Однажды Вилли спас Дегтяреву жизнь. Гитлеровцы каждый вечер расстреливали от 200 до 300 пленных. Делали они это возле «лагеря Д», откуда тела убитых вместе с трупами умерших больных стаскивали в специальную яму.

В один из таких вечеров немецкий унтер, руководивший очередным расстрелом, ворвался в лазарет Дегтярева и потребовал, чтобы фельдшеры вынесли больных на расстрел. Дегтярев категорически заявил, что не допустит этого и будет жаловаться коменданту лагеря. Унтер бросился к двери, за которой помещались больные, но Дегтярев преградил ему путь...

Вилли вошел в барак, когда раненный штыком Дегтярев лежал, обливаясь кровью, а разъяренный унтер топтал его ногами и бил прикладом. Бросившись на унтера, Вилли избил его до полусмерти и вышвырнул на улицу.

Через десять дней Вилли отправили на фронт. Накануне он отдал Дегтяреву свой пистолет, компас, кусачки для проволоки, сумку с медикаментами и сказал:

— Беги! Через неделю унтера выписывают из госпиталя.

Вместе с Дегтяревым бежало 13 человек. Это было в ночь на новый, 1942 год.

Спустя несколько дней беглецам удалось достичь советско-германской границы 1939 года, которую фашисты продолжали тщательно охранять. Когда беглецы уже пересекали границу, их заметили и начали преследовать. Дегтярев, шедший первым, добежал до леса. Потом силы его оставили. Опустившись на пенек, он уснул.

На рассвете, проснувшись, он понял, что обморозил ноги. Преодолевая боль, потащился дальше и наконец добрел до какой-то деревни. Солтыс (староста) оказался бывшим работником сельсовета, коммунистом. Накормив и обсушив гостя, он дал ему лошадь и отправил к своему родственнику в соседнюю деревню — подальше от границы.

Но ушел Владимир Ильич недалеко: в следующей деревне слег. Ноги его почернели, начиналась гангрена. Приютила Дегтярева вдова Аделя Наровская, мать троих детей. У нее уже некоторое время жил другой русский солдат, также бежавший из плена,— Николай Турков. Здесь, в доме Наровской, Дегтярев сам оперировал себе ноги. Два месяца ухаживали за ним Наровская, ее восемнадцатилетний сын Янек и Николай Турков. Здесь же, в селе Туробины (Люботыньской гмины, повят Снядово), оправившись от болезни, Дегтярев в марте 1942 года организовал партизанский отряд. С помощью Туркова был установлен контакт со всеми укрывавшимися по соседним де-

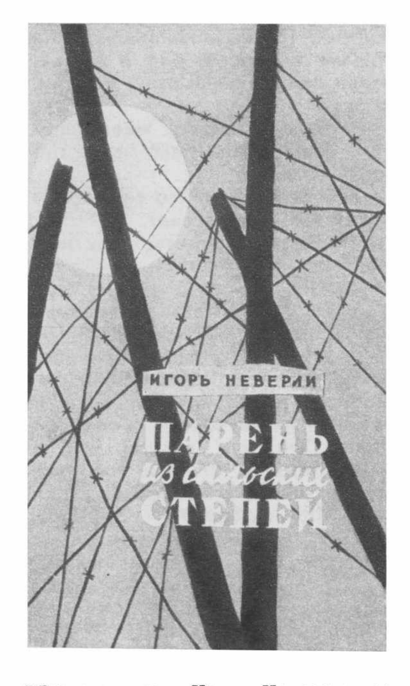
Иллюстрация художника Година к книге И. Неверли.

ПОСЕЛОК ЦИМЛЯНСКИЙ!

ревням русскими. Янек Наровский помог связаться с поляками. Польско-русский партизанский отряд под командой Дегтярева, разросшийся вскоре до 150 человек, активно действовал с мая 1942 года до апреля 1943 года.

Партизаны отбивали у немцев обозы с продовольствием и раздавали его крестьянам, пускали под откос эшелоны, совершали налеты на места заключения и освобождали арестованных, распространяли сводки Советского Информбюро.

Обложка книги Игоря Неверли, выходящей в Детгизе.

Главной же задачей отряда было нарушение движения на железнодорожной магистрали Варшава — Белосток — Минск. В течение лета 1942 года и весны 1943 года партизанам удалось спустить под откос 10 эшелонов.

10 апреля 1943 года, на следующий день после организованной отрядом крупной железнодорожной катастрофы в районе Гельчинского и Червонного лесов, фашисты бросили против партизан отряды жандармерии и гестапо, усиленные полевыми частями. Жандармы, случайно встретив на дороге Дегтярева и прочитав в его паспорте «русский», ни о чем больше не спрашивали его и, сковав руки и ноги, отправили в Ломжинскую тюрьму. Никаких улик, подтверждавших принадлежность к партизанам, при Дегтяреве не обнаружили. Документы его были выправлены по всем правилам. И все же его продержали в Ломжинской тюрьме восемь месяцев. Два месяца он просидел, прикованный цепью к стене, в одиночном карцере, в полной темноте. Потом начались допросы. После них Дегтярева, окровавленного, еле живого, сбрасывали в подвал с водой. В перерывах между допросами морили голодом. Выводили на расстрел и снова возвращали в подвал. Дегтярев молчал. Тогда в конце декабря 1943 года его перевели в Майданек.

Русских в Майданеке было сравнительно немного. Держались они дружной, спаянной группой.

Дегтярева узнали быстро: в лагере оказался соратник по партизанскому отряду Дмитрий Горланов, который также попал сюда из Ломжинской тюрьмы. Нашлись и другие, знавшие доктора лично или слышавшие о нем от товарищей. Появились новые верные друзья: москвичи-инженеры Александр Алексеевич Алексеев и Василий Иванович Сазиков, киевский врач-партизан Илларион Иосифович Михайловский, старший лейтенант Василий Безруков. Особенно близко Дегтярев сошелся в Майданеке с польским писателем Игорем Неверли. Дружба их началась с того времени, когда оба они лежали после тифа и когда Дегтярев, вступившись за Неверли, ударил больничного служителя, чем подверг себя смертельной опасности. Деля горечь неволи, они провели в воспоминаниях о прошлом и мечтах о будущем много бессонных ночей.

Уже будучи врачом 14-го блока Майданека, Дегтярев подружился с генералом Дмитрием Михайловичем Карбышевым. Владимир Ильич выходил, спас его от смерти, когда того полуживым привезли в Майданек из штрафного концлагеря Флоссенбюрг. Но ненадолго удалось продлить жизнь мужественного генерала. Через год узники Маутхаузена стали свидетелями трагической гибели Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева.

В апреле 1944 года советские войска приблизились к Майданеку. Заключенных спешно эвакуировали в Освенцим. Это была подлинная фабрика смерти. В Майданеке был один крематорий, в Освенциме — шесть. В Майданеке сжигали умерших или убитых — до 300 трупов в сутки, в Освенциме вместе с трупами умерших жгли предварительно отравленных газом здоровых людей.

Но и здесь люди продолжали бороться. Чешский врач Зигмунт, товарищ Дегтярева по Майданеку, познакомил его со своим другом. Это был тоже врач, коммунист-чех, вместе с которым Зигмунт сражался в Испании. Спустя некоторое время он ввел врачей в подпольную организацию, возникшую в лагере. С помощью коммунистов-поляков, имевших контакты с подпольем по ту сторону проволоки, освенцимским борцам удалось раздобыть радиоприемник. Его пронесли по частям в лагерь «вольнонаемные» поляки: монтеры, водопроводчики и ремонтные рабочие. Коммунисты распространяли среди заключенных сводки Советского Информбюро, предвещавшие близкий конец «третьей империи».

Гитлеровцы вскоре пронюхали о приемнике. Начались слежка, аресты. Над подпольной организацией нависла смертельная опасность. Надо было предотвратить гибель людей. В это время начался набор медперсонала в другие лагери, и Зигмунт перевелся в Баварию. Дегтярев нашел иной выход: записался в число малярийных больных. Маляриков гитлеровцы отправляли в высокогорные лагери. Люди не знали подлинной причины, побудившей Дегтярева стать «маляриком», но примеру его последовала большая группа заключенных. «Слишком велик был авторитет Дегтярева,— вспоминал впоследствии Игорь Неверли.— Раз идет «Русский доктор», — значит, так надо, значит, именно это правильно сегодня».

Была середина августа 1944 года, когда Дегтярев, Горланов, Коля-артиллерист (знаменитый тем, что угодил в лагерь прямо с поля боя, вместе со своими пятью орденами на груди), польский ученый агроном Добжанский, доктор Войтковский, шахтер Чиж и другие «малярики» с верой в близкое освобождение покинули Освенцим...

Прошли годы. Давно окончилась война. Но никто никогда не слышал в Польше ни об одном из тех, кто ушел из Освенцима в колонне «маляриков». Всех их считали погибшими. И, конечно же, погибшим считал Неверли непокорного, дерзкого, не знавшего страха перед фашистскими палачами узника № 182948 — светлоглазого русского парня из Сальских степей.

— А я вот он, жив курилка! — смеется Дегтярев, весело подмигивая телефонной трубке. — Не чаял, говоришь? Да я и сам не чаял в живых остаться. Где там!.. Нас ведь тогда загнали в штрафной концлагерь Флоссенбюрг, под Вайденом. Да, да, тот самый, каторжный! Там я и пробыл до конца войны.

Вот где горюшка хлебнул... И ледяными струями из брандспойтов в бане, и палками, и плетками на каждом шагу — чем только из нас малярию не выколачивали! В этом лагере такое, брат, пришлось повидать, что и самому теперь удивительно, как это мы все вынесли, все пережили...

Добжанский и Чиж? Не знаю! Нас всех разбросали. Ничего не слышал о них. А вот Митя Горланов жив. Вернулся домой, обзавелся семьей, работает. И Коля-артиллерист жив. Видел, видел я его. Он с семьей целый дом занимает в Пятигорске, на Железнодорожной, 52. Нет, больше ни о ком ничего не слыхал.

Сам-то я давно вернулся. Из Флоссенбюрга вышел 2 мая. Американцы нас выпустили. Сначала обращались с нами прилично: кормили, лечили, даже оружие нам дали: в горах еще оставалось много фашистских банд. А к концу мая они собрали всех югославов, чехов, поляков, русских, всего 600 человек, и перевезли нас в крепость Титмонинг, возле Зальцбурга. Не успели мы опомниться, как «союзники» обнесли крепость проволокой, понаставили пулеметных вышек... Мы взбунтовались. Избрали совет крепости, по три человека от каждой нации. Меня выбрали комендантом. До всеобщей голодовки дело дошло, а все-таки победили. В июне всех нас, 600 человек, перевезли в Лейпциг. Ну, а там через три дня уже было советское командование.

Игорь Неверли. На обороте этой фотографии польский писатель сделал такую надпись: «Дорогому Другу и герою моего романа Владимиру Ильичу Дегтяреву. Игорь Неверли. 3.IV.1957». А ниже приписка: «Постарел я, братец, правда? Ну что ж, года идут, но дружба, рожденная в лагере смерти,— живет и не стареет».

Пришлось здорово поработать, пока наши войска не прибыли. Американцы ушли и оставили в городе только комендатуру. Склады, фабрики, заводы без охраны. Начался грабеж. Мы расставили своих часовых и сберегли все до прихода советских войск.

Домой я приехал в январе сорок шестого. Ну, конечно, опять вернулся к довоенной профессии. Работаю врачом в районной ветеринарной лечебнице. Хотел было... Алло! Алло!..

— Время разговора истекло,— прервал беседу голос телефонистки.— Заканчивайте, заканчивайте!

Эх! Как обидно! Сколько еще хотелось сказать... И о том, как нашел семью, уже два года получавшую пенсию за убитого кормильца. И о том, как, вопреки всему, не хотела поверить в гибель любимого человека Мария Яковлевна — его жена, каждый день выбегавшая навстречу почтальону: «Нет ли чего от Володи?» И о смерти старшего сына, и о дочках, которые уже выросли. Хотелось сказать о том, как рады будут в его семье приезду дорогого гостя из Польши. Да нет, не гостя — родного, всегда милого сердцу брата!

Ну, да в следующий раз!

Владимир Ильич успел услышать: «До скорой встречи, Владимир!».

Потом, уже совсем далеко, словно донесенные эхом, прозвучали едва различимые, но такие дорогие его сердцу слова: «До свидания, Русский доктор!».

Братья БОРБОРЯН

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Как обычно, весь обеденный перерыв плановик Тараканов меланхолически жевал сухие бутерброды домашнего производства. Общественному питанию он почему-то не доверял и считал, что только кулинарные изделия жены способны обеспечить ему завидное долголетие.

Бухгалтер цеха Фирсов, тучный мужчина средних лет, наоборот, был ярым сторонником продления жизни посредством регулярного питания в заводской столовой.

После обеда из непременных четырех блюд Фирсовым всегда овладевала жажда деятельности. Поэтому остаток перерыва, свободный от приема пищи, бухгалтер использовал для общественной работы.

Тараканов пережевывал свою бутербродную жвачку и скептически смотрел на Фирсова, который, довольно пофыркивая, энергично крутил ручку арифмометра.

— Ну, что я говорил? — воскликнул бухгалтер так радостно, словно только что разделался с годовым отчетом. — Это же обойдется совсем недорого!

— Опять ты затеял что-нибудь коллективное? — с подозрением спросил Тараканов и натренированным движением отправил в рот заключительную горсточку хлебных крошек.—Пикник на лоне или посещение выставки детских распашонок?

— Антиобщественный ты человек! — развел руками Фирсов. — Кругом такие дела творятся, а ты сидишь в сторонке да жуешь потихоньку! Темно-серая ты личность!

И бухгалтер, воодушевляясь все больше и больше, поведал плановику о предложении предцехкома Забродина, сделанном в столовой во время обеденного перерыва.

Забродин предложил подхватить почин горьковчан, которые в свободное время построили для себя своими собственными руками несколько жилых домов.

— Наши ребята тоже решили строиться. Я вот сейчас прикинул — быстро и недорого можно такие хоромы соорудить!

Контора постепенно заполнялась сослуживцами. Все они пылко обсуждали квартирные проблемы. Вдохновенное воображение рисовало утопающие в зелени роскошные двухэтажные коттеджи с балкончиками и флюгерками на крышах. Впрочем, и этого некоторым казалось мало. И они дополняли пейзаж будущей улицы строгой перспективой лип и эмалированными указателями: «Проспект Здоровой Инициативы».

— Ведь это замечательно! — страстно воскликнул наладчик Толя Рябинин. — Во-первых, мы построимся близко к заводу. Во-вторых, в самом красивом месте. В-третьих, каждый может выбрать себе квартиру по индивидуальному вкусу! В-четвертых, быстрота — не чета нашему завкому. В-пятых...

— К чему откладывать дело? — заявил технолог Андреюк, закаленный борец со всеми видами волокит. — Давайте выберем строительный комитет. Председателем предлагаю Фирсова. Человек энергии, можно сказать, атомной.

Неожиданно в бодрую предстроительную симфонию ворвался странный дребезжащий звук. Это хихикал плановик Тараканов. В его смешке послышались такие скептические интонации, что все вдруг замолчали.

— Зодчие нашлись! Энтузиасты-утописты! Три годика ухлопаете, да еще неизвестно, что получится. И вообще комедия: Фирсов кирпич возит! Тачку толкает, я извиняюсь, животом...

— И повезу! — вскипел тучный Фирсов. — Мне даже врач рекомендует физическим трудом заниматься! И квартиру себе выстрою и фигуре стройность обеспечу. А тачки, братец, — это средневековье. Мы такие механизмы раздобудем!..

— Вы раздобывайте, — пробурчал Тараканов, и его скорбные бровки заерзали,— а мне райсовет квартирку предоставит. Безо всяких трудов...

Вечером, когда довольный собой плановик рассказал супруге о столкновении с сослуживцами, она неожиданно воскликнула:

— Тараканов! Ты всегда был непрактичен! Здесь пахнет роскошной квартирой. Радио ты слушаешь? Этой самодеятельности сейчас такую помощь оказывают! И государственные организации и общественные.

Супруга схватила карандаш и прямо на газете — там, где сообщалось о разводах, — набросала план будущего семейного очага:

— Вот это — спальня. Тут кровати. Здесь шифоньер. Это столовая. Тут стол. Рядом сервант для посуды... Только ты требуй второй этаж и обязательно солнечную сторону. А то у меня лимоны будут вянуть. Словом, завтра же покайся.

— Боже, Фиса, и ты своими нежными пальчиками возьмешь лопату? — с благоговением взирая на лакированные ноготки жены, молвил умиленный Тараканов.

— Квартира требует жертв! — философски ответила Фиса. — А вообще, относительно лопат у меня есть кое-какие соображения...

Вскоре рядом с рощицей неподалеку от завода вырос серый сучковатый забор. Сюда в свободное время являлись добровольцы-строители. Они шумно вливались в распахнутые ворота и, облачившись в комбинезоны, принимались за дело.

Наладчик Толя Рябинин превращался в ответственного по растворному узлу. Бухгалтер Фирсов становился такелажником. Его заметно постройневшая фигура появлялась то у крана-укосины, то у штабелей шлакоблоков. И над стройкой, даже когда в этом не было нужды, командно звучал его бодрый голос: «Майна! Вира!». А группа рабочих цеха под руководством технолога, а ныне бригадира Андреюка заканчивала кладку первого этажа.

Но ни Тараканова, ни Анфисы Петровны на стройплощадке не было видно. Правда, в первый день плановик с женой явились на работу. Тараканов самолично принял участие в рытье котлована. Анфиса Петровна обнаружила незаурядное дарование в области переноски кирпича. В порыве трудового вдохновения она несколько раз поднималась на груду вырытой земли и, желая ободрить сотоварищей, произносила пылкие призывы: «Поднажмем, орлы!», «Эй, стропилушко, ухнем!».

Но в последующие дни супруги Таракановы на стройку не заглядывали. Правда, общественность особых претензий к ним не предъявляла, ибо семейный минимум строительных трудодней отрабатывала голубоглазая смешливая девушка Тося Тараканова. Она так проворно накладывала раствор на кирпичную кладку, что два молодых токаря, уже успевших стяжать славу опытных каменщиков, едва поспевали за ней.

Так как строители были все-таки новичками-любителями, то у них имелись (с точки зрения профессионалов) некоторые «странности». Например, известно, что торжественным моментом на любом строительстве является закладка первого камня. Члены цехового постройкома на радостях праздновали не только первый камень фундамента, но и первый камень первого этажа, первый камень второго этажа и первое стекло в окнах.

Надо отдать должное Анфисе Таракановой: она регулярно присутствовала на подобных торжествах.

Оттеснив плечом новоявленных мастеров кирпичной кладки, штукатуров и кровельщиков, она вставала в первый ряд и произносила одну, всегда одну и ту же фразу:

— Мы, Таракановы, идем впереди! Как тут моя девочка, не позорит фамилии?

И все уже знали, что сейчас Толя Рябинин покраснеет.

Способность зардеться так вот, как будто без особой причины, проявилась у Толи с того момента, когда голубоглазая Тося стала полномочным и чрезвычайным представителем семьи Таракановых на стройке. Заведующий растворным узлом начал проявлять повышенный интерес к кирпичной кладке. Приятели шутили:

— Непонятно, кто наш Толя: во-первых, жених, а во-вторых, строитель. Или наоборот?

Тут бы Тосе самое время пресечь столь откровенные намеки, но она дипломатично молчала. Только поглядывала с улыбочкой на Рябинина. А тот от растерянности так краснел, что на фоне его румянца даже кирпичная стена казалась бледно-желтой.

В последнее время молодых людей все чаще и чаще видели вместе. Они неизменно приходили на стройку рука об руку, хотя всем было известно, что живут Толя и Тося в разных концах города.

В воздухе веяло весной. Цветочные киоски уже давно покончили с подснежниками и перешли на парниковую сирень. Озабоченные садовники со сноровкой парикмахеров щелкали ножницами, подравнивая ветви деревьев. Из радиорепродукторов неслись бодрые призывы встретить пернатых комфортабельными скворечнями со всеми удобствами.

Усталость нисколько не мешала Анатолию и Тосе допоздна блуждать по улицам и бульварам. Но каждый раз, когда молодые люди приближались к кварталу, где жила Тося, девушка говорила предупреждающе:

— Дальше меня не провожай... До свидания.

Это было загадкой. Тося упорно не позволяла Анатолию подходить к своему дому ближе чем на расстояние двух бульваров.

Однажды Тося не явилась на свидание в назначенный час.

Анатолий ждал ее долго — с того момента, как солнце начало оформлять свои закатные дела, и до тех пор, пока наступил вечер. Наблюдавший за ним милиционер признался продавщице сирени, что впервые за свою постовую деятельность видит такого упорного влюбленного.

На этот раз Толя отважился на

рискованный шаг: нарушить запретную зону и во что бы то ни стало узнать, что случилось с любимой.

Крадучись войдя во двор дома, в котором жили Таракановы, Толя уже приготовился юркнуть в первый попавшийся подъезд (номера квартиры он не знал), как вдруг увидел Тосю.

Она задумчиво сидела в дворовом садике, покачивая детскую коляску.

Заметив Толю, девушка сделала попытку укрыться за ствол ближайшего дерева, но потом махнула рукой, и лицо ее приняло невозмутимо-каменное выражение.

— Тосенька... — бросился к ней Толя, но встретил такой холодный взгляд, что застыл на месте.

— Товарищ Рябинин, я просила вас не приходить сюда...

— Ах, да, понимаю... Боитесь, что меня увидит папаша вашего ребенка?

— А хотя бы и так! — с вызовом ответила Тося.

— Почему же вы были со мной так... так неоткровенны? — грустно произнес Толя. — Что ж я... не понял бы... Я ж не только строитель... я ж и человек.

Тон, каким были произнесены эти слова, растрогал бы даже камень...

И через несколько минут Анатолий уже покачивал коляску, а Тося, захлебываясь от волнения, рассказывала, почему она не позволяла своему новому другу наведывать ее дома.

Девушка приехала из маленького далекого городка поступать в техникум. Но случилось так, что на одном из экзаменов вместо четверки Тося получила тройку и не попала в число принятых по конкурсу. На время экзаменов она поселилась у своего двоюродного дяди, плановика Тараканова. Анфиса Петровна сразу втянула Тосю во все сферы домашнего хозяйства, времени на подготовку оставалось с каждым днем меньше, может быть, поэтому и появилась злополучная, роковая тройка в экзаменационном листке! Исполнительная и быстрая Тося пришлась по душе Анфисе Петровне: о лучшей домработнице и мечтать нельзя было.

— Поживешь у нас,— ерзая своими скорбными бровками, уговаривал Тосю плановик,— подготовишься как следует, а на ту осень опять будешь поступать... Не благодари, не благодари! Родственники должны друг другу способствовать... И ты нам по-родственному поможешь: то да се... По хозяйству, одним словом...

— Значит, ты у них вроде... — начал Анатолий.

— Вроде домработницы, — смущенно подтвердила Тося. — Тебя стеснялась... А теперь вижу, напрасно... Домработница, та хоть может потребовать себе рабочий день ограниченный, зарплату. А я ничего... Ушла бы я от них куда глаза глядят, да ведь жить где-то надо. Я же пока никакой професcии не имею... Кто меня возьмет на работу?

— Да ты ведь на любой стройке рекорды ставить можешь! — воскликнул Анатолий так громко, что чуть не разбудил младенца, мирно посапывающего в коляске. — Да ты...

— Что же ты замолчал?—с беспокойством спросила девушка.

— Так, пришла в голову одна идея... Никому о нашей с тобой беседе не говори пока. И на стройке пусть никто ничего не знает. А работать надо даже лучше, чем до сих пор...—И Толя лукаво улыбнулся...

...И вот наступил день, которого с таким нетерпением ждали самодеятельные строители.

Фирсов, фигура которого за это время приобрела подлинно тяжелоатлетические контуры, словно не кран, а он перетаскал все грузы на стройке, вместе с другими доверенными лицами вручал новоселам ключи от комнат.

Будущие жильцы окружили крыльцо дома, на котором, как на трибуне, восседали члены стройкомиссии.

Ключи в руках Фирсова мелодично позвякивали, и звон этот отзывался радостью в сердце каждого. Солнечные блики играли на почерневшем от загара лице председателя постройкома.

— Квартира третья, второй этаж, первое парадное, — провозгласил Фирсов. — Тарака...

— Я здесь! — рванулась вперед Анфиса Петровна. — Пожалуйте мой ключик!

Фирсов поднял руку вверх, и ключ сразу стал недосягаемым для супруги плановика.

— Вы не та Тараканова! Комиссия решила вручить ключи законной владелице квартиры — Антонине Таракановой.

— Как?! — страшным голосом воскликнула Анфиса Петровна. — За что старались? За что мы пот проливали? Поглядите на эти трудовые мозоли! — вознесла она к небу свои наманикюренные пальчики.— Где справедливость?

— Дорогая Анфиса Петровна,— не повышая голоса, объяснил Фирсов, — ведь это было строительство своими руками, а не чужими. Вы просто что-то перепутали.

— Я же говорил, что что-нибудь случится, — пробурчал Тараканов, ерзая своими скорбными бровками. — Я предчувствовал. Эти коллективные мероприятия всегда вызывали у меня подозрение...

Жильцы было зашумели, но Фирсов позвонил ключами, призывая к порядку.

— Если ты насчет внесенных денег сомневаешься, — сказал он плановику, — то зря: не пропадут они. Завтра же можешь получить обратно. И, если хочешь, с процентами. Как в сберкассе.

Анфису Петровну увели под руки на старую квартиру. И все кончилось благополучно. Правда, Толя получил жилплощадь в другом парадном. Но чуткие соседи вскоре предложили им сменить две комнаты в разных подъездах на две в одном.

...А невдалеке уже начиналось строительство следующего дома. По просторам будущего Проспекта Здоровой Инициативы мчались машины, груженные кирпичом. Над растущими этажами стоял шум стройки — весенний бодрящий шум.

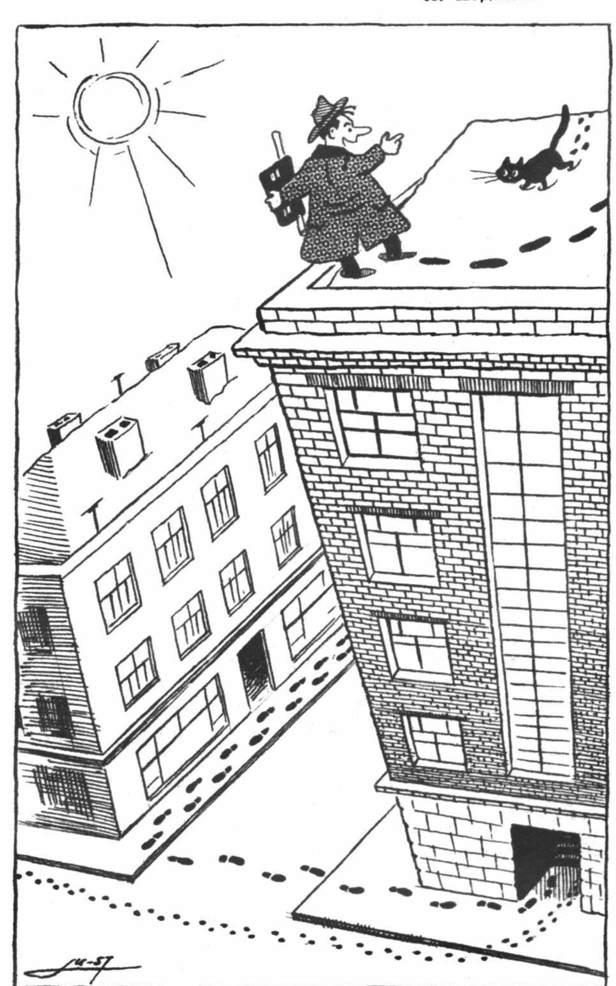
Рисунок Ю. Черепанова.

Первая зарядка.

В. Соловьев.

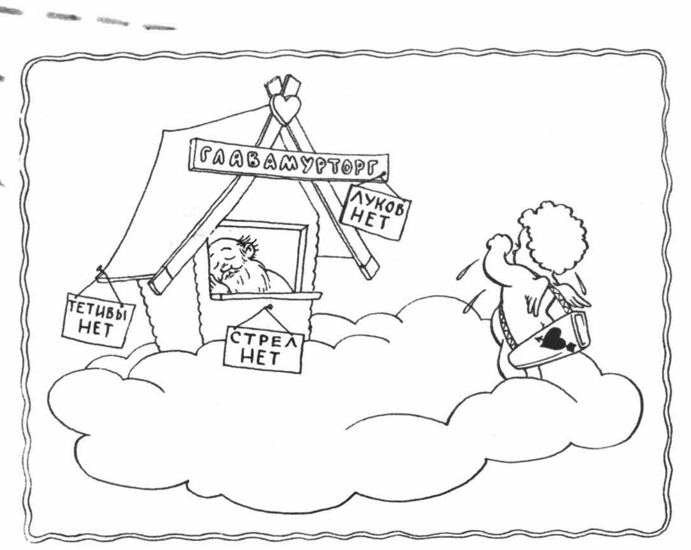
Мечты и действительность.

Л. Ходаков.

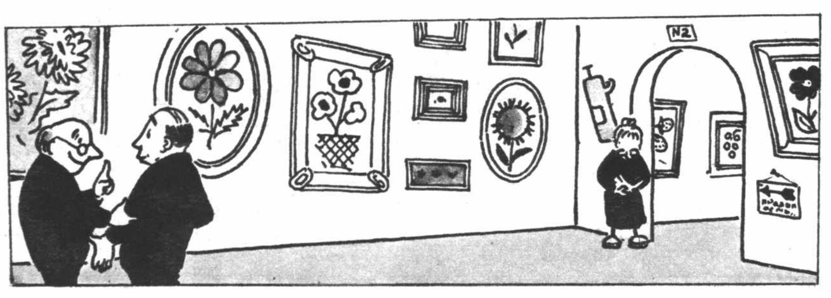

– Все-таки я тебя обойду!

И. Массин. Тбилиси.

Е. Гуров.

— Это еще цветочки, ягодки впереди.

М. Ушац и К. Невлер.

Футболомания. М. Абрамов.

Евг. ПЕРМЯК

Рисунки В. Гальба.

По вечерам мы нередко проводили время в корабельном салоне, и бывалый моряк Сергей Сергеевич рассказывал нам презабавные истории. Вот что он рассказал однажды...

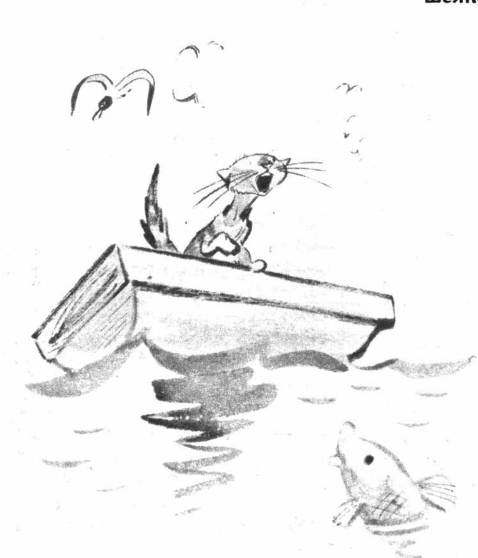
Наш крейсер находился в учебном плавании. Был тихий летний день. Море, как зеркало. Хорошая видимость, только солнце слепило глаза впередсмотрящим.

Впередсмотрящими в этот час вахты были старший матрос Коробов и матрос Ванечкин. Зоркие моряки. Корабль ли какой появится на горизонте или шлюпка, обязательно первыми доложат по корабельному телефону на ходовой мостик. Даже если, допустим, ящик какой-нибудь плывет, не упустят. И правильно. Мало ли в море случаев бывает: и безобидный ящик может плавающую мину прикрыть.

И вот, изволите ли видеть, вдруг старший матрос Коробов по полной форме докладывает:

— Товарищ командир, прямо по носу в семи кабельтовых стиральное корыто, а в корыте кошка.

— Есть,— отвечает командир,—

прямо по носу стиральное корыто, а в корыте кошка.

На ходовом мостике раздался дружный хохот. Приникли к биноклям. Точно: прямо по носу стиральное корыто, а в корыте кошка.

Корабль замедлил ход, затем остановился. Спустили шлюпку. Кстати, это входило в программу учебного плавания. Отрабатывали исполнение команды: «Человек за бортом!»

Вскоре корыто и кошка по всем правилам спасения на водах были подняты вместе с матросами и шлюпкой на палубу. Рыжий кот обрадовался кораблю, как берегу. Начались догадки:

— Откуда? Как? Почему кот очутился в корыте?

Строились самые различные предположения. Может быть, мальчишки созорничали и пустили несчастного кота в плавание. Вернее всего, что это именно так и было. Но какие мальчишки? Стали исследовать, в какой стране делаются такие корыта. Мнения раскололись. «Национальная принадлежность» корыта так и не была определена. А спасенного мореплавателя определили в боцманскую команду и назвали Темкой в память погибшего, также рыжего, корабельного кота Темки.

Нового Темку для порядка посадили в клетку. На карантин. Мало ли... Может быть, больной, нарочно кем-то зараженный кот. На корабле во всем необходимы предосторожности...

Через неделю корабельные медики нашли Темку совершенно здоровым котом, и он перешел на постоянное жительство в боцманскую команду.

Животное оказалось ласковым, общительным, от него пахло домом, берегом. Всякая кошка напоминает семью, детство.

Полюбили Темку. Приучили его бегать по команде за обедом и ужином в камбуз. Зазвучит горн на обед, скажет корабельное радио: «Команде обедать!»,— смотришь, Темка хвост трубой и в камбуз к своей миске.

Прижился кот на корабле, но вскоре заметили, что он хиреет, избегает ступать по корабельной палубе. И снова заговорили, что второй Темка, как и первый, как, впрочем, и все кошки, не жилец на корабле. Электрики объясняли это тем, что на нежные подошвицы — подушечки кошачьих лап — действуют электрические токи палубы. Находясь длительное время под действием этих токов, кошки гибнут.

— Железная палуба для кошек,— объяснил боцман,— как бы электрический стул замедленного действия.

Так это или нет, с боцманом не спорили, только Темку хотелось сберечь всем, начиная от командира. Не для того же спасли, чтобы погубить.

И вот, изволите ли видеть, однажды корабельный сапожник старшина первой статьи Ожигов доложил командиру:

— Разрешите, товарищ командир, сшить Темочке предохранительные сапоги.

Это сначала рассмешило командира, а потом он сказал:

— Будет ли только кот в сапогах ходить? Он ведь не сказочный, а настоящий.

Корабельный сапожник на это ответил:

— Товарищ командир, если сапожки ему сшить легонькие, с шелковой шнуровочкой, с завязочками, куда тогда коту деться? Будет в сапогах ходить. А чтобы сапоги не скользили, подошвы из губчатой резины приспособим. Она и от электричества его лапки предохранит.

Весть о сапогах для кота облетела все кубрики. Всем тоже показалась очень смешной затея Ожигова. Но в смехе моряков сквозило сочувствие. Всем им хотелось видеть кота в сапогах и верить, что сапоги спасут ему жизнь.

В сапожную мастерскую то и дело забегали матросы, старшины, офицеры крейсера.

Терпеливо корабельный сапожник старшина первой статьи Ожигов снимал мерку, искал форму сапога, чтобы Темка не сбросил сапоги, не стащил их зубами. Все давали советы, вносили предложения, исправления...

И вот настал день примерки красных сафьяновых сапожков на шелковой шнуровке.

Кот упирался. Мяукал. Вырывался. А его уговаривали:

— Темочка!.. Голубчик!.. Тебе жизнь спасают!.. Привыкнешь, дураша!

Наконец обули кота. Пустили на палубу. Темка ни за что не хотел становиться на ноги. Катался по палубе. Стаскивал сапоги. Да куда там!..

Вечером кота разували, утром обували. С каждым днем кот сопротивлялся все меньше и меньше. Увереннее ходил по палубе, изредка тряся то одной, то другой лапой, словно желая сбросить сапог.

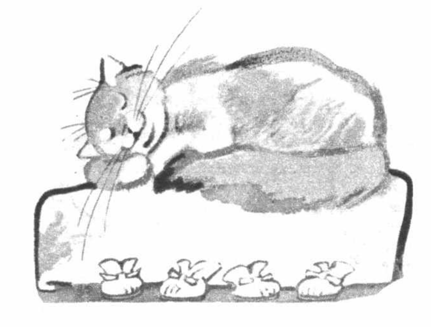
Вскоре стали замечать, что у Темки появился аппетит. Нашлись в медицинской службе радетели, которые взвешивали кота. Докладывали командиру о прибавке веса.

Кот теперь довольно быстро бегал по палубе и трапам. Ему только не хватало одного — когтей. Когти были спрятаны в сапоги. Ожигов, раздумывая над этим, внес усовершенствование. Он проделал в сапогах отверстия для выпуска кошачьих коготков. Кот после этого почувствовал себя куда увереннее.

За жизнь Темки уже никто не беспокоился. К нему так привыкли, что даже перестали замечать. Но как-то он напомнил о себе и привлек всеобщее внимание.

Однажды Темку забыли обуть. Было не до кота. Готовились к большому походу. Голодный, забытый кот терпеливо сидел в кубрике до обеда. Но когда послышалось в репродукторе: «Команде обедать!» — раздался дикий кошачий рев. Кот требовал сапоги. Он ни за что не хотел отправиться в камбуз «босым» по длинной железной палубе. И как только Темку обули, он стремглав бросился к коку, где его давно ожидал обед.

Время шло. Темка стал большим, разжиревшим котом. Он

стал медлительнее в движениях. Важно шествовал по палубе в сафьяновых сапогах, будто кичился своей красивой обувью...

ОКУРОК

Ц. ГОЛОДНЫЙ

Рисунки Е. Горохова.

— Умираю, есть хочу, — сказал папа. Он бросил свой пузатый портфель на пол и упал на стул.

— Не умирай, пожалуйста, — сказала мама, — пойди сначала вымой руки.

Папа посмотрел на свои руки, измазанные чернилами. Он разглядывал руки так, как будто видел их в первый раз.

— Они у меня чистые, — сказал папа.

— Пойди вымой руки, — сказала мама, — я дам тебе пемзу.

— Не нужна мне пемза, — сказал папа.

Руки он все-таки вымыл, и мама принесла ему полную тарелку супа. От супа вкусно пахло грибами. Папа понюхал грибной запах и

— Подыми окурок, — сказала она.

— Какой окурок? — спросил папа.

— Ты бросил окурок на пол, — сказала мама, — подыми окурок.

— Все равно завтра уборка, — сказал папа.

Мама нагнулась и подняла окурок. Она запихнула его в ракушечью пепельницу, похожую на большую луковицу, и налила папе киселя.

...Папа у меня — хороший человек. Это мама так говорит. Папа скромный, добросовестный и хороший семьянин. У него только один недостаток. Он много курит и все свои окурки бросает на пол. Папа курит перед уходом на работу, курит вечером и курит ночью. И утром, когда я собираюсь в школу, мама ходит согнувшись, как циркуль, и вытаски-

стал быстро-быстро двигать ложкой. Он двигал ложкой взад и вперед, и вместе с ложкой двигалось побледневшее чернильное пятно на папиной руке. Потом он отодвинул пустую тарелку и вынул серебряный портсигар.

— Не кури во время обеда, — сказала мама.

Папа зажег спичку и сказал:

— Я половиночку...

— Знаю я твою половиночку, — сказала мама.

Мама принесла второе и повернулась к буфету. Она резала хлеб. Папа посмотрел ей в спину и затушил папиросу о ножку стола. Окурок упал на пол, и папин ботинок стал тихо подталкивать его подальше от света. Мама обернулась и сразу все поняла.

вает отовсюду скрученные окурки, беленькие с черной головкой. А так папа — хороший человек...

После обеда папа берет газету и читает про разные события. Он читает вслух, мама его слушает. Папа читает-читает, а потом начинает засыпать.

— Ты спишь? — спрашивает мама.

— Что? — оживает папа и начинает читать сначала. Тогда мама взбивает подушки и стелет постель.

— Ты не забыл, — спрашивает мама, — завтра к нам придет тетя Клава с мужем?

— Ну и что же?

— Купи торт, — говорит мама, — и не опаздывай.

— Хорошо, — говорит папа. Он выкуривает еще одну папиросу, опускает окурок на пол и засыпает совсем.

На следующий день к нам пришли гости: тетя Клава с мужем. Эта тетя Клава, худая, как гвоздь, а муж у нее толстый, будто его надули. Они пришли в семь часов, но папы почему-то не было. Мы пили чай с «Золотым ключиком» и ждали папу. А его все не было. В восемь он не пришел, в девять тоже, а в десять тетя Клава с мужем ушли. Мама начала беспокоиться, и тут как раз пришел папа. В одной руке у него был портфель, а в другой — измятая коробка с тортом. Он бросил портфель и коробку на пол и упал на стул.

— Где тебя носило? — спросила мама.

— Почему это носило? — повторил папа.

— Тебя тетя Клава с мужем ждали, — сказала мама.

— А что я мог поделать? — сказал папа и взялся за свой портсигар.

— Где ж ты был? — спросила мама.

— Где я был? — сказал папа. — В милиции.

— Наверно, без билета ехал, — сказала мама.

— Из-за окурка, — сказал папа, — из-за окурка все получилось.

— А почему так долго?

— Я не хотел штраф платить, — сказал папа, — принципиально не хотел. Если бы без билета ехал, а то за окурок... Порядки у нас! — И папа покачал головой. Это означало, что папа не может согласиться с такими порядками.

Папироса у папы сгорела почти до «фабрики». Я думал: он сейчас возьмет и бросит ее на пол. Но папа встал и, держа окурок между пальцами, о чем-то задумался.

— У нас есть пепельница? — вдруг спросил папа.

Мама взяла окурок и засунула в ракушку.

— Спасибо, — сказала мама.

Папа взял газету, и лицо его скрылось за листом. Он почитал немножко и лег на тахту.

— Спокойной ночи, — сказал папа, и через минуту в носу у него что-то тихо засвистело.

— Вот если бы дома был милиционер... — сказал я.

— Ну и что? — спросила мама.

— У нас было бы чисто...

Мама засмеялась.

— Без милиционера обойдемся, — сказала она. — А ты на него не обижайся, он добрый, и я его люблю...

Мама открыла коробку с тортом, поглядела на измятые кремовые грядки и еще раз засмеялась.

— Ну, марш в кровать! — сказала она, и я начал раздеваться.

Сережа готовится выступать по телевидению.

Н. Лисогорский.

В. Жаринов.

В Антарктике. Сцена у фонтана.

А. Брусиловский. Харьков.

— Где ты будешь отдыхать этим летом?
— На Волге.

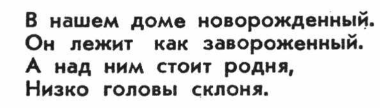

Е. Горохов.

Новорожденный

В нашем доме новорожденный.
Он лежит как завороженный.
А над ним стоит родня,
Низко головы склоня.

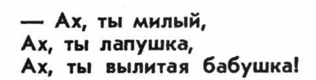
— У ребенка подбородок —
Настоящий самородок!

— Посмотрите носик
в профиль!
Ах ты, маленький картофель!

— Лоб высок, как у Сократа...
У дитя — ума палата!

— Ах, ты милый,
Ах, ты лапушка,
Ах, ты вылитая бабушка!

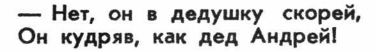

— Нет, он в дедушку скорей,
Он кудряв, как дед Андрей!

— Подождите, дед Андрей
Ходит лысый, без кудрей.

— Присмотритесь:
Мальчик в маму.
Дайте мамину панаму!

— Нет, померьте лучше шляпу
И увидите: он в папу.

— Ах, при чем здесь папа?
Нет!
Тети Даши он портрет.

— Извините, тетя Даша
Ведь не родственница наша...

Чем закончился их спор,
Мы не знаем до сих пор.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Е. Горохова.

ВО ДВОРЕ СТОИТ МАШИНА

Во дворе стоит машина,
В ней не заперта кабина,
Не любил шофер машину на минутку закрывать.
Пятилетний Саша тут же,
В туфлях шлепая по луже,
Устремился к той машине, чтоб в шофера поиграть.

Он взобрался на сиденье
В самом лучшем настроенье,
Все потрогал, все проверил, кулачком сигнал нажал,
И ворвался в день погожий
Звук, на львиный рев похожий,—
Даже с улицы прохожий, запыхавшись, прибежал.

В доме окна растворились,
В окнах люди появились,
Возмущаются, грозятся, только их не слышна речь.
Постовой бежит в тревоге,
А за ним и дворник строгий,
Чтобы этот рев ужасный им немедленно пресечь.

...Ну, а Саша размечтался,
Будто двор вдали остался,
Город мысленно проехал, разрезая ночи мглу.
...И в разгар воображенья
Сняли Сашеньку с сиденья
И заставили вдобавок постоять еще в углу.

Алла КИРИЛЛОВА

Часы А. С. Пушкина

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина хранится несколько десятков предметов, принадлежавших Александру Сергеевичу Пушкину: письменный стол из Болдина, перстни, курительная трубка, трости, сабля, подаренная генералом Паскевичем во время путешествия Пушкина в Арзрум, и другие вещи. Как известно, многие личные вещи Пушкина разошлись по родным и друзьям, часть была утеряна.

Совсем недавно, через 120 лет после смерти поэта, коллекция музея пополнилась новой реликвией. Это закрытые серебряные часы 20—30-х годов прошлого века английской фирмы Тобиас на 13 камнях. На обеих крышках — гравировка с эмалью.

Интересна история часов. В апреле 1837 года Наталья Гончарова послала одному из друзей Пушкина, П. В. Нащокину, архалук и часы поэта. Из воспоминаний П. В. Нащокина и его жены известно, что памятные вещи они получили. Архалук у Нащокина был украден, а се-

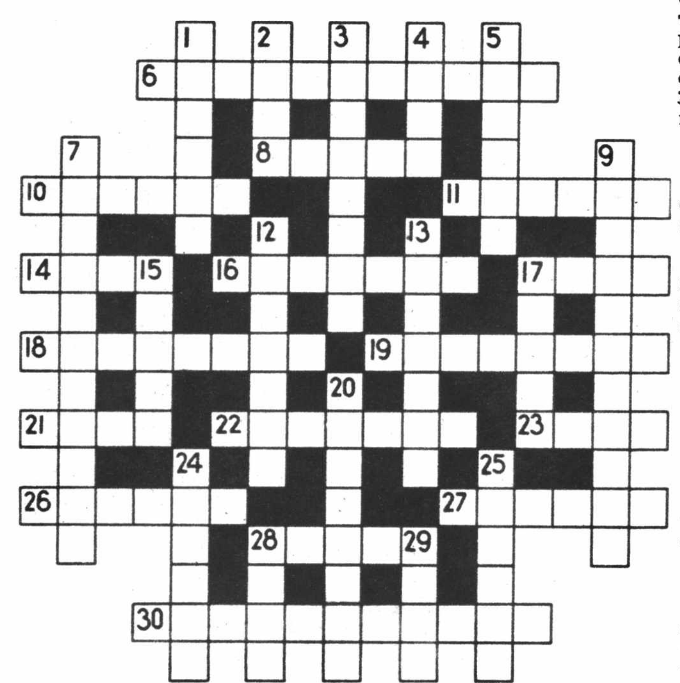

ребряные часы попали впоследствии к историку и публицисту М. И. Семевскому. После его смерти часы хранились у родственника Семевского П. Н. Воронова. Тот подарил часы Пушкина сыну своих друзей А. С. Соколову, ныне сотруднику одного из московских научно-исследовательских институтов. От него часы поступили в музей.

Существует предположение, что часы были у Пушкина во время дуэли.

О. ПИНИ

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Объяснение с помощью наглядных примеров. 8. Помещение для выставок. 10. Приспособление на огнестрельном оружии. 11. Ягода. 14. Птица с пестрым оперением. 16. Артиллерийское подразделение. 17. Государство в Южной Америке. 18. Самолет. 19. Электромагнитное устройство в телефонном аппарате. 21. Созвездие. 22. Город в Калининской области. 23. Прибор для определения массы. 26. Порт на Желтом море. 27. Вулканическая порода. 28. Персидский поэт. 30. Числовой множитель.

По вертикали:

1. Спортсмен. 2. Единица измерения освещенности. 3. Профессия рабочего. 4. Музыкальный инструмент. 5. Сосуд для плавки металлов. 7. Рассказ А. П. Чехова. 9. Советский поэт. 12. Народный артист СССР. 13. Герой романа М. Шолохова. 15. Спутник планеты Сатурн. 17. Древний русский город. 20. Союзная республика. 24. Автор памятника К. Минину и Д. Пожарскому. 25. Русская крестьянка, участница Отечественной войны 1812 года. 28. Диван. 29. Приток Ангары.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

5. Ленинабад. 6. Жаворонок. 10. «Москва». 11. Сланец. 12. Адрес. 14. Рецепт. 15. Септет. 16. Совет. 18. Менделеевий. 19. Залп. 23. Гана. 24. Аранжировка. 25. Лявониха. 26. Интернат. 27. Гармоника.

По вертикали:

1. Весна. 2. «Миргород». 3. Раздолье. 4. Данко. 6. Живописец. 7. Коллектив. 8. Модернизация. 9. Телемеханика. 13. Революция. 16. Сидр. 17. Трек. 20. Пафос. 21. Защита. 22. Цветок. 23. Гагра.

На вкладках этого номера: репродукции картин О. М. Зардаряна «Весна»; В. А. Серова, В. Ф. Подковырина, Д. В. Беляева «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе 12 мая 1917 года»; Ж. К. Медзмариашвили «Завтра праздник» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00792. Подписано к печати 24/IV 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 454. Заказ 973.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Наш сезон начался!

Фото А. Бочинина.

Цена номера 3 руб.
58